

Полина Шедьник

ронки Дарона

ЭЛЬФ ПОД ГОРОЙ

Annotation

Дарон населили маги, эльфы, люди, гоблины, орки и азагуры, разбившись на государства. Выжить в мире, где нет бездонных богатств, непросто. Но теперь драконы перебиты, орочья орда распалась, азагуры отложили топоры, проедая дань. Рокот сражений умолк пятьсот лет назад. И жизнь идет своим чередом: наёмники делают что оплачено, канцлеры управляют за спинами владык, а младшие принцы жаждут власти. Наёмница, маг-канцлер и принц без трона — три жизни, сплетаясь и отталкиваясь скоро изменят Дарон, расписав хроники кровью. Так пойдём же вперед, из Асестима по всему континенту в самый Чёрный лес.

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Сколько раз вы умирали? Один? Или может быть, два? Я не знала ни одного человека, что пережил бы три смерти. Единственным был Хамур, но мрак подери, и он двинул ноги на арене в девятнадцать. И больше я не привязывалась к людям, да, в общем-то, не только к ним. Таким как я, не стоило тратить время на смертных: Хамур послужил хорошим уроком.

Вы спросите, кто я? Теперь всего лишь младший служитель королевской гвардии зачистки, да что уж говорить настолько младший, что живительный порошок полагается раз в месяц. Но всё же это лучше, чем раньше, до шрамов. Много лет подряд я принадлежала дому мадам Гризо, том самом, на углу Шахтёрской и Торговой, где запах пота, перегара и дешевых духов въедается в ноздри. Пока была девчонкой, мыла полы, стряпала, а после, как и все в доме на перекрёстке стала шлюхой и соврала бы, если сказала, что стоила дорого.

Впрочем, я не виню отца: родился я мальчиком, возможно, он бы и потратил на воспитание время, деньги и что там ещё надо. Но это не точно, мальчиков тоже продавали. На девочек же размениваться у нас, азагуров, теперь и вовсе не полагалось. Стоит сказать, что всё не так плохо, хозяйка даже тратила сарты на моё обучение. Правда, потом полагалось отработать ещё четыре года сверх контракта.

Раньше я была хорошенькой: большие желтые глаза, черные волосы, за меня давали целых два сарта — не так уж мало по расценкам Шахтёрской. Но однажды на ночь меня купил богач. Извращенец вырезал на моей спине громадное дерево и изуродовал лицо магическим клинком, за ту ночь я умерла четыре раза. Теперь меня украшали шрамы: от бровей до щек, пересекаясь крестом на переносице, лицо прорезали красные рвы от клинка в золотой оправе. Сукин сын выгрузил меня у публичного дома с пятьюдесятью сартами в мешочке на шее — хозяйка приняла деньги и перепродала меня в гвардию.

Там то всё и началось.

ГЛАВА 1. ВАГАРДА, ПОСЕЛОК БЛИЗ АСЕСТИМА. ВЕДЬМА

"..Бурлит Дарон, омыты земли кровью, Стенанья, стоны, сталь и боль. Под сенью Древа и с перстом Дракона В багровом зареве небесном Грядет наш истинный Король..." Хроника Дарона, Том IV. Писанья Оракула.

Я очнулась, отплеывая грязь. Воспоминания отхлынули от вновь ожившего мозга так же быстро, как речные тугуны оставляют обглоданные кости жертвы. Странный горьковатый вкус во рту: лежу лицом в луже, похоже, несколько часов, может быть, дней. В воде отражается моё лицо, ощупываю тело, конечности, что ж, похоже всё на месте, пробовать меня болотница не стала.

Глубокий вдох, лёгкие жадно плотнули воздуха впервые за новое рождение. Это мгновение было прекрасно всякий раз, сколько бы ни пришлось пережить смертей. Голова звенит, как пустой котел, пытаюсь вспомнить что произошло, мозги соображают пока туговато. Отерла грязный циферблат, часы с календарем на запястье — обязательный атрибут азагуров гвардии, — показали вечер седьмого сентября. Я поднялась на ноги, мокрая земля покрыла всю переднюю часть тела густым слоем, попыталась отряхнуть — бесполезно. Впрочем, не так важно.

Это задание не было сложным, всего лишь болотная ведьма, если напрямч память, кажется, двенадцатая в моем списке. Тварь убила меня уже в третий раз, молодые особи очень шустрые. Со злости одернула магический ошейник контроля, гхусейманова железяка здорово отнимала силы.

Рядом, втоптаный в грязь, отыскался мой клинок. Одурманенная кровью, неопытная низшая не догадалась спрятать ни оружие, ни затащить меня в какую-нибудь дыру, из которой бы я выбиралась подольше. А значит, уже проиграла. Ведь марафон всегда был за азагурами. И она тоже это знала, даже побоявшись меня есть. Отыскала лоскут кожи, надо срочно привести меч в порядок, это важное правило за пятнадцать лет в гвардии въедается в натуру.

Стоит сказать, работа в отряде зачистки неплохая, вершить суд приятно. Поначалу, конечно, были сомнения: я пыталась ровнять гонимых тварей с азагурами, но они не были равны моему народу. Караемые — низшие магические существа, часто плотоядные и оттого состоящие в списке отлова короля. Азагуры высшие. И хоть мы не обладаем магией, выглядим вполне обычно: две руки, две ноги, да голова, чтобы шлем носить и думать, кое-что у нас было особенным. От рождения, этого не имел ни один эльф, человек или маг Дарона — мы были бессмертны.

Выловила из потайного кармана тряпку, уткнувшись носом, втянула запах. Этот кусок детской пеленки пах молоком, человеческой кровью и слюной ведьмы. Запах не едкий, отдает тиной: тварь с болот молода, быть может этот крестьянский младенец и вовсе первый в кровавом списке. Что ж, как бы то ни было, её пора остановить.

Порыв ветра с осенней изморозью принёс запах болот и горечи. Безмозглые крестьяне жгли костры с польню, это сбивало с толку только меня, но не болотницу. Запах детей она улавливала даже если ей вырезать нос, этот фокус нам показывали ещё на обучении в гвардии.

Я приникла к земле: вонь следа была отчетливой, крепкой, низшая топталась неподалеку. Втянув воздух ещё раз, определила направление и побежала, времени оставалось немного, ведьма кормилась давно. Через день после пропажи ребёнка в местном отделе стражи приняли заявление, день — и письмо в столице, еще сутки и меня выслали на задание. Три дня подряд тварь потрошила меня когтистыми лапами, а значит, теперь прошло шесть дней, и она очень голодна, а значит, слаба, и это мой шанс.

Впереди показались соломенные крыши деревенских домиков, бегу к ним, тварь тоже близко, я слышу её. Она тоже крутится неподалеку, её слюна капает на траву, невыносимо разит болотом.

— Именем второй королевской гвардии зачистки, требую немедленно выдать младенца для поимки болотной ведьмы! В случае сопротивления приказу я, служитель второй гвардии зачистки, приравняю отказ к помехе отлова и покараю виновных! — запыхавшись, крикнула я, ворвавшись на главную площадь поселка.

В мгновение ока прохожие замерли: даже в этой глухой провинции знали гвардию зачистки. Однако никто не спешил отдавать своё чадо на милость королевской армии. Люди затихли, молча уставившись на меня.

— Именем короля людского, правителя всего Аландиса, приказываю немедленно погасить костры и выдать мне ребёнка! — крикнула я, обнажая клинок. — Веду отсчёт. Десять, девять, восемь....

— Азагур, мы всё исполним, — вещал толстяк в самой чистой свитке.

Он сделал знак тощей женщине, что стояла неподалеку, побледнев, женщина в последней надежде взглянула на мужа, но тот даже не повернул голову в её сторону. Со слезами на глазах, она медленно протянула ценный сверток, в моих руках очутился спящий младенец.

— Костры, — напомнила я, принимая теплый конверт.

— Будет сделано, азагур. — Отозвался толстяк и в ту же минуту приказ был исполнен, я почувствовала, насколько легче стало дышать.

Направилась прочь из села: слишком много запахов сбивало с толку. За спиной рыдала женщина, та, что отдала ребёнка. Смертные были очень привязаны к детям, это меня немало удивило, когда впервые оказалась в

Асестиме, столице Аландиса. Люди вообще меня удивляли: работающие, неумные и суетливые. Они, не имея никаких преимуществ перед остальными обитателями Дарона, сумели построить славное королевство с мощным флотом и красивой столицей. Правда, других столиц я не видела, тем, кто отработывал родительский контракт, дальше границы заходить нельзя. Но в казарме, в те редкие часы, когда мы отдыхали от заданий, рассказывали, что краше только Светлый город, хотя стоило ли слушать тех, кто болтал про запретный город эльфов, я не знала.

Село отдалилось, я брела к опушке леса, ребенок спал, позволяя мне прислушиваться к звукам подлеска. Поравнявшись с первыми деревьями, уложила сверток с младенцем на траву, вытянула из пелёнок крохотную руку и надрезала. Ребенок закричал, зашевелился, людская кровь медным ароматом ворвалась в воздух, болотнице понравится. Я отбежала, легла на мокрую траву, укрывшись в подлеске. Оставалось немного подождать.

Но ждать пришлось долго, начинало темнеть, это плохо. Небо затянули тучи, порыв ветра на секунду пригнул кроны деревьев, полился дождь. Ребёнок закричал громче, возмущенно размахивая руками. Легкий шорох справа, я тихо поднялась, подбираясь поближе к приманке. Низшая рядом, болотная вонь нестерпимо бьёт в нос, тварь прячется, тоже чувствует меня, но она слишком голодна.

Пять, четыре, три... — в мгновение ока справа врывается облако черной пыли, скрывая собой существо, что её распространяет. В один рывок подбегаю к приманке, но болотница оказалась проворней. Облако настигает сверток, ребёнок истошно вопит, тварь вонзается в нежную плоть и в то же мгновение магия ведьмы ослабевает. Теперь я вижу голову.

Прыжок, размах и клинок вонзается в толстую шею со звоном и хрустом, плотная кожа не дает нанести поражение сразу. Низшая бросает еду, мгновенно из её рук вытянулись когти — вновь целит в живот, как и в прошлые три раза. Но только сейчас туман ей не поможет. Последний размах мы делаем одновременно: или я, или она.

Резкая боль обожгла живот, тварь всё же успела, но и мой клинок настиг раненную шею, безобразная получеловеческая голова глухо покатилась по земле. Колени подогнулись сами собой, мрак дери, жутко больно, когда потрошат кишки, уж лучше бы сразу голову. Зажав рукой борозды плоти, еле дошла до свертка, он всё ещё шевелится. Болотница успела хорошо его попробовать, рука разорвана, кровь заливает пелёнки.

«Как же больно», — проноситься в голове.

Делаю усилие, нащупываю в карманах порошок.

— Сейчас, не ори... — совсем мало, совсем.

Еще раз смотрю на сверток, затем на собственные кишки в руках. Похоже, умирать придется мучительно.

Золотой сверкающий порошок быстро впитывается в кожу, это всегда очень красиво. Ребенок перестает кричать, рана на его руке мгновенно затянулась, умеют же остроухие стряпать лекарства! Остатки зелья вытрясла на живот, жаль, что ничего не осталось.

— Тугуны проклятые! — ругаюсь я в пустоту.

Порошка всегда дают только на один раз и не важно, сколько придётся вытерпеть смертей за задание. Поднимаюсь на ноги, шатаюсь, всё же подхожу к обезглавленной твари: пнуть её сапогом было приятно.

— Я, Вагарда Вэркус, служитель второй гвардии зачистки приговариваю тебя к смерти и все такое... — шепчу я, прихватывая живот.

«Порошок же почти ничего не стоит, мелочь! Людям-гвардейцам и даже вонючим оркам его выписывают запросто», — думала я, возвращаясь в деревню с младенцем.

Но королевское казначейство не желало тратить даже полсарта на контрактников-азагуров, хоть наши зачистки и приносят хорошие деньги, порошка давали порцию.

Боль выворачивает изнутри, в глазах темнеет, но ещё держусь — первый дом уже близко. Наконец, встаю на дощатое крыльцо и стучу в дверь. Всё-таки падаю.

— Она не спит! — босые ноги прошлепали по деревянному полу, дверь скрипнула, скрыв парочку крестьянских детей.

Голова гудела, раны ещё побаливали, значит, я переродилась совсем недавно. Подо мной была твердая лавка с колючим соломенным матрасом, несомненно, лучшее спальное место в деревенском доме. Меня умыли, переодели и укутали в жёсткое льняное одеяло. Дверь вновь скрипнула, лёгкие шаги, кто-то остановился рядом в нерешительности, пришлось открыть глаза:

— Простите моих детей, азагур, они слишком любопытны, — тощая женщина потупила взгляд, — и нас простите, мы вонзили вам в шею кинжал, когда вы упали на нашем пороге.

— Вы знаете, что сделали доброе дело, — голос показался чужим из-за хрипоты, всё же пронзая шею лучше подальше от связок.

— Могу ли я накормить вас? Муж заколол поросёнка, — услужливо предложила хозяйка дома и, взглянув на неё ещё раз, я узнала мать того самого кулька.

И хоть нежного молочного поросёнка хотелось до одури, я отказалась. Мясо в крестьянской семье — непозволительная роскошь.

Но проворная женщина всё равно тайком запихнула в мой походный мешок ломоть свежего хлеба и свиную ножку, сидя на телеге, я уплетала сладковатое мясо, с удовольствием облизывая липкие пальцы. Когда из столицы приехали, крестьяне вышли проводить меня всей деревней, махая напоследок так, будто мы знакомы целую вечность. И всего-то стоило вернуть ребенка целым, ох уж эти люди.

И хоть ошейник опять сменили с боевого на контрольный, и магическая сталь утяжеляла даже дыхание — было хорошо.

ГЛАВА 2. ТЕЛЛИАРОН, БИТВА ПРИ ВАРМАСЕ

Над полем в предрассветный час утихли даже птицы, старик бы непременно сказал про дурной знак, но я знал, что он отвык от крови и так всегда перед боем. Ветер принёс эхо, гулкий топот, вдали, за лесом. Это шествует армия гоблинов, лужа у моих ног пошла мелкой рябью — что ж, поганцы прихватили троллей.

— Принц Теллиарон, мой господин, вы тоже чуете троллей? — голос Сабата оторвал от размышлений, — что прикажете делать?

— Готовьте моего грифа, — Сабат взглянул молча, кивнул и удалился.

Старый нянька любил меня больше жизни, но никогда не перечил, за это я и позволял сопровождать меня на поле.

Серые тучи заволокли небо, не лучшая погода для грифа и противник это знал, просчитав время похода. Из гоблинов бы вышли прекрасные земледельцы, с их чутьем сезонов и погоды, но твари предпочитали промышлять грабежом — за эту Луну они напали на ещё одно поселенье, пора было их проучить.

На совете это решили единодушно, что с советом вовсе случалось нечасто. Я предложил возглавить войско брату: будущий правитель не должен знать страха. Но мягкотелый слизняк укрылся за спинами старейшин — Кронпринц не должен бездумно рисковать собой. Сплюнул, от одной только мысли о Визаальте становилось паршиво во рту.

Ропот земли становился все ощутимей, гоблины приближались, птицы взлетели, покидая чащу. Пора было осмотреть войско. Мои эльфы знали толк в боях — как только отец постарел, все соседи так и норовили покуситься на светлые земли. Сначала были мелкие банды, потом банды побольше, а потом орды. Когда я впервые вышел на стражу границ, мне едва исполнилось семнадцать, и, если бы не Сабат, орочья секира оставила бы мне только пол головы. Потом была война с богатыми землями Аландиса, те походы мы еле выстояли, уж больно лакомый кусок был на кону, люди желали отобрать наши тихарийские поля — самые плодородные земли в Дароне. Чуть позже пришлось усмирять троллей на границе леса, их правда была всего сотня. Теперь вылезли из своих нор гоблины — старику было давно пора освободить место на троне, пока кто-нибудь вроде азагуров или магиконцев не решил двинуться к границам Светлого Леса.

Зов грифона позволил сосредоточиться, дикие янтарные глаза твари были неподкупны, я забрал её птенцом из трольего поселка, она признавала лишь меня. Коричневые перья сверкали в красных лучах рассвета, могучая грудь вздымалась, я закинул ногу в стремя.

— Во имя Светлого Леса! — мой призыв подхватило войско, лязганье и крики разнеслись далеко, пусть враг тоже чует нас.

Громадные крылья расправились, я взмыл вверх, вслед за мной ещё тридцать. Кавалерия ринулась вперёд. Ломая деревья, словно прутья, на поле выбежали первые тролли. Небо потемнело, холодные капли дождя упали на голову, вскоре серая пелена окутала всё пространство, с грохотом и лязгом на земле сошлись две конницы. Гоблинские рыси впивались в плотки оленей, рога распарывали мягкие брюха рысей. Учув первую кровь, грифон сделал крюк и сам несся к земле, не надо было его поворачивать.

Громадный тролль взмахнул дубиной, неловко, громоздко, без седоков они были бесполезны. Головокружительная петля, дух на мгновение захватило от потоков ветра, но вот ноги коснулись твердой поверхности. Зацепившись за броню великана, подтянулся выше, тролль все еще не понял, что конец близок, пытаясь сбить назойливого грифона, мелькающего перед лицом. Птица мастерски отвлекала горного, он не замечал, как по доспехам все выше карабкаюсь я. Вскинул ногу на громадное плечо, цепляясь за броню, взобрался выше, гигантская ладонь пролетела над головой, в попытке стряхнуть меня, пригнулся и тут же выпрыгнул вперед, нацелившись в ухо. Голова тролля треснула, как орех, лезвие эльфийской стали не знало материала тверже себя. Второй удар, еще и еще, быстро, ловко без секунды на вдох и промедление. Грифон несся на меня, прыжок и я повис, вцепившись в седло, тролль завыл, рык его, казалось, сотрясал деревья.

К грохоту падающей туши примешался первый громовой раскат. Белая вспышка прорезала небо, молния, чтоб ее!

— Телль, слезай! — орал старик, но я полетел к серому шевелящемуся внизу потоку, гоблины словно полотно, прорывались из лесу на поле, покрывая собой коричневую осеннюю землю.

Лязг стали заполнил воздух, грифон издал призыв, от этого звука холодела кровь даже у седоков. Второй круг, за лесом шло еще пятеро троллей. Треск оглушил меня, а от вспышки, казалось, лопнули глаза — молния впиалась в плоть развороченного дуба прямо подо мной, Сабат был прав, но с троллями надо покончить.

Рядом со свистом пронеслось копьё, гоблины додумались взять оружие против грифонов? Делаю еще один заход, и нахожу его: хорошо аммунированный тролль тащит на спине арбалет, трое сморщенных уродов вновь заряжают оружие.

— Ивир! — зову я, сквозь пелену дождя голос прорывается глухо, — Ивир! — черная тень несется ко мне, он услышал.

Двоем делаем круг, нацелившись на тролля, что тащит на себе арбалет. Вода с неба льется теперь непрерывным потоком, в шлем гулко врезаются капли. Поворот, петля и я покидаю седло грифона, оказавшись на тролле. Ивир со стуком падает на броню, едва успевая схватиться за мою руку, чтобы не соскользнуть под громадные лапы твари. Эльф достает лук, и первая стрела тут же пронзает голову гоблина-наездника, что управляет троллем, вторая стрела уже летит с другой стороны — сморщеннолицые успели зарядить арбалет. Закладываю пальцы в рот, свистом приказывая грифонам улететь, теперь птицы не отвлекают тролля. Здоровенная ладонь проносится совсем рядом, схватив Ивира, доспехи на нем хрустят. Я бегу к морде, стрела Ивира опережает меня, вонзаясь в глаз горного. Лезвие лунного меча закрывает второй глаз.

С воплем тролль хватается за раны, позабыв о пленнике, разжимает руки. Ивир карабкается ко мне, я размахнулся для следующего удара, мгновение и кровь тролля брызжет на сапоги, мы с Ивиром бьем в одну точку, проламывая толстые черепные кости. Тролль пошатнулся, все еще стараясь нас сбросить, пора бежать. Подзываю грифа, он стремиться ко мне, я прыгаю, вцепившись в седло, и вдруг копье арбалета протыкает грудь моей птицы, проклятые гоблины попали в грифона! Гриф машет крыльями, стараясь изо всех сил, ветер завывает в ушах, птица останавливается, мы стремимся вниз, словно камни.

Очнулся я уже на земле, голова разрывается, рядом, укрыв меня крыльями, лежит гриф. Склоняюсь над желтоглазым союзником, его дыхание хриплым свистом вырывается из пробитой груди, глаза смотрят на меня пронзительно. Злость в сердце кипит, сморщенные бегут к раненой птице, чтобы прикончить. Я хватаю меч, клинок мягко входит в шеи сморщенных, ломая сталь и кости. Сабат несется ко мне со всех ног, кровь подземных тварей омывает руки, к пешим гоблинам уже спешит подмога на рысях.

— Телль, отходим! — надрываясь, кричит старик, нас зажали в кольцо.

Внезапная боль пронзает плечо, клыкастая пасть с хрустом прокусила вэмбрейс[1], наездник не спешивается, знает, что кровь одурманит рысь, свою пасть она разожмет только мертвой. Изворачиваюсь, клинок входит в бок зверя. И тут меч седока обходит латы, вонзаясь в мои ребра, в глазах темнеет, слух затухает. Вдруг призыв грифона оглашает поле, рысь разжимает пасть, взлетая вверх, мохнатая туша безвольно падает оземь, скулит, дрыгается в последних конвульсиях, за ней прочь улетает гоблин, за моей спиной истекая кровью, сражается грифон, не допуская врагов ко мне. Сабат раскидывает руны, в небо взмывают лианы, растут, сплетаясь вместе с телами нападающих, подмога уже за спиной.

Гоблины отступают, конница добивает их сверху, брошенные рыси с болтающимися телами наездников все еще дерутся — звери не знают чести, но никогда не бегут. Ивир командует своей птице, и грифон ловко ломает хребты, выхватывая наездников из общей кучи. Лишь усилие воли позволяет оставаться на ногах, а не коленях, и я стою, возглавляя могучую армию, что бурным потоком сносит с поля гоблинское отребье.

— Мой господин, вы ранены, — Сабат успеваает подхватить меня под руку, но я отмахиваюсь от помощи старика.

— Король не падает раньше врага, — и остаюсь на ногах, уперев меч в землю, чтобы не рухнуть.

Сабат покорно склоняет голову:

— И не покидает поле раньше солдат.

Светлый Лес назван так не просто. Если вы никогда в нем не бывали, то вряд ли сможете представить рассвет среди вековых деревьев, что уперлись густыми кронами в самые белые облака. И свет, что льется сквозь изумруды листьев, небесным золотом падая на землю.

Почти бесшумно ступая, мерно покачивая боками, меня несет олень, теплая, мягкая шкура под моей ладонью блестит, словно жидкое солнце. Мы возвращаемся в Светлый город с победой, головы троллей собраны в мешки и погружены сзади. Сабат перевязал меня, скоро мы войдем в чертоги дома, и меня встретят с радостью.

Белоснежные стены видны еще издали, с шумом падает с горы водопад, разбиваясь у подножия замка на тысячи сверкающих бриллиантов, ворота с резными защитными рунами раскрыты, золотые гобелены укрывают длинными змеями центральные башни, нас ждут дома.

— Теллиарон! Теллиарон! — толпа тянет ко мне сотню рук, белые лепестки летят с балконов, словно снег, народ приветствует меня и боготворит.

И хоть в этом походе я не добыл ничего ценного для них, а лишь исполнил долг правителя, они скандируют мое имя, войско возвращается в город под сладкие звуки триумфа.

Отец выходит встречать меня, седая борода слилась с белыми одеяниями, худощавый силуэт уже давно потерял былую статъ и выправку, тощий, едва не прозрачный старик все еще носит корону, что с каждой нападкой

соседей становится для него все тяжелее. Но закон велит ждать своего времени.

Я, преодолевая боль, спешиваюсь, с трудом делая поклон королю.

— Теллиарон, сын мой, — правитель Светлого города касается моего лба в благословении, — ты принес победу в наш дом, как всегда. Встань же прямо и поприветствую народ, что так ждал твоего возвращения.

Сабат словно фокусник откуда-то подкладывает под мою руку отрубленную голову тролля, схватив жесткие волосы, поднимаю вверх свой трофей.

— Теллиарон! Теллиарон! — скандирует толпа, войско склоняет передо мной головы, в этот момент я даже не чувствую боли.

Подданные опускаются на колени при виде меня, в окружении своих лучших воинов я шествую в покои, Сабат тут же распорядится прислать ко мне лекаря, Ивира же заботит пиршество в честь нашей победы.

Слуги осторожно снимают мои доспехи, сломанные детали уносят прочь, остальные же водружают на белоснежный постамент, что занимает главное место в моих покоях. Среди золотого шелка с тихарийских полей сверкающая сталь выглядит так же прекрасно, как шкура оленя в солнечный день. Латы я всегда натираю сам. Красный платок скользит по металлу, возвращая стали зеркальность, в этом блеске отражается моя черная шевелюра и бронзовая кожа, за которую меня так любила мать. Брату досталась кровь отца: тонкого, стройного, бледного. Я же пошел в мать, эльфийку с восточных окраин, такую смуглую и черноволосую, что, если бы не уши, никто бы не признал в ней чистокровную княжну.

Народ юго-восточных лесов постоянно отбивал нападки тварей, что лезли через Трольи горы и напрямую по Пескам Тайрима, потому тело матери было крепким, а рука слишком сильной для женщины. Я никак не мог понять, как такая эльфийка могла жить с отцом, что своими нудными учениями вогнал ее в могилу раньше, чем поспешил туда сам. Это было еще одним поводом недолюбливать его породу: бледную, малокровную, слабую.

С Визаальтом мы были сводными, и как запад и восток — разными. Королева умерла, и тогда отец женился на своей давней любовнице, моей матери. Когда я вошел в замок впервые, мне было десять, только тогда закон признал меня как наследника, а не бастарда.

— Высокий Принц? — то ли спрашивает, то ли окликает нежный голос, Даландин пришла осмотреть меня самостоятельно, не доверяя никому.

Я делаю знак, что она может войти, девушка, стройная, словно молодое деревце, в нежно-голубом платье проскальзывает в дверь, я бросаю наруч, и откидываюсь на подушках, жадно наблюдая за ее воздушными движениями.

Мягкие руки, словно бабочки, едва касаются меня, синие глаза Даландин смотрят из-под пушистых ресниц, она думает, что я не замечаю, как она смотрит на мое тело сверх того, что нуждается в лечении. Повязка стягивает плечо и ребра, девчонка слегка краснеет, когда всякий раз касается моего тела, напряжение во мне рвется на волю. Хватаю за тонкую руку, до хруста сжимая в своей, розовые, словно бутоны, губки приоткрываются:

— Господин... — шепчет она, совсем не вырываясь, и наши губы сливаются в поцелуе.

Платье падает, обнажая такие же розовые, как губки, соски, я впииваюсь в них в долгом поцелуе. Даландин сладко стонет от каждого моего касания, трепещет, поддается навстречу толчкам. Мягкие белые волосы рассыпаются в моих руках, бархатная кожа скользит под грубыми пальцами, девушка замирает, вслушиваясь в прикосновения. Напряжение сдавливает меня почти до боли, вырываясь наслаждением, Даландин прижимается ко мне, тело ее дрожит от возбуждения, она осыпает мою грудь поцелуями.

Улыбаюсь, наблюдая, как она надевает платье, как оmyивает лицо холодной водой, чтобы скрыть румянец, как смотрит на меня, вновь краснея.

— Приходи сегодня ночью в мои покои, — предложил я.

— Да, Теллиарон, — опустив глаза, соглашается Даландин.

— Для тебя Телль, — поправил я.

— Телль, я приду, когда скажете, — и мягкие губы касаются меня на прощанье.

[1] **Вэмбрейс** — часть латного наруча, защита предплечья и верхней части руки.

ГЛАВА 3. ВАГАРДА, АСЕСТИМ. ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

Возница поднял на меня осоловелый взгляд, в трактире нестерпимо воняло, хотелось выскочить на улицу поскорее или хотя бы открыть окно. Но в местечковом питейном не сильно следили за чистотой воздуха, ладонь коснулась чего-то липкого, я отдернула руку от стола; да и за чистотой вообще.

— Чего пристала, отвали, — едва ворочая языком, возмутился мужчина, — уродина... — последнее слово повисло в воздухе, не успев прозвучать, мой кулак тут же впечатался в небритую рожу.

— Эй, он мне еще не заплатил! — орал хозяин заведения, пока я вытаскивала пьянчугу из-за стола.

Толстяк, запыхавшись, подбежал и протянул руку:

— Полтора сарта, — потребовал трактирщик.

— Он что, драгоценности жрал? — возмутилась я.

— Полтора. Сарта. — Медленно повторил мужчина, преградив мне дорогу.

Возница был в отключке. Бросив тушу на стол, залезла в его карман и выудила оттуда горстку мелочи. Хозяин моментально пересчитал монеты и вновь протянул руку. Ситуация становилась неприятной: если я не заплачу, он позовет гвардейцев, они непременно спросят, что с возницей. Эти расспросы и выяснения затянутся не на один день, а мне сегодня же надо в столицу, в Асестим. Хорошо, что на толстом, как сарделька, пальце служителя королевской конюшни нашлось кольцо. Треснутый камень и медная оправа смутили трактирщика:

— Это на сарт не тянет, — упер он руки в бока.

— Можешь ему врезать на остальные сартыны, — предложила я, кивнув на возницу.

Хозяин заведения взглянул на храпящее тело, но отказался. Осмотрев эмблему столичной гвардии на моем плече, он ушёл, приняв медный перстень.

Кобыла лениво переставляла узловатые ноги, тощие бока вздымались и выдыхали так шумно, что иной раз я опасалась использовать кнут, чтобы не добить дряхлую скотину. Пришлось самой взять вожжи и дать время вознице проспать: очень уж не хотелось тратить время на объяснительную по приезду. Ведь завтра в полдень наступает день окончания моего контракта, голова кружилась от праздничных мероприятий: первым же делом заеду по роже капитану, я узнавала, за это много не дадут. Потом отправлюсь на перекресток Шахтерской и Торговой, узнаю подробнее про обладателя магического клинка в золотой оправе, что меня изуродовал, и навещу. За это уже дадут побольше — потому сразу перееду.

Натирая клинок кусочком кожи, глянула в отражение: угольно-черные волосы, собранные в тугие жгуты от самой головы, желтые глаза и бронзовая кожа. Но больше всего мне нравилась коричневая чешуя, что расплзлась от висков, вниз по скулам, шее и дальше по плечам, бокам и бедрам. За этот окрас нас и называли то драконьими детьми, то змеями, а то и вовсе гадами и аспидами. Смешно, ведь из всех существ Дарона только драконы и могли убить нас, укусом отравляя смертельно и рождая вечное противостояние драконов и драконьих детей.

Возница громко всхрапнул, испугав кобылу, тощее создание прижало уши и изобразило некое подобие рыси на пару минут — до чего же жадничали королевские казначеи, когда дело доходило до контрактников. Ещё день-два и эта кляча издохнет своей смертью. Как раз под стать старой скрипящей, как колени горного тролля, телеге. Гвардейцы-люди на таком не ездили, их жеребцы были бодрыми, гладкими, у капитана и вовсе был тонконогий рысак. А за мной что ни задание отправляли не то, что рысаков, а их ломовых прапрабабушек. Но именно сегодня это было особенно обидно, придётся ехать таким темпом всю ночь, иначе к рассвету стен Асестима не видать, как своих ушей.

Смеркалось, кляча едва переставляла ноги, копыта гулко топали по песчаной дороге, я задремала. Вдруг кто-то тронул меня за плечо, дернувшись, обернулась:

— Где мой перстень, ты что, обчистила меня? — взвизгнул очнувшийся пьянчуга.

— Хозяин трактира предлагал отдать тебя на потеху орку, спасибо скажи, что перстень подошел больше, — нашлась я.

На лице с низким лбом и с густыми нависающими кустами бровей промелькнули следы раздумий.

— Это кольцо моей бабки, поворачивай! — потребовал возница.

— Медный перстень с треснутым камнем? Тоже мне, фамильная ценность, — огрызнулась я.

— Поворачивай, сказал! — потребовал пассажир и немного подумав, пригрозил, — иначе расскажу, как ты мне по морде заехала.

— А я как ты пропил пять сартин на мою похлебку, — напомнила я про свой несостоявшийся ужин.

— Поворачивай, глупая девка! — рявкнул возница, — мне жалованья за день не будет, а для тебя я розги попрошу! Я швырнула ему в лицо вожжи, угрюмый компаньон принял их, молча пересев вперёд.

Устроившись сзади, задремала, обратной дороги было не избежать, пришлось сделать хороший крюк. Асестим встречал нас в рассветном зареве могучими серыми стенами, такими же израненными в боях, как и моё тело. Эти

камни помнили вторжение магиконцев, битвы за тихарийские поля с эльфами и нападки азагуров, после которых люди уплачивают дань до сих пор. Когда вернусь в Гурию, как свободный гражданин, тоже буду получать содержание от короля, те самые деньги, что уплачивают азагурам все соседи в обмен на мир. Должно быть, именно поэтому у нас сложные отношения с остальными обитателями Дарона — нас недолюбливают, — хотя за пятьсот лет мира они должны бы оставаться благодарны.

Раньше азагурам было худо: соседи считали своим долгом пройтись по городам и забрать последнее. Маги выезжали в земли Гурии, чтобы отточить навыки адептов и проверить смертоносность артефактов, эльфы и люди не брезговали бессмертными рабами, а уж что творили кровожадные орки! О выходках одного из клыкастых до сих пор ходили жуткие байки, а имя одного орка — Гхусейман, — и вовсе стало ругательством.

Прихватив с собой пару драконов, любой князёк уносил сотни жизней и всё, что ему понравилось в Гурии.

Но потом на трон взошел Барион Железный, объединив воюющие города, прекратил междоусобицы и дал отпор нападкам. Перебив в славных сражениях всех драконов и избавившись от драконьих зубов и костей, обитатели Гурии сложили пару-тройку баллад и принялись вновь готовиться. Сильные руки были таковыми всегда, особенно сжимая рукоять меча, ноздри чуяли по-звериному, ноги не знали усталости много верст. Мы ничего не умели, кроме войны, рождаясь лишь для неё. Нас останавливали только драконы и старость, которой мы ожидали без малого тысячу лет. Потому орда под рукой Бариона Железного три века к ряду не давала расслабиться оркам, магиконцы не успевали отстраивать разрушенные башни, остроухие плакали над горящими лесами, а людей пугало даже упоминание о восточных соседях.

Но то время ушло в баллады с кончиной великого короля: старость забирает к себе без разбора. И наступило молчание. Кто бы знал, что сильных воинов можно победить не славной битвой, а ежегодным содержанием? Ни одной войны, ни одного похода за пять сотен лет! Азагуры захирели, как грифон в клетке, разучившись не только воевать, но и думать. И коротали свой длинный век за кружкой эля, забыв о наследии предков, ничего не желая, не строя прекрасного и не приумножая великое.

Северные земли Гурии не славились урожайностью, а Бедное море, омывавшее берега, носило имя непросто так. Самым ярким воспоминанием детства стала моя девятая осень, когда с огромного поля, что мы обрабатывали с ранней весны, собрался всего один воз ржи. Разгрузив снопы во дворе, отец посадил меня на телегу и увез в столицу Аландиса, продав в проститутки. Никто больше не спрашивал обо мне — азагуры перестали заботиться даже о собственных детях. И порой, когда в моей жизни наступали худшие времена, я не знала, на кого злиться больше: на людей, что заставляли делать меня гадкие вещи, или на отца, что это позволил.

Солнце стояло высоко в зените, как только мы прошли сквозь чёрные дубовые ворота столицы людей. Спрыгнув с телеги, поспешила к решеткам, закрывавшим вход в казармы. Дорогу тут же преградила стража, напомнив, почему я так ненавижу торопливое людское племя и что я опоздала. Нехотя, под непрерывное декламирование строк из устава, мне открыли ворота.

Пробежав десяток чумазных барачков, что жались друг к другу на заднем дворе, ворвалась в казармы, помчавшись со всех ног по коридору, капитан ненавидел опоздания.

Мужчина сидел спиной к двери, изучая какой-то потрепанный свёрток, и не спешил уделять внимание мне. Он медленно встал, подошел к полкам и перенёс на стол чернильницу с гусиным пером:

— Вагарда Вэркус, сегодня ваш контракт истекает, — наконец произнёс он.

Не теряя ни секунды, выложила на стол меч и плащ с нашивкой гвардии, готовясь врезать по гладко выбритой морде после слов о моем освобождении. Неожиданно капитан посмотрел на меня так удивлено, будто увидел дракона:

— Что? — спросила я, усиленно вспоминая строки протокола.

— Опоздание, — вскинул бровь мужчина.

— Прошу простить, — склонилась в коротком поклоне.

Мерзавец не спешил с ответом, порывшись в ящичке стола, достал трубку, медленно набив табаком, закурил, не спуская с меня хитрых лисьих глазёнок.

— Прощаю, — сказал он, не торопясь отдавать контракт.

Я непонимающе уставилась на бритую физиономию с цепким взглядом:

— Прощаю и зла не держу, — повторился капитан, и я почуяла неладное, — вот только отработать придётся, — сдвинула кулаки так, что костяшки побелели, наши взгляды схлестнулись в дуэли. — Близи́р не вернулся, так что сходи за ним, глянь что-как, донеси. Потом и подумаем с контрактом, — гаденько улыбнулся капитан.

Близи́р был одним из наших, азагуром, только документ на службу он подписал своей рукой, хотел подзаработать. И в умениях его сомневаться не приходилось: воин он был опытный. Неприятное волнительное предчувствие липкой кашей растеклось где-то в желудке.

— Как долго его нет? — уточнила я.

— Неделю пропадает, — густое облако вырвалось из трубки капитана, — отправили в местечко на юго-восточной границе, зачистить болото перед постройкой дороги. Там жители жаловались на вой с болот, и двое крестьян пропали с месяц назад, — лениво передавал капитан, прекрасно зная, что по закону я не смогу отказаться.

И хоть это было последним свинством, продлевать и без того двадцатичетырехлетний контракт, капитан воспользовался способом решить проблемы задёшево, отправив первоконтрактника. Все мы знали, как подделываются документы: выписывается один человек-гвардеец, а едет почти дармовой азагур. На сэкономленные сарты капитан и носил такие начищенные новые сапожки и гладкую рожу, а мы, азагуры гвардии зачистки, редко знали отдых, отработывая бесконечные отловы.

Снарядили меня по-осеннему, выдали пять сартов за работу с болотницей, что потрошила меня неделю. От обиды хотелось ударить казначея.

Хлопнув со злости дверью, вышла прочь, крепко задумавшись. Может, Близир загулял? Всё-таки он не первоконтрактник, как я, у них и прав побольше, оружие получше, и да, самое главное — сарты им на руки выдают и до задания, и после, если граждане будут сильно благодарны. Размышляя так, я и отправилась со снаряжением, и с твердым намерением непременно врезать капитану, как порву бумагу, что на двадцать четыре года и ближайшие пару дней испортила мне жизнь.

ГЛАВА 4. ТЕЛЛИАРОН, СВЕТЛЫЙ ГОРОД. НОВЫЙ КОРОЛЬ

Сахарные ягоды брогу таяли во рту, солнце прорезало лучами тончайшие серебряные завитки, что украшали ставни моих покоев, и отбрасывали на стены причудливые узоры. Эльфийские мастера считались лучшими, когда дело касалось металлов, пожалуй, искуснее были только гоблины и то, только в ювелирном деле. Мой друг Ивир выковал эти ставни вместе с отцом.

Потянувшись к золотому подносу, взял еще одну и поднёс к губам спящей Даландин. Синие глаза распахнулись, улыбаясь, она раздавила ягоду, прыснул красный сок, измазав пухлые губки. Девушка приблизилась, касаясь меня обнаженной грудью, сладкие губы дотянулись до моих. Вдруг раздался стук, разрушив утренние радости:

— Телль, ты же помнишь про праздник Возвещения сегодня? — послышался голос Сабата за дверью.

— Да, уже иду, — и хоть вставать совсем не хотелось, потянулся к одежде.

На Возвещение, согласно традициям, созывались все князья и жители: гости приедут отовсюду, даже с самых дальних земель и окраин. На празднике под Белым Дубом отец должен будет огласить свой выбор — кто из двоих сыновей займет место на троне уже в следующую Луну.

Со дня сотворения Светлого города на троне побывало много знатных эльфов и эльфиек: великие целители, что очищали от скверны новые земли, маги, что поддерживали плодородие и, конечно же, воители. Читая имена, что писались золотом на белоснежные плиты Храма Теней, я с детства видел своё. Среди Ибелинды Повелительницы Дракона, Берелима Золотого Щита и Азигерода Храброго я видел Теллиарона Завоевателя. И хоть я был рожден бастардом и приравнен к законным наследникам лишь в десять лет, наши законы не брали это в расчёт, равняя наследников.

Гоблины, что засели под горой, перестанут дрессировать троллей, грабить, жечь урожай и падут, как только моё войско направится к востоку. Сморщенные не видят сильного короля на троне и потому позволяют дерзкие набеги, но Телль Завоеватель прекратит это и приумножит границы Светлого леса.

Следующими станут орки. Именно этих обитателей Дарона я недолюбливал больше всех. Существа с серой кожей, что зрели до взрослого размера в яйцах, закопанных в земле, не знали ни отцов, ни матерей. Грубо сложенные, с наростами и дефектами, орки рождались подчас такими уродливыми, что смотреть на них было оскорблением для глаз. Морду украшали торчащие из длинного рта клыки, глаза смотрели безумно, словно у хищного тугуна. Клыкастые признавали только силу и жестокость, применяя их везде, где дотягивались руки и пожирая даже себе подобных. Северо-восток достаточно натерпелся набегов клыкастых и тварей, которых они тащили с собой из Чернолесья, и хоть на эту войну будет потрачено много сил, именно так я впишу имя на белые стены храма. Когда я взойду на престол, на наши земли перестанут посягать, светлые границы станут священны.

Сабат медленно помогал с одеждой, старые руки утратили былую ловкость. Как я не сопротивлялся, нянь заставил меня надеть что-то вместо брони. Белая рубашка до колен с острым глубоким вырезом смотрелась нелепо:

— Я не женщина, что ты притащил? — возмутился я, подойдя к зеркалу.

— О, Великий Принц, так ли велика разница между сущностями разнополюх существ? — Сабат обладал магией и подчас забывал, что я ей не владею.

— Старик, я не знаю, что именно сейчас ты процитировал из магиконовских талмудов, но я не стану надевать это! Что?! — Сабат под старость совсем оглох, и теперь тыкал мне под нос длинную золотую серьгу с каплевидным рубином, — да ни за что!

— Это любимая серьга твоей матери! — возмутился старик, — глупый мальчишка! — выругался он и всё-таки воткнул в мочку уха иголку, — ты должен надеть что-то от неё, так её сущность будет рядом!

Выдохнул — Сабат умеет быть невозможно настойчивым. Старик отёр шёлковым лоскутом каплю крови на ухе, и подвязал белую рубаху золотым поясом, я побоялся спрашивать о его происхождении и лишь радовался, что ради этого украшения мне не придётся делать новые дырки.

Удивительно, как долго жили маги и эльфы, и те, кто был и тем, и другим одновременно. Сабат не знал своего возраста, но помнил, как в детстве отец и братья ушли с Берелимом Золотым Щитом на битву с орком Гхусейманом, а после, как они не вернулись со сражения с бессмертной ордой Гурии. Сабат стал сиротой, его подобрала моя прабабка, разглядев в оборванце с северо-восточной границы юного мага. Мальчишку отправили в Магикон на обучение, а когда он вернулся, королева родила очень болезненную, слабую и едва живую девочку. Так Сабат, обладая сильным магическим даром, сделался нянькой, оберегая здоровье и жизнь моей бабушки, затем её дочери и сына, и наконец, достался мне. Я не был хилым от рождения, напротив, я был крепче Визаальта. Но здоровье кронпринца не доверили в старые дрожащие руки Сабата, вручив в них меня.

— Доволен? — злился я, — сделал из меня магиконскую девку! — Сабат тихо посмеивался, собирая мои

черные локоны в тугий хвост.

Смуглая кожа матери так контрастировала с белой рубахой, белыми штанами и перчатками, что я недовольно морщился — так я выглядел еще более темнокожим. Оголил уши, чтобы надоедливая детвора и гости, что скоро придут в Светлый город, не задавали глупых вопросов.

— Ты похож на мать, загорелый, крепкий, — говорил старик, ощупывая дрожащими руками мои икры и помогая надеть сапоги, — как все в восточных землях, других бы орки и гоблины поджарили и сожрали.

— Да, я знаю. Отец мало уделяет внимания этим землям и границе, сморщеннолицые чересчур осмелели, — согласился я, вновь взглянув в серебряное зеркало, — но я всё исправлю.

И хоть с серьгой и обтягивающей рубахой я походил больше на эльфийку, аршинные плечи, закаленные в сражениях, и слава бесстрашного воина не дадут повода злословить гостям, уж в этом я не сомневался.

— В традиционном наряде вы прекрасны, — заверил старик, довольно осматривая плод своих трудов, — настоящий принц Светлого леса, — и я довольно улыбнулся.

В городе царила весёлая суматоха. Прямо на главной площади, среди зелёных деревьев торопливо устанавливались шатры и столы, на ветви навязывались длинные полотна белой вуали. Ветер колыхал на волнах тонкие ленты, вздымал волосы девушек, что устроили танцы прямо в главной арке, одна из них затянула балладу о драконе, перебирая тонкими пальчиками сверкающие струны арфы.

Все должно случиться совсем скоро. Я получу земли, за которые сражался долгие сорок лет, за которые терпел боль от восемнадцати ран на теле, земли, к которым я шёл всю свою жизнь.

И хоть чаще на троне восседали старшие дети, так было не всегда. На нём побывали и дочери, и умные жёны, и младшие сыновья. К тому же разница у нас с Визаальтом была всего в один день, это же такая мелочь! Отец, как бы я его не презирал за слабый характер, слыл мудрым королем. Правитель был обязан выбрать самого достойного члена семьи для передачи короны, того, кто нужен народу Светлого леса в этот момент. Ну, а в том, что сейчас землям нужен воин, я не сомневался. Отец, что правил почти полтора века, прославился мудростью, земли под его рукой находились в равновесии, относительном благоденствии. Ему удалось сохранить богатства Светлого леса, хотя месторождения эльфийской руды — лучшего и легчайшего металла в Дароне, — при его правлении иссякли. И тогда он наладил торговлю лечебными эликсирами с соседними государствами, простые эльфы почти не почувствовали изменений, наша медицина славилась веками и благодаря отцу приносила немалые деньги.

Но я считал крайне унижительным тот факт, что мы до сих пор платили дань азагурам. Какая-то мерзкая раса, в которой достойных вряд ли можно перечесть по пальцам одной руки, едва лучше низших тварей, почему-то кормилась за счёт труда эльфов! Само осознание возмущало до глубины души, и после гоблинов и орков я намеревался прекратить это унижительное содержание. Планы переполняли меня, роились и путались, мне ещё столькому предстоит научиться на троне, я был взволнован и лёгок, как перед началом боя.

— Приветствую, брат, — раздался сзади голос Визаальта, легкая, будто девичья, ладонь легла на плечо.

Нехотя обернулся: почему-то именно сейчас я ощутил к нему сильнейшую неприязнь. Голубое одеяние Визаальта делало его глаза ещё выразительнее, они всегда так выделялись на лице, смотрели на меня с каким-то снисхождением, будто он познал то, что мне не доступно.

— Приветствую, — едва заставив себя разжать зубы, ответил я.

— Твой грифон здоров, мы, наконец-то, его излечили, — сообщил брат, воображая себя великим целителем, хотя магии в его крови было ровно столько, сколько и в моей.

— Кого благодарить? — ответил я, скрывая насмешку, но Визаальт не заметил этого, или только сделал вид.

— Благодарите наших лекарей и корни окопника, — усмехнулся он так высокомерно, что мои кулаки непроизвольно сжались.

— Удачи на церемонии, — выдавил я.

— Она мне не нужна, — бросил Визаальт, удалившись прочь и оставив меня кипеть от злости.

Понемногу в столицу стекались гости, от разноцветных знамен именитых домов болели глаза, я не привык к такому разнообразию красок.

— Высматриваете будущую невесту? — поинтересовался неизвестно откуда возникший Сабат.

— Нет, мне хватает Даландин, — отмахнулся я, старик смерил меня холодным взглядом.

— Дочь лекаря, пусть и лучшего в городе, не достойна принца. Твоей женой она не станет никогда, — отчеканил Сабат и сердце неприятно сжалось, он был прав, но это всё равно мне не нравилось, — твой отец был бы рад крепкой дружбе с тихарийскими полями, к тому же их княжна красива, — намекнул нянь, легонько толкнув меня в бок, когда мимо прошла женщина под зелеными знамёнами, — прибрежные земли тоже сладкий кусок, их княжна ещё краше, — советовал Сабат, кивая в сторону синих знамён.

— Это всё не важно! — отмахнулся я, — такие мелочи решу на троне.

— Пусть так, но даже если не ... — я сверкнул глазами так, что старик осёкся, — если вдруг не ты примешь корону, о выборе жены стоит думать внимательно, это не мелочь.

— Я займу трон! — отрезал я, — никаких "если", я достоин его.

— Я ведь не сказал ничего о достоинстве, — тихо возразил старик, однако рассуждения окончил.

В музыке и цветах утопал город, маги постарались взрастить к празднику сотни цветущих лоз, белые цветы срывались от собственной тяжести, то и дело падая, кружась и закручиваясь опускали под ноги свои нежные лепестки, чтобы быть растоптанными толпой. Подняв бутон, Сабат осторожно приколол мне его на рубашку.

Вечерело, вокруг танцевали девушки и парни, все веселились, играла задорная музыка, и музыканты всё ускоряли темп танцев. Столы были заставлены угощениями, но, ни один кусок не лез в горло, волнение сжало цепко, сковав узкими цепями горло даже для вина. Меня и Визаальта расположили по обе стороны от отца, что восседал в центре. Я не сводил глаз с терновой короны — символом того, что власть бывает тяжела, — серебряные и золотые ветви терновника сплетались в причудливом узоре и были смешно велики для старческой головы и вытянутого, худого лица.

Рука поднялась вверх, музыка тут же затихла, король встал, окруженный подданными, сердце стучало так скоро, как ни на одной из битв. Взяв лампу, отец направился вперёд, белый свет падал на землю, вырывая из тьмы белоснежные опавшие бутоны, нам с Визаальтом выдали лампы, вдохнув поглубже, я направился вслед за процессией. Белый замок распахнул свои двери для всех гостей, путь к Священному Дубу — сердцу замка, — лежал через Храм Теней.

В свете сотен ламп сверкали золотые буквы, скоро, совсем скоро...

ГЛАВА 5. ВАГАРДА. БОЛОТО БЛИЗ ШИМСУНА

Жёсткое мясо совсем не жевалось, челюсти свело, а я едва откусила треть. Похоже, тот, кому оно раньше принадлежало, умер не от топора мясника, а от глубокой старости.

«Что ж, скоро и этого удовольствия не останется», — с грустью подумала я, окидывая взглядом остатки пайка.

Сидела, приложившись спиной к толстому стволу, поросшему мягким мхом, зад неприятно холодило, все-таки чувствовалась осень. Да и в общем-то Шимсун, — городок, неподалеку от которого пропал Близир, — был более холодным, чем прибрежный Асестим. Но королевскую гвардию это заботило не сильно, амуницией потеплее снабжать никто не торопился, да и паёк не расширили. Сделав усилие, всё же прожевала последний кусок из мешка, живот недовольно просил продолжения, но ничем порадовать его я не могла.

На проклятых болотах я просидела больше семи дней: мало того, что никакого толку, так и есть здесь кроме поганок и мха было совершенно нечего. Местные жители худой одежкой, больше напоминавшие оборванцев, клялись, что на болотах и в окрестном тёмном лесу, который длинными руками простирался до самой Гурии, поселилась нечисть, но, ни единого звериного следа, ни единого запаха я не чуяла. Обиднее всего было, что такой ответ в гвардии не примут, и я вынуждена была сидеть тут пока не найду причину, даже сверх контракта и штрафных дней за наказание. А значит магический ошейник, что можно снять только вместе с концом контракта, продолжит висеть на шее, высасывая силы. Но, делать нечего. Поднялась на ноги, решив пройти всё болото насквозь и вернуться с докладом. Ухватив шест, продолжила путь.

С такими размышлениями я и плелась дальше, вглубь топей, прощупывая кочки длинной палкой. Влажный мох до того напитался влагой, что намочил сапоги, кое где из-под толстых кочек черными пятнами проглядывала болотная вода. Почва под ногами неприятно колебалась, словно была живой. Было бы крайне отвратительно попасть в трясины и пролежать в ней пару столетий, ведь вряд ли тут часто ходят. Может, Близира постигла именно такая участь? Подумав так, начала останавливаться у подозрительно больших кочек и звать пропавшего по имени.

Смеркалось. Дальше идти по зыбкому тонкому ковру мха, отгораживающему от черной воды, становилось опасно. Вдали показалось дерево со сломанной макушкой — верный признак отсутствия толстого слоя почвы, однако какая-никакая твёрдая земля под деревом должна была иметься, и я решила остановиться там. Подложив под низ опустевший мешок из-под пайка, я устроилась на ночёвку прямо под этим деревом, плотнее укутавшись в шерстяное одеяло — мой давний трофей, — легла на землю и задремала.

В нос влез странный запах: смесь сырой земли, мха и каких-то не в меру резких трав, от него я и проснулась. Лишь много позже раздался тихий всплеск воды, кто-то осторожно пробирался в сторону городка прямо из центра болота. Приподнялась на локтях, вглядываясь в темноту, ночь, как назло, выдалась темной: луна только начала отращать новый бок. Однако даже в слабом голубом луче я разглядела нечто: громадный, раза в два больше меня силуэт на мгновение накрыл тенью, ступив совсем рядом с деревом. Припав к земле, задержала дыхание, сердце выпрыгивало из груди, руки напряженно сжимали рукоять, только бы тварь не учуяла! Тихий всплеск и нечто двинулось дальше, я лишь позволила себе чуть повернуть голову, чтобы рассматривать существо: черные воздушные клубы укутывали тело, подобно тому, как болотницы прячутся в магию, вот только это было крупнее. От одной только мысли о родстве с болотницами становилось не по себе — при таком росте у твари будет зверский аппетит. Двигалась неизвестная живность быстро, что странно, прямо по проплешинам воды, старательно избегая ступать на мох, теперь стало понятно, почему я не нашла следов, однако было совсем не понятно, почему оно не тонет в трясине. Сжав клинок, я вскочила на ноги и поспешила за тенью. Будь что будет!

Тварь замерла на месте, встрепелась, услышав меня, и вдруг побежала так быстро, что я едва поспевала, чтобы не терять её из виду. Прыжок, ещё и ещё, я стремглав неслась по кочкам, выбирая только те, рядом с которыми ступало существо — ведь если оно не утопилось, там было мелко. Неожиданно пучок травы, на который я прыгнула, провалился. Всем весом рухнула в воду, по пояс угодив в густую кашу, тут же сковавшую меня, паника охватила волной, я рванулась вперёд, забыв про всякий здравый смысл, трясина тут же вцепилась сильнее, утащив меня вглубь по самую грудь. Вспомнила, чему учили в гвардии, знания немного успокоили, хоть болото медленно звало к себе. Осторожно дотянулась до креплений нагрудника, расстегнув его. Плотный кожаный предмет амуниции плюхнулся на болотную кашу, собравшись с духом рванулась вперед — второй попытки топь не оставляет. Упав животом на плоский нагрудник, вылезла на половину, в таком положении каша затягивала медленнее, второй рывок и я достигла своей палки, что валялась рядом, за третий бросок оказалась на кочке, топь недовольно чмокнула, выпуская меня и проглатывая палку.

Ни сапог, ни нагрудника, меч, закреплённый на поясе, уцелел чудом. Грязная, замерзшая, голодная я тряслась на кочке, проклиная свою жизнь. Беднягу Близира искать было бесполезно — он где-то в этих топях, умирает сотни тысяч раз и молит о смерти всех демонов и богов. От одной мысли трясло: страшнее мученья тяжело было

даже представить.

Лишь много позже, успокоившись, несмелыми шагами я вернулась к дереву, пробираться без шеста было страшно, а после встречи с черными водами ноги и вовсе едва слушались. Плюхнувшись на твердь пошире стопы, почувствовала чудовищную усталость, только теперь мысли смогли течь нормально.

Отчетливо видела, как тварь ступала по тому месту, где я провалилась, но болото там было не мелкое, в этом уж я убедилась достаточно. Существо было крупным, громоздким, по всем признакам весить оно должно было не меньше моего, но вот загвоздка — оно не тонуло, а с легкостью бежало по воде.

«Тварь магическая!» — треснуло в голове.

Другого объяснения быть не могло: вес, не соответствовавший силуэту, необычайные способности, такие как беспрепятственный бег по топи, отсутствие животного запаха, и черный дымок, что окружал туманом тело.

Злость захлестнула с новой силой — раз есть магия, значит, есть и хозяин. Мерзкий магиконец, уж явно не самый законопослушный, раз отсиживается на болоте, потешался вовсю сначала над бедными оборванцами из местечка, воруя хорошую еду, которой у них едва ли когда-нибудь хватало, потом над несчастным Близиром, что теперь умирает и возрождается глубоко в трясине, а теперь и надо мной.

«Порубаю сволочь на рагу!» — пообещала самой себе я, и злость придала бодрости.

Осталось только вычислить, куда волшебная гадина таскает награбленное из деревни, и хозяину конец. Немного пораскинув мозгами, я придумала отличный план.

На следующий день, вернувшись в местечко к полудню, я распорядилась как обычно именем королевской гвардии зачистки, закоптить все мясо, что имелось у крестьян, — уж аромат такой еды я учую даже на болоте. А сама принялась караулить поселок каждую ночь, совершая обходы, чтобы тварь не успела стащить припасы заранее. Крестьяне так радовались, что можно спать спокойно, не боясь, что все зимние припасы к утру могут исчезнуть, что даже пару раз меня накормили и подарили пусть и сильно поношенные, но теплые лапти.

Наконец, всё было готово. Жирные окорока развесили на всякий случай в двух местах, в домах, что жались ближе к лесу. Аромат стоял прекрасный, и хоть желудки урчали у всей деревни — с приманок не пропал ни единый кусок. Наступила третья ночь.

Совершив обход для виду, я устроилась у подветренной стороны дома на лавке и притворившись спящей. Ждать пришлось долго, и хоть резкий травяной запах ветер приносил еще с вечера, тварь отважилась подойти только к утру. Пришлось долго храпеть, разыгрывая спящую, наконец, магиконец осмелел. Грузная тень отделилась от леса, направившись к крайнему дому, где в сенях, прямо у окон, лежал толстый копченый окорок.

Запахло горелым деревом, — магиконец проникал в дома, прожигая двери у замков, — петли тихо скрипнули. Я довольно улыбнулась своей смекалке, и через пару минут убедившись в пропаже, двинулась по ароматному следу.

Самодельное чудище устремилось с добычей к хозяину, тихонько шлепая по воде, я не спешила его нагнать, и осторожно выбирая кочки, шла сзади. Мы пересекли болото почти полностью, и вдруг шаги затихли в самом топком месте — вокруг почти не было кочек. Я остановилась, принюхавшись. Запах стал слабее, значит, окорок внесли в дом или съели, мы пришли на место. Вытащив меч из ножен, направилась вперед — схватка с магической тварью то ещё мероприятие, но, если хозяин отвлекся, то мне повезло.

Преодолев большими прыжками расстояние, выскочила на поляну, что вдруг возникла посреди топи, крошечная лачуга без окон, с единственной дверью занимала часть тверди, грудой мха у порога обмякло «чудовище». Теперь, когда воля господина его оставила, оно было лишь комком травы. Тихо, как кошка ступила на поляну, выставив меч вперед, за избушкой раздавался плеск воды. Надо было попытаться освободить Близира взамен на арест мага, а не казнь. Рывок и я оказалась у источника звука: спиной ко мне, в одном исподнем стоял остроухий.

— Допрыгался, ушастик? — сталь мягко легла у белой шеи.

Эльф тут же попытался ударить в мой бок, но это было предсказуемо, увернулась, плотнее приставив острие к шее:

— Именем короля Аланд...

— Сабат! — взревел остроухий, чтобы это не значило.

Я замахнулась, чтобы привести приговор в действие, как вдруг что-то ударило меня по голове так сильно, что меч чуть не выпал. Эльф отскочил от меня подальше, удержавшись на ногах, я быстро обернулась, приготовившись к бою. Нападавшим оказался седой старик с палкой в руках, гхусейман подери! Их оказалось двое. Молодой уже выхватил меч, куча мха у порога пришла в движение, трое на одного. Будь мы вдвоём с хозяином чудища, такого прокола не было бы, он бы не смог сражаться и командовать монстром одновременно, ох как я попала! Оставшись спиной к воде, приготовила клинок, двинувшись на молодого, надо было срочно вычислить хозяина кучи и уровнять шансы. Ловко отбив мой выпад, остроухий перешёл в атаку, увернулась, глядя на чудовище, оно ожило, встав во весь могучий рост, господином был старик.

Настырный ушастый перешел в нападение, решив, что этот маневр был моим максимумом, я отбивала удары с опережением, делая движения навстречу старику, начала атаку, с молодым пора было кончать, он был бесполезен. Травяной монстр бросился на подмогу, закрывая собой молодого, мешал выпадам, острие то и дело вонзалось в мягкую траву, лезвие обрубало куски, но они словно живые вновь прибегали на место и срастались.

— Именем короля людских земель, владыки всего Аландиса, я, служитель второй гвардии зачистки, — делая петлю по краю поляны, объявила я, — приговариваю вас к смерти! — выпад, и клинок прошел сквозь мох, ранив соперника.

Тот вскрикнул и схватился за бок, чудище тут же оставило меня, молодой шатался, но стоял.

— Она от людей! — крикнул раненый, вновь схватившись за меч, двинулся на меня.

Монстр поднял с земли палку и бросился на помощь, эльф вновь начал атаку, на этот раз быстрее, я уворачивалась, скользя по краю поляны, он не давал пробраться к старику, прекрасно уловив мои намерения. Чудище махало над головой здоровенной палкой, приходилось нагибаться и отпрыгивать. Едва медлительная палка пролетала надо мной, клинок ушастого устремлялся вперед. И всё же я была близко, пригнувшись, прыгнула вперед, миновала клинок и ударом ноги сшибла старика на землю. Молодой тут же набросился на меня, чудище упало, я перешла в бой, намереваясь проткнуть нападавшего, но он опять оттеснил меня на край поляны, как вдруг тяжелый удар сзади сшиб меня на колени, проклятое чудище ходило по воде, подобралось сзади, и как я могла забыть! Палка в мховых лапах и отключила меня, вторым ударом пригвоздив к земле.

ГЛАВА 6. ТЕЛЛИАРОН, СВЕТЛЫЙ ЛЕС. ПРЕДАТЕЛЬ

— Теллиарон, сын мой, — раздражающе спокойно ответил старик, — ты — младший.

— Я младше на один день! — казалось, в легких не хватит места для крика более громкого, злость клокотала удушающим пожаром.

— Закон не знает младших сыновей на троне, если есть старший! — сжав скипетр, напомнил правитель.

— Я бросал победы к твоим ногам! — сотрясаясь от злости, воскликнул я, слова эхом разнеслись по огромному мраморному залу.

— Действуя рукой закона, ты должен был его знать! — сверкнул глазами король, в тронном зале воцарилась звенящая тишина.

Сбросив одним рывком рубашку, обнажил тело, что носило восемнадцать шрамов, десятки глаз устремились на меня.

— Каждый из этих рубцов служит напоминанием о жертвах, которые я нёс ради своего народа, — вымолвил я, — сорок лет в седле грифона я охраняю жизнь Светлого леса...

— И ты можешь делать это дальше, оставаясь второй рукой брата. — Я поднял взгляд, такой злости во мне не было более никогда в жизни.

— Будь ты проклят, старик! — бросил я, повернув к выходу.

Стража шарахнулась, расступаясь предо мной резко, придворные испуганно провожали меня взглядом. Лишь старый нянька семенил за мной, не думая о чужих взорах.

Все знали Телля-воителя, но никто не видел Телля-короля.

Дверь за спиной захлопнулась, Сабат заботливо протягивал мне рубашку, едва поспевая за моими семимильными шагами. Я резко остановился, выхватив ткань из подрагивающих рук, взглянул на старика:

— Уходи! — взревел я, но он остался неподвижен, бледные глаза смотрели на меня по-юношески упрямо, я перевел дух и добавил мягче, — Сабат, со мной тебя не ждёт ничего хорошего.

— Телль, не делай того, что задумал, — попросил старик, будто прочитав мои мысли.

— И не думай вмешаться, иначе я забуду, что ты вырастил меня, — сверкнул глазами я, зашагав прочь от старика.

У покоев короля дежурило четверо. Обнажив клинок, я оставил его сзади, решительно двинувшись вперёд, но едва дошёл до двери, стража молча преградила дорогу:

— Я не могу навестить брата? — спросил, с вызовом глядя в глаза под забралом.

— Приказ вашего отца, — коротко рапортовал стражник.

— Вот как, — хмыкнул я, — значит, я могу рисковать головой ради правления брата, но не навещать его. Вот это милость! — клинок тут же оказался в моей руке.

Бросок и первый стражник упал, второй успел сориентироваться, и я получил удар в живот, двое других яростно бросились на меня, завязалась драка. Шум разлетелся по пустому коридору, я успел ранить ещё одного, мечи стучали, исполняя песню стали. Как вдруг боль опалила ногу — раненый, что лежал на полу, ударил меня по лодыжке, я отвлекся, чтобы добить его. Изловчившись, второй бросился на меня с протянутым вперёд клинком, как вдруг резко остановился, замер как вкопанный с остекленевшими глазами и упал, словно был камнем. За спиной последнего стражника стоял Сабат, наши глаза пересеклись, старик даже взглядом пытался меня остановить, развернувшись, я распахнул дубовые двери спальни. Визаальт ждал меня с клинком на изготовке, но в его девчачьих руках это выглядело так жалко, что я расплылся в злорадной ухмылке:

— Как же ты ничтожен, правитель, — выдавил я, делая шаг навстречу.

— Остановись, Теллиарон! — ровным тоном приказал он, подражая отцу.

Я сделал выпад, Визаальт отпрыгнул, укрывшись за толстым столбом у кровати.

— Сюда идет стража, остановись, безумец! — взвизгнул он.

— А ты меня останови, — прошипел я, бросившись вперёд, но брат увернулся, меч с треском разрубил столб, обрушив дерево на ложе.

На коридоре слышался топот, осталось слишком мало времени, я схватил рукоять и прыгнул, кусок белого шёлка, срезанного с рукава Визаальта, устремился вниз, меч со звоном выскочил из его тонких рук. Второй размах и всё будет кончено, как вдруг мое тело пронзил холод, руки, пальцы, ноги — всё онемело в одну секунду, отказываясь подчиняться, я закричал, но из горла едва ли вырвался тихий хрип, мгновение, и я рухнул лицом об пол.

Сознание вернулось ко мне быстро, уже тогда, когда меня вели по тюремному коридору. В камерах, что

располагались в подземельях, сидело трое пленных гоблинов, какая ирония, ведь это я их сюда притащил. Охрана даже не удосужилась снять оковы, прямо в них меня и запихнули в темницу. Решетки лязгнули за спиной, оставив меня в одиночестве ждать приговора, да, собственно говоря, ждать было нечего, за мой проступок полагалась смерть. Сев на пол я сжал голову руками, но так и не ощутил ни жалости, ни страха. Только злость. На отца, что вполне серьёзно предложил мне оставаться тенью слабого никчемного брата, на новоявленного короля, на чьей голове терновая корона была нелепо велика, и на Сабата — старый нянька предал меня, не дав убить ненавистного Визаальта, именно его заклятие и привело меня в клетку и через пару часов отправит на эшафот.

Время пронеслось мгновенно, не думая ни о чем я сидел и покорно ждал меча, что вскоре отделит беспокойную голову от тела. Усталость навалилась грузно, казалось, я не спал десяток ночей к ряду, хотелось просто лечь на этот холодный каменный пол и больше не просыпаться никогда. Но впереди у меня ещё крики, осуждение, ненависть, ведь я совершил самое худшее, что может сделать эльф — убил собратьев и покушался на жизнь короля.

— Встать, лицом к стене, — скомандовал один из стражников, оковы на моих руках сомкнулись с длинной цепью, что вела к ногам.

Меня вывели из темницы, свет яркого заходящего солнца, что кровавыми облаками закрыл небо, больно бил в глаза, привыкшие к полумраку. У ступеней главного входа во дворец собралась толпа, но, как ни странно, я не услышал ни единого крика — полная, абсолютная звенящая тишина воцарилась на площади. Неподалеку восседали отец и Визаальт, их лица были словно высечены из камня — беспристрастные, холодные, и, если бы не ветер, что колыхал полы одежды, их можно было счесть за изваяния.

Я сделал шаг, ступив на помост, сотни глаз устремились на меня, провожая в последний путь. Но ни единый мускул не дрогнул во мне, никакого страха или сожаления, я знал, что поступил верно и непременно поступил бы так еще раз.

В центре, на поспешно собранном помосте стояла колода с воткнутым сверкающим мечом, и палач в черном плаще. Ветер растрепал волосы, бросив в лицо, я жадно втянул воздух, в последний раз — вот этого было жаль до горечи. Опустившись на колени перед колодой, взглянул на сверкающий в алых закатных лучах меч, я положил голову на плаху, закрыв глаза, ни о чем не жалея. Ну, вот и всё.

— Снимите с него кандалы! — вдруг раздался голос над головой.

Открываю глаза, не веря своим ушам, это говорит мой брат!

Палач замирает на месте, меч висит над моей головой, толпа вздыхает, гудит. Отец вскочил на ноги, не ожидая такого от Визаальта.

— Снимите с него кандалы, — повторяет он, палач медленно опускает меч, ко мне спешит стража с ключами. — Теллиарон, брат мой, я навсегда изгоняю тебя из Светлого леса и, если когда-нибудь твоя нога коснется моей земли, я убью тебя, — кандалы падают, освобождая руки.

Медленно поднимаюсь на обмякших нетвердых ногах, всё еще не в силах поверить, что спасен. Таким же нетвердым шагом схожу с деревянного помоста, что чуть не стал моим последним пристанищем, толпа расступается, иду по коридору из сотен лиц, что устремили на меня жадные взоры. Ворота распахиваются передо мной, открывая путь в неизвестность, все происходит будто во сне.

— Телль! — вдруг меня хватает за руку Даландин, она плачет, тонкое тело сотрясается от рыданий, за другую руку ее держит отец, — я пойду с тобой! — отец сжимает ее запястья, девушка смотрит на него и добавляет, — Папа, пожалуйста,пусти! — старый лекарь разжимает ладонь, вонзая в меня злобный взгляд.

Даландин вырывается, бросаясь за мной.

Эльфы расступаются — ко мне пробивается Ивир, за ним его отец и жена. Следом от толпы отделяются ещё и ещё эльфы, в основном солдаты, что дрались со мной рука об руку, их жёны и даже дети. Визаальт молча провожает нас взглядом, не препятствуя их выбору. И вдруг я замечаю Сабата. Гнусный предатель намеревается идти за мной, разворачиваюсь и бесцеремонно хватаю его за шиворот:

— Только посмей идти за мной, мерзкий старик! — швырнув его на тротуар, я выхожу прочь за ворота.

За спиной толпа скандирует:

«Визаальт! Визаальт!» — до чего же у нее переменчивое мнение.

Со мной идут самые лучшие эльфы, всего около сотни, я чувствую, как с каждым шагом тело наливается силой, а за спиной будто расправляются крылья — вот он, мой народ! И я сделаю всё, чтобы он был счастлив так, как я сейчас.

ГЛАВА 7. ВАГАРДА, БОЛОТА. НОВЫЙ КОНТРАКТ

Очнулась, голова трещала от удара, значит, эти двое не додумались меня убить, связанные руки затекли и болели. Меня усадили спиной к столбу, что поддерживал ветхую крышу, и привязали, пожалуй, даже чересчур крепко. В лачуге с низким потолком горел огонь, над костром висел черный закопченный котел, пахло похлебкой и мясом, небось, тем самым, что они уволокли у крестьян. Молодой эльф, худощавый и тонкий, с белыми волосами чуть ниже плеч, спал на узком ложе. Ребра его были забинтованы — моя работа. Старик в простой одежде, с длинной белой бородой и уродливым металлическим медальоном, больше похожим на кусок какого-то доспеха, выглядел странно. Дед суетился у котелка, что-то нарежая на доске, сторбленный, медленный, совершенно белый, и как он только не разваливается?

Странная парочка: дряхлый как сама земля, эльфийский маг, прислуживающий молодому остроухому. Кто же они такие? Молодой точно не воин, если бы не старик я бы его за полчаса прикончила и разделать успела бы, одежды богатой в лачуге я не увидела, хотя меч у парня был замечательный — белесая рукоять с орнаментом и клинок настоящей эльфийской стали, вот бы его присвоить. Подняла глаза от меча, тут же встретившись с взглядом его хозяина, остроухий проснулся и недовольно наблюдал, как я жадно пялюсь на оружие.

— Сбежать надумала? — язвительно заметил ушастый, сев на ложе.

— И ножик твой прихватить, — огрызнулась я, старик, услышав разговоры, обернулся.

Дед подошел к своему напарнику, подал тому рубаху и даже застегнул пуговицы, обтянутые шёлком, вместо молодого. Глядя, как он это делает, я хмыкнула, тут же молодой недовольно окинул меня взглядом:

— Старик, ты ему и зад вытираешь? — засмеялась я, дед оторвался от застегивания шёлковых пуговичек и укоризненно посмотрел на меня.

— Азагур, знай свое место, — пригрозил он.

— Пф. Не то что? — фыркнула я, с вызовом глядя в такие светлые глаза, что голубая радужка в них почти растворилась от старости. — Измучаете, как Близира, в топь бросите? Терпеть не могу остроухих, — сплюнула, — те же орки, только высокомернее.

— Как ты смеешь ровнять нас с орками?! — воскликнул молодой, но старик положил руку ему на плечо, успокоив.

— Злишься за того аспида, что пришел неделю назад? — уловил мой настрой старый, — ты можешь ему помочь.

— Это как же? — спросила я, не отрывая взгляда от белесых глаз.

— Взамен на услугу, — вкрадчиво начал он и я напряглась.

— Продолжай, — потребовала я.

— Ты хорошо владеешь мечом, — польстил старик, я, не теряя бдительности, слушала дальше. — Меня и моего господина ты сопроводишь до Серого леса, взамен я освобожу из топи твоего друга.

— Что? — возмутилась я, — взамен на путь через Магикон, Амутгат, Зарнатх и Бездонные болота? Да не такой он мне и друг!

— Еще могу исцелить тебе все шрамы, — торговался старик, я засмеялась.

— Я десять лет пробываю шлюхой, этим шрамам я рада.

— Хорошо. Но ты только подумай, магический ошейник нельзя снять без разрыва контракта, я перезаключу его, ты отведешь нас, и договор будет исполнен, — заманивал старик, расставляя сети.

— Мне осталось только вернуться в Асестим, контракт истек ещё семь дней назад, — сообщила я.

— Только ты не вернёшься, — напомнил молодой.

— Да что ты! Ты что ли меня остановишь своими боевыми навыками? — огрызнулась я, — тогда чего мне руки связал, никак побаиваешься? — сероглазый эльф готов был сделать во мне дыру, его лишь сдерживал старик.

— Дам всё, что перечислил и его эльфийский меч, — не сдавался старик.

— Что? Да ничего подобного! — возмутился молодой.

— Нарон, остынь, — холодно осадил старик так, будто это молодой был его слугой, до чего же странная парочка, — король Серого города будет рад нам, он заплатит золотом, если же не заплатит — заберёшь его меч.

— Ну-ка дай поближе, — заинтересовалась я и слегка дрожащие руки старика поднесли ко мне острие, молодой недовольно пыхтел, но молчал.

Идеально гладкое лезвие, плавными линиями сверкало в лучах костра, ручка переливалась мелкими узорами, сверкая, словно бриллиант, от такого отказаться было сложно. Острейшая эльфийская сталь резала как масло даже толстокостные бошки горных троллей, ох, как же был заманчив этот трофей! К тому же, если вместо него получу гору золота, это тоже будет весьма и весьма неплохо: свободная, без ошейника и с сартами в кармане... Рядом всё время будет маг, пусть и старый, но он неплох, нас трое, двигаться будем быстро, по лесам, купим лошадей и дней

за десять доберёмся.

— По рукам, — согласилась я, — освобождай Близира.

— Конечно, но сперва контракт, — напомнил старик, раскидывая по крошечной лачуге магические символы, что висели прямо в воздухе, заливая комнатушку зеленым светом.

Магия эльфов была не такой, как магиконцев, свет вместо золота сменила зелень, но это было очень красиво, хоть и не очень приятно. Ошейник ощутимо разогрелся, символы окружили меня, словно зелёные бабочки, порхали, переливались и шевелились:

— Я, эльф и маг Сабат Белый, заключаю с ... — он замялся.

— Азагур Вагарда Вэркус, — напомнила я.

— С азагуром Вагардой Вэркус договор, она доставит меня и Нарона в Серый город, за что ей будет уплачено золотом или эльфийским мечом, — произнес старик, нагнулся и распоров веревки, взял мою руку.

В полах широкой мантии он ловко выудил маленький клинок, лезвие полоснуло по белой коже, Сабат протянул нож и свою кровавую ладонь. Я сделала надрез и скрепила наше рукопожатие, символы в бешеном прыжке устремились в наши сомкнутые ладони, тут же исчезнув в них. Контракт был перезаключён.

— Меня зовут Сабат, а это законный принц Светлого леса, Нарониэль, — представил старик, указав на своего господина.

— Что ж принц не в замке, среди бархатных подушек? — ехидно заметила я, молодой недовольно хмыкнул.

— У власти сейчас его младший брат, царубийца, незаконно взявший престол, — пояснил Сабат. — Мы отбились чудом.

— Другим словом его искусство владения мечом не назовешь, — заметила я, — хотя, ты, старик, надеюсь полезный в бою.

— Не сомневайся, азагур, — улыбнулся Сабат.

— Эх, за принца надо было просить побольше, — вздохнула я.

— Не переживай, золота дадут тебе достаточно, — огрызнулся Нарон.

— А может сарты и не возьму, мне твой ножик страшно понравился, — напомнила я и принц тут же спрятал меч в ножны.

— Что ж, пора исполнить первую часть договора, — сказал старик, вновь раскидывая магические руны.

Зеленое чудище вошло в хижину, забыв пригнуться, по пути потеряло половину, туловище быстро встало на новые ноги, и вернулось обратно. Магические символы завертелись вокруг мшистого, старик что-то бормотал, смешно шевеля губами, руны рассыпались, словно песок и вдруг с неистовой скоростью объединившись в один поток, устремились в чудище. Мгновение, и в лачуге не осталось ни одного символа, мшистый резко развернулся и вышел прочь. Я вместе со стариком поспешила на улицу, чудище уверенно двигалось вперёд, будто зная дорогу, надеюсь, оно отправилось на встречу с бедным Близиром. И как только я узнаю, что маг меня не обманул?

— Сабат, что у нас на обед? — оторвал меня от созерцания мшистого Нарониэль, этот баловень начинал раздражать.

— Ворованное мясо, — язвительно напомнила я, не поворачивая головы.

— Нам же надо было что-то есть! — возмутился принц.

— Ты мог бы сходить на охоту, — ответила я, — знаешь, сколько обычно крестьянских детей умирает в голодную зиму?

— Я верну это мясо! — горячился молодой.

— Ну да, ну да, — хмыкнула я.

— Перестаньте, — прервал нас старик, — в пути нельзя тратить драгоценное время на охоту и готовку, это мясо нам пригодится.

ГЛАВА 8. ТЕЛЛИАРОН, ЗАРНАТХ. ВЫЖЖЕННАЯ ЗЕМЛЯ

Зажгли костры. Где-то неподалеку заиграла лютня, девушки затянули баллады Дарона. Благодаря царской милости моим подданным дали время собрать обоз, к завтрашнему вечеру мы покинем границы безопасного Светлого леса. Дом, в котором мы жили много столетий в достатке и благоденствии.

Куда идти теперь? Уронив голову на сложенные руки, я сидел в шатре, не торопясь выходить к эльфам: что я должен им сказать? Они ждут ободрения, ждут светлой жизни впереди, но я не могу врать. Северные земли принадлежат людям и азагурам, нам такое не по зубам, юг занял Светлый лес, который мы обязаны покинуть навсегда, с запада нас подперло Царское море, для которого у нас нет кораблей. Оставался только восток: гоблины и орки, за которыми идет Чернолесье.

— Телль? — Даландин приоткрыла полу шатра, ожидая разрешения, чтобы войти.

— Я хочу побыть один, — огрызнулся я, но девушка вошла и вопреки моему желанию, села рядом.

Легкая рука легла на моё плечо, синие глаза смотрели с такой заботой, что это раздражало.

— Я сказал, что хочу побыть один, — не слишком вежливо напомнил я.

— Тебе нельзя сейчас быть одному, — возразила Даландин и, взяв мою руку, заставила ее обнять. — Я знаю, о чем ты думаешь, как и все в этом лагере.

— Неудивительно! — хмыкнул я, — теперь, когда мы подходим к границам гоблинов, половина передумала и не знает, как вернуться.

— Эти эльфы верят в тебя больше, чем ты сам! — возразила Даландин, вцепившись в меня решительным взглядом, — они взяли с собой своих детей, и повели за королем, который достоин этого титула.

— Они позабыли о том, что Дарон не бесконечен! — разозлился я, — что земли для лучшей жизни давным-давно заняты, и нас может приютить разве что Чернолесье!

— Не говори так! — Даландин от возмущения вскочила на ноги, — все мы знали, куда идем, но также мы знали, за кем идем. Так выйди к своему народу и ободрь их, а не отсиживайся тут!

Я взглянул на эльфийку: на белом лице девушки проступил румянец, она смотрела на меня решительно и гордо, и сколько бы я не злился, она была права. Тяжело вздохнув, я встал на ноги и вышел из шатра.

Музыка сразу прекратилась, все глаза смотрели на меня, Даландин была права — мою поддержку тут ждали все.

— Жители Светлого леса, все те, кто пошёл за мной, — несмело начал я, — завтра мы достигнем границ эльфийских земель и вступим на территорию гоблинов. Наш путь лежит в Чернолесье, и я не могу обещать вам, что там будет так же хорошо, как здесь. Каждый, кто передумал, может сейчас вернуться, — я окинул взглядом слушателей, но никто из них не последовал прочь, — путь наш будет труден, но о нём сложат баллады.

Вдруг над лесом пролетел знакомый крик, эльфы устремили глаза вверх, в поисках издавшего его зверя. Мгновение и над головой промелькнули золотые крылья, мой желтоглазый союзник приземлился рядом, с длинной шеи свисали порванные цепи. Орлиная голова уткнулась в мою грудь, бока тяжело вздымались, из-под ошейника сочилась кровь.

— Теллиарон наш король! — воскликнул кто-то, и другие голоса вторили ему.

Рассвет встречал нас промозглой сыростью, мы провели последнюю ночь в светлых землях и теперь вступили в чужие владения. За семь дней, если двигаться быстро мы пересечём земли гоблинов и выйдем в дикий лес, но там едва ли будет безопаснее: ни клыкастые орки, ни ушлые гоблины не спешили заселять эти земли.

Когда-то, едва не тысячу лет тому, это место занимал Магикон, простираясь до самого Желтого моря. Орки тогда бросили свое королевство и оттеснили гоблинов, земли азагуров были раздроблены надвое, когда Магикон расширял свои границы до Чернолесья. А в Магиконе к власти пришёл сильный маг, какие рождаются едва ли раз в несколько тысяч лет. Аламирил Алый имел такое прозвище заслуженно — его войско стихий омывало кровью все земли, через которые проделывало путь, он был первым и единственным магом, овладевшим в совершенстве всеми четырьмя стихиями. Читая летописи его сражений я ненавидел его и восхищался одновременно, Сабат, мой старый нянька, рассказывал, что даже доспехи короля, отлитые из лучшей стали в Дароне, не выдерживали его силы, в порыве битвы раскаляясь до красна. Но даже такому величию не суждено было править вечно.

Но у всякой прекрасной баллады есть начало и есть конец, Аламирил Алый потерял рассудок. Яростный, кровожадный, безумный и с артефактом элементов в руках — со временем и с пытками, что устраивал безумец, его возненавидели даже собственные подданные. Чувствуя брешь в стене, враги сплотились: азагуры, орки, тролли и гоблины, которые были безжалостно потеснены могучим соседом пришли к соглашению и напали на Магиконскую империю. О той битве сложено немало песен и легенд, единственный раз в истории земли драконных детей породили сильного короля. Барион Железный, — легендарный воин Дарона, — будучи совсем

юном, в возрасте шестнадцати лет, подхватил меч из рук убитого отца и пронзил великого мага, положив конец самому ужасному войску за всю историю. Правда, дальше союзному войску пришел конец, азагуры вышли из альянса, устремив мечи теперь на прежних помощников.

Так, драконы магиконцев полегли следующими, Барион Железный повёл азагуров на все земли разом, за триста лет изничтожив всех драконов и запугав соседей, король аспидов стал повелителем бессмертной орды, ещё одного великого войска.

В этих славных битвах сгинул артефакт стихий, про него остались только байки, что няньки рассказывали на ночь. Были ли элементарии уничтожены на том месте, где убили Аламирила Алого, как говаривала половина люда в Дароне, или же просто зарыты в Чернолесье, никто не знал. Однако то ли потому, что артефакты и вправду хранились в тёмном лесу, то ли потому, что магия стихий была запретной и оставляла след, так или иначе, земли восточного леса поглотила скверна. Столь черная и липкая, что даже гарпии — дикие полулюди-полуптицы, рвавшие добычу на части и не знавшие насыщения, ушли из этих мест, поселившись севернее. А скверна продолжала порождать уродов даже через тысячу лет.

Всплыла картина из далекого детства — бродячий цирк гоблинов пришел на Весеннее благоденствие в Светлый лес, я был тогда так мал ростом, что возможно это воспоминание слишком уж искажённое. Но перед глазами и сейчас стояла громадная клетка, закрывшая в стальном чреве нечто отвратное: лысое четырехлапое существо с обвисшей кожей в нарывах и язвах, извергавшее из двух голов жуткий хрип. Гоблины утверждали, что то были волчата, возвращенные в утробе матери скверной.

А теперь мне предстояло не только пройти эти земли, но и найти место в них и уберечь тех, кто последовал за мной. Это пугало похлеще эшафота в Светлом городе, ведь что такое идти одному, а что такое распорядиться сотней судеб?

Я пребывал в смятении все эти дни, что мы шествовали по странному пейзажу. Зарнатх то был песчано-пыльным и ровным на много миль, то вдруг нашу колонну обступали горы, прорезаемые ручьями и густым лесом. Земля под ногой была сухой и неплодородной, к такой почве в Светлом лесу мы не привыкли. Еды было мало, наш единственный маг земли, женщина, останавливалась и то и дело возвращала для всех нас какие-нибудь ягоды на засохшем безжизненном кусте, измучанные и голодные мы шли вперед. Весь день до самого заката солнце нещадно палило, иссушая последнюю траву и наши бедные головы, ветер, сухой и теплый сначала казавшийся таким ласковым, теперь, на шестой день пути растрескал кожу, а губы и вовсе изранил до крови. Жители Зарнатха больше приспособились к такой жизни: мелкий рост, на голову, а то и две ниже эльфийского, помогал экономить еду, грубая серая кожа с толстыми морщинами не так быстро обветривалась, удерживая воду внутри, и не боялась солнца, а длинные носы помогали учуять запахи и словить редкую добычу. Но даже приспособившись лучше остальных, гоблины больше полюбили прохладные подземелья, чем поверхность, перерыв сотни миль они устраивали свои города под землей, где могли расти грибы, коими они и питались. За весь долгий путь нам не встретились сморщеннолицы, лишь однажды вдалеке нас видели дети, но подойти не решились, скрывшись в горах.

Нам приходилось туго, припасы закончились, на редких кустах далеко не всегда получалось взрастить съедобные плоды и тогда я приказал охотиться. Мы, эльфы, почти не ели мясо, да и откуда в Зарнатхе нормальная добыча? Пришлось немало вытерпеть, запихивая в рот куски жареной ящерицы, змеи, а то и вовсе горсть жуков. И если раньше на каждом привале мои эльфы пели, то теперь все молчали, потупив глаза в огонь, над которым поджаривалось что-то едва ли съедобное.

Но хуже всех приходилось моему грифону, птица, что съедала раньше половину лошади, голодала. Он уже не летел, а брел за колонной, я опасался, что скоро мой желтоглазый друг останется лежать на этой земле и мне придется его добить.

Два последних дня мы пробирались по засушливой равнине, наконец, вдали показались горы, за которыми нас ожидал переход по еще более опасным владениям орков, и только потом нас встретит свободная земля — Чернолесье. Вдалеке зеленели деревья, значит, там была вода. Путь к долгожданным вершинам устилал лес, влажный и живой, мы тихо пробирались вперед, укрывшись в сени деревьев.

От размышлений оторвал возглас грифона: тихий рык вырывался из груди животного, гриф зарычал, всматриваясь в заросли, что расположились впереди. Обнажив меч, я подал знак Ивиру, мы двинулись вперед. Но не успели проделать и пары шагов, как натолкнулись на гоблинов. Они сразу бросились на нас, завязался бой, к нам поспешила подмога. Мечи стучали недолго, короткое сражение завершилось горстью упавших сморщеннолицых, их был всего десяток. Пара-тройка убежала, скрывшись вдали, я было решил нагнать беглецов, но Ивир остановил меня.

— Телль, не время, надо бежать отсюда и как можно скорее, гоблинов в тоннелях искать бесполезно, — и я согласился.

Скорее всего, сбежавшие уже достигли нор, Зарнатх был гораздо больше в глубину, чем могло показаться

снаружи. Ходы целой сетью пресекали все горы и равнины их владений. Говорят, что у этих проныр есть лазейки не только под Зарнатхом, а в огромных тоннелях подчас терялись и сами гоблины. Так или иначе, но Ивир был прав — сбежавшие приведут подкрепление.

Мы вернулись на тропу и осмотрели пожитки сморщенных. Это был небольшой торговый караван: десяток медведей в упряжи с тюками, утыканными всяким барахлом для продажи, и горстка гоблинов, его сопровождавших. Но и эта мелочь была удачей: припасы, теплые шкуры, ткани, немного монет и прирученные медведи. Разгрузив тяжелогружённые повозки с медлительными медведями в упряжке, мы, распределив ношу на всех и быстро двинулись вперед, я приказал воинам замыкать колонну, пропуская вперед женщин.

Согласно карте, мы выбрали самый кратчайший путь в Чернолесье, но даже так нам придётся провести в чуждых землях еще одну ночь, а если учесть разграбленный караван, то становилось и вовсе беспокойно.

Мы шли до глубокой темноты, лишь когда олени и эльфы стали спотыкаться в темноте, сделали остановку, достигнув Серых гор, что располагались в землях гоблинов и тянулись к троллям и Чернолесью. Мелкие горы с серыми камнями едва в два раза превышали деревья, но из-за ширины и постоянно осыпающихся вершин были весьма небезопасны. К тому же, какой-нибудь тролль мог запросто забрести в Зарнатх и устроить под горой жилище.

Но темнота надвигалась. Нас было всего чуть больше сотни, воинов набиралось меньше сорока. Рискаю попасть под обвал, я все же приказал двигаться к самой горе, чтобы укрыться у подножия, так, хотя бы с одной стороны, у нас будет стена.

К счастью, гора оказалась свободна, изможденные и уставшие мои подданные укладывались спать прямо на земле, даже не расставляя шатры и не разжигая костры. Разделив воинов на две половины, мы принялись дежурить. Грифон, бесшумно ступая на мягких лапах, шествовал рядом со мной, этому ночному хищнику нравилась компания, в ночной прохладе он чувствовал себя лучше и теперь то и дело норовил побаловаться. Оттолкнув голову с орлиным клювом, что заставляла себя гладить, преграждая путь, я пошел быстрее. Животное, недовольно фыркнув, осталось позади, как вдруг прямо в меня из зарослей полетела стрела:

— Подъём! — закричал я, гриф тут же бросился в чащу, обнажив клинок, я побежал за ним.

Новая стрела со звоном отскочила от кольчуги из эльфийской стали, в тёмном лесу мелькали силуэты, ко мне уже спешила помощь, неожиданно на поляну выскочил громадный медведь, метра два в холке, в лунном свете блеснули три глаза осквернённой твари. Седок направил зверя на меня, я увернулся, чудом не попав в мощную челюсть, гриф бросился на чудовище. Острый клюв впился в шкуру, но медвежьи зубы успели схватить ногу грифона. Когти орла вцепились в грудь медведя, тот лишь сильнее сжал зубы, намереваясь откусить ногу сопернику. Истощенный вопль грифа и хриплый рык смешались с гулом сражения. Я бросился на помощь грифу, пытаюсь пронзить обидчика, но задел лишь наездника:

— Телль! — закричал за спиной Ивир, отбивая атаки гоблинов, что лезли из чащи, словно речные тугуны на запах крови.

Я бросился к другу, оставив сцепившихся в смертельной схватке животных, сморщенные всё прибывали, выскакивая из-за деревьев. Как вдруг совсем рядом со мной в дерево врезался глиняный кувшин, разлетевшись на осколки, он выплеснул содержимое на ствол, и в ту же секунду в небо взмыла огненная стрела:

— Ещё! Ещё огня! — кричала Даландин, десятки стрел посыпались на деревья, наши лучницы целились в сосны.

— Отступаем! — скомандовал я, поняв их план.

Выхватив горящую стрелу из дерева, я бросился к грифону. Ловкий прыжок и шкура медведя вспыхнула, словно солома, зверь разжал зубы и, позабыв обо всём на свете, бросился в чащу, сбивая на пути бегущих гоблинов. В лесу начался пожар.

Раненый грифон хромал сзади, едва поспевая за мной, стволы смолянистых сосен разгорались сильнее, самые отчаянные ещё продолжали бой.

— На гору! — скомандовал я, отбивая выпады сморщенных.

Заложив пальцы в рот, свистнул, приказывая грифу взлететь. Жар опалял лицо, в жутком, первобытном реве полыхали сосны, огонь всё быстрее распространялся, бросив мечи, гоблины побежали прочь, но жёлтые языки пламени преграждали им дорогу, обваливая сгоревшие макушки. С другой стороны, отгоняя прочь от горы, засели мои воины.

Жар становился невыносимым, бросив сражение, мы устремились на спасительную каменную вершину, за нами бросились и гоблины. Пустив вперёд женщин и обоз, мы добивали выживших, едва справляясь с недостатком воздуха. Голова кружилась, но я не опускал остриё, угощая им сморщенных. Поднимаясь всё выше за своими воинами, я начал лучше дышать. Под нами разверзлась огненная бездна, лес полыхал с низким рёвом, будто сама земля кричала через погибающие в пламени деревья.

Лучники подбадривали нас стрелами, помогая справиться с гоблинами, ползущими вверх из дымовых клубов.

Как вдруг Ивир упал, сорвавшись вниз, покатился с горы в удушливую серую пелену. Не раздумывая, я бросился за ним прямо в густой дым, закрыв лицо, наощупь пробирался вниз, натываясь на спешащих к вершине гоблинов. Никто уже не сражался, важнее стало спастись от огня, охватившего лес.

— Ивир! — дым резанул горло, закашлявшись, вновь позвал друга, но он не откликнулся, щипало глаза, я пытался найти его, но в такой пелене это было бесполезно.

Сознание мое начало затуманиваться, пошатываясь, я повернул к вершине раздумывая возвращаться. Неожиданно кто-то тронул за плечо, дрогнув, развернулся, в пелене едкого дыма стоял сморщеннолицый и указывал вправо. Я бросился в указанном направлении, споткнувшись о тело. Гоблин помог поднять Ивира, вместе мы дотащили тело к вершине. Чистый воздух был таким резким, что я не мог надыхаться, выкашливая остатки едкого дыма:

— Прекратить бой! — скомандовал я, — прекратить! — и мои воины опустили мечи, позволяя сморщенным взобраться на спасительную вершину.

Я опустил друга на землю, лицо его было бледным, склонившись, пытался прощупать сердцебиение, но ничего не находил:

— Даландин! — кричал я, дочь лекаря уже спешила на помощь.

Жена Ивира обвила мужа руками, причитая и плача. Даландин и ещё двое эльфиек склонились над моим другом, пытаясь что-то сделать.

— Что мне делать? Дали, что? — кричал я, не находя себе место.

— Уведи её! — крикнула девушка, сверкнув синими глазами так решительно, словно была воином.

Я попятился в сторону, подняв на ноги жену Ивира, оттащил её прочь. Женщина рвалась к мужу, отчаянно пытаясь освободиться, и вдруг он выгнулся, захрипел. Ивир закашлялся, вновь глотая воздух, я почувствовал такую слабость, что чуть не упал на колени.

Та ночь выдалась странной. Мы просидели на вершине горы, выжидая пока наш единственный маг призовет дождь, и пожар внизу уступит дорогу. Вокруг с таким же мрачным видом сидели гоблины, взирая то на свой горящий лес, то на нас. Я велел продолжать патруль на всякий случай, хотя боевого настроения у сморщеннолицых не было.

Ивир окончательно пришел в себя, его уложили на повозку к медведю, оставив в руках заботливой жены. Осмотрев грифона, я попросил лекарей заняться ранами крылатого, лапа его была изрядно разорвана медвежьей пастью.

Я сидел, оперевшись спиной о камни и смотрел на чернеющие дымные просторы, что проступали под редкими клубами, пожар отдалялся, скоро можно будет идти. Даландин молча присела рядом, положив мою голову себе на плечо:

— Спи, Телль, тебе надо отдохнуть, — ласково попросила она, и я вряд ли мог противиться этому.

В коротком сне меня преследовала эльфийка с двухголовым младенцем на руках, умолявшим больше не жечь леса.

ГЛАВА 9. ВАГАРДА, АЛАНДИС. ПУТЬ

Ночь выдалась темная, холодная, устроившись у раскидистой ели, мы развели костёр. За день прошли слишком мало, старик не мог передвигаться быстрее, к тому же тащил на себе обоз, напрочь отказавшись нагрузить молодого гаденьша, который, кстати, и ухом не вёл, чтобы помочь. Потому пришлось взвалить ношу и на себя, напади на нас в тот момент кто-нибудь и я бы час снимала с себя котелки, чтобы подраться. Такими темпами мы не доберемся в Серый город и за целый лунный ход, не то, что за две недели. Злая, я сидела на поваленном дереве подальше от ушастых и начищала оружие:

— Вагарда, раздели с нами трапезу, — окликнул старик.

— Ворованное есть не буду, сказала же, — напомнила я, хоть живот и урчал после единственной пригоршни ягод, что попались на пути в лесу.

— Не забывай, нам нужен защитник, а не обоз! — настаивал Сабат, все-таки пытаясь вручить кусок окорока.

— Я на охоту, — отмахнулась я и, не дожидаясь возражений, направилась в лес.

Отказалась от мяса вовсе не из-за того, что не хотела его, или из-за того, что никогда не брала краденое, нет. Воровством мелким, ради еды я промышляла с детства, не считая краденый с прилавка толстого пекаря кусок хлеба чем-то зазорным. Но что-то во мне сопротивлялось есть у крестьян, я помнила свое нищее детство и девятую осень, и дом мадам Гризо, в котором еды тоже всегда не хватало. Я помнила, как девчонкой всегда хотела есть, как голодала, будучи у родителей, как жадными глазами смотрела на блюда, переполненные лакомствами для гостей борделя, как мечтала съесть недоеденную свиную ножку, что лежала на тарелке какого-нибудь более-менее состоятельного посетителя дома на перекрестке. И как меня били за украденную виноградину с гостевого блюда, палками, нещадно, это я тоже помнила. Есть мясо, на котором могли бы протянуть зиму целой семьей крестьяне, было противно почти так же, как умирать с голоду. А уж голодной смерти я вдоволь напробовалась ещё в Гурии.

Лес был пустым: ни птиц, ни живности, хотя бы мелкой, ни даже мышей. Холодная осень распугала зверьё по норам, оставив только крупных, с которыми мне одной не справиться. Словив векшу[1], скрутила тонкую шейку, зверёк дернулся и затих, оставив-таки мне напоследок пару глубоких укусов. С этим уловом и вернулась в лагерь, ошкурила и надела тощий трупик на палку. Принц поморщился так брезгливо, что я не выдержала, решив проучить ханжу:

— Однажды, лет шестнадцать назад, когда я только попала в гвардию зачистки, — начала тоном заправского балагура, остроухий подсел поближе, желая развлечься байкой под копченый ужин, — отправили меня, неумелую девчонку, на задание. Дело было близко к самым северным землям. Там пара клыкастых орков, как выяснилось потом, навело шорох на соседние деревеньки. Ну, у людей глаза от страха сразу видели неестественное, и в столицу поступил заказ на чудищ, что волокали людей без возврата, пропало семеро к тому дню. Как сейчас помню то задание, холод собачий, а мне выдали только плащ один, да, в общем-то, первоcontractникам в гвардии лучшего никогда и не давали. — Вещала я, ворочая шкворчащую тушку, — Привезли меня, значит, в маленькую деревню вечером, тихо, пусто, спят все уж, ну меня оставили. Попросилась я у местных на ночлег, нас пускают обычно, а в той деревеньке к кому не стучись — никто дверь не откроет. Обидно, да что ж делать, так и заночевала я под чьим-то сараем, а утром в лес двинулась. Орков-братьев я нашла быстро, меньше трех дней и управилась, воняют они, знаете ли, терпеть не могу, — вспомнила я, скривившись, их немый дух, — сковала их, привела в деревню, чтобы столицу оповестить и за нами телегу послали. Свечерело, приморозило ещё хуже. Стучусь опять в дома, ночь морозная, аж кости стынут, решила все дома обойду на этот раз и стучать буду долго, настырно. Достучалась, открыл мне дед старый, вон, как ты Сабат, только у того зубов через одного не хватало, — кивнула я на присоединившегося к нам мага.

Остроухие целиком были в моей власти, сидели над тарелками, лишь изредка покусывая ломти окорока.

— И дед такой добрый, говорит бедная девочка, молоденькая такая, а так не везет со службой. Принёс мне одеяло из шерсти и здоровенную миску похлебки, с мясом, прямо вот такими кусками, — показала я. — Кормят нас в гвардии впроголодь, мяса — порция с кулак на весь день, ни больше, ни меньше. А тут целая миска, ох и вкусно! Съела я два больших ломтя, думаю, надо бесов этих, орков пленных покормить, а то издохнут ведь на морозе голодные. Это вы, эльфы, гадами нас в песенках своих делаете, а мы, между прочим, пленных даже кормим, а не то, что мучаем, — к слову припомнила я, остроухие сделали вид, что не слышали. — Дала им миску, едят, уплетают и тут мне говорят, ты где это, змея, человечинку добыла? — Нарон тут жевать перестал и напрягся. — Я их по голове огрела, тварей этих немых, откуда говорю, знаете? Смеются, знаем точно, говорят, — принц брезгливо миску в сторону отставил. — Восемнадцать голов я отыскала у деда, обглоданных, искусанных, беззубым ртом своим он их жевал, обсасывал, а мне похлебку сварил, — Наронизель вскочил и побежал в кусты, я от хохота скатилась с бревна.

Бледный принц вернулся к огню, миску с мясом ногой отодвинул и зло уставился на меня:

— Не веришь? — спросила я, ошупывая горячую тушку в поисках места, где бы откусить.

— Нет, — сверкнул серыми глазами эльф.

— А чего тогда сплехело?

— Закрой свой мерзкий рот! — не сдавался красавец.

Сабат жевал мясо, ничуть не смутившись и хитро осматривал меня, не вмешиваясь. Я залезла в дорожную сумку и вытащила шерстяное одеяло:

— Укройся, не трясись, — и бросила принцу.

Бедняга шархнулся в сторону, словно от змеи, я захохотала:

— Чудной ты, одеяло ведь замечательное, — подняла я тряпку, хорошенько отряхнув, накинула себе на плечи.

— Так вот кто Маргунского Жевателя нашел, — вымолвил Сабат.

— Ваша покорная слуга, — улыбнулась я, изобразив подобие реверанса.

— Сядь Нарон и извинись, — потребовал Сабат, — перед тобой знаменитый Ловчий, вот только я не подумал, что азагур по прозвищу Ловчий может оказаться женского пола, — усмехнулся старик.

Поужинав, Сабат отправился спать, устроившись чуть поодаль от костра, мы договорились с ним посменно нести дозор каждую ночь. Мясо только приготовилось. Беличья тушка была славной, горячей и с хрустящей корочкой. И хоть закончилась она едва ли больше, чем за три укуса, я была сыта и довольна. Прочитать ушастого принца было уж очень приятно, старик таки заставил поганца извиниться, и теперь я сидела у догорающего огня, усиленно делая вид, что не замечаю, как Нарон мнетя с ноги на ногу, не зная, как начать:

— Ты ведь Вагарда? — вдруг спросил он, и я удивленно уставилась на него, — имена я запоминаю плохо, — виновато улыбнулся остроухий и, не дожидаясь разрешения, уселся рядом на бревно.

— Правильно, незачем запоминать всякую недостойную чернь, — съехидничала я, подбросив в костер веток.

Пламя разгорелось сильнее, эльф не спешил продолжать разговор, но и не уходил. В теплом огне его белые волосы, казалось, тоже полыхали, окрасившись от пламени в оранжево-красный. Я с любопытством осматривала собеседника, пусть и немного тощего, слишком эльфийского, но без всяких слов, красивого молодого мужчину.

— Ты не относишься к недостойным, — всё же решил ответить принц.

— Надо же, какая честь, — хмыкнула я, пододвинув к огню застывшие ноги, ночью брался лёгкий морозец.

— Сколько тебе было, когда тебя продали? — неожиданно спросил эльф, пренебрегая всякими правилами приличия.

— Отстань, принц, такое не рассказывают, — огрызнулась я, сунув в костер ещё дров.

Нарониэль поднял на меня взгляд, изучающе высматривая что-то в моем лице, я невозмутимо смотрела в серые глаза и, не выдержав этих детских глазёнок, спросила:

— Ну что таращишься, на шрамы смотришь? Уродливые, правда?

— Немного, — честно согласился принц, — но всё-таки ты хорошенькая, — вдруг выдал он, и я недовольно хмыкнула такой очевидной лести. — Нет, правда, у тебя глаза янтарно-желтые, как у моего грифона.

— То есть ты меня с тварью сравнил? — засмеялась я.

— Грифоны не просто твари, они очень умные. И красивые, — возразил остроухий, должно быть по-эльфийски делать такие странные комплименты и правда было нормально. — Не понимаю, почему ты отказываешься сводить шрамы. Сабат тебя за пару дней поправит, — зевнул эльф.

— Шрамы — это напоминания, иногда от воспоминаний не следует избавляться, — ответила я, и Нарон вновь посмотрел на меня.

— Что-то подсказывает мне, что это не самые хорошие воспоминания, — саркастично ответил он.

— Именно поэтому чтобы их исцелить, сначала надо омыть кровью.

— Кровожадный вы народец, — констатировал Нарон, и я пожалала плечами.

— Но разве ты не хочешь убить своего брата, что прогнал тебя со Светлого леса? — спросила я с улыбкой, и эльф растерялся, — То-то же. Все внутри такие же, как мы. Просто кроме нас и орков остальные привыкли этого стыдиться. Но ведь что плохого, чтобы злиться на того, кто обидел тебя? Что плохого в том, чтобы отплатить гаду тем же?

— А ты не пробовала прощать? — встрепенулся мой праведный собеседник.

— Прощать удел слабых, — ответила я, взглянув в глаза Нарона, что так возмутился моим откровением. — А сильные должны наказывать, иначе зло разрастется.

Повисла пауза, мы больше не разговаривали, размышляя каждый о своем. Я думала, как бы нам добыть лошадей завтра, до того, как ступить в Гурию, где с лошадьми точно будет проблема, а принц просто выглядел сонным и уставшим:

— Он не только прогнал меня, он убил моего отца, — нарушил тишину Нарониэль.

Я взглянула на остроухого, всё-таки он был грустным больше, чем просто уставшим. Такое настроение часто бывало у новичков-азагуров, которые попадали в гвардию. Растерянные, напуганные, они обычно сидели в углах

казармы и еще на что-то надеялись. На что-то вроде того, что все это скоро закончится. Но это не заканчивалось, ничто плохое не заканчивается само по себе.

Осмотрела принца, всё же ощутив сочувствие. Поднялась на ноги, вынула меч и вонзила в землю прямо у его ног. Эльф удивленно взглянул на меня, я подошла со спины и взяв его руки, крепко сжала ими холодную рукоять:

— Так возьми меч и отруби уроду голову, — прошептала я, склонившись над ухом.

Эта фраза всегда срабатывала не хуже заклинаний.

[1]*Векша — она же белка обыкновенная.*

ГЛАВА 10. ТЕЛЛИАРОН. БЕЗДОННЫЕ БОЛОТА

Едва солнце коснулось макушек деревьев, что черными столбами усыпали место ночного пожара, гоблины молчаливой процессией потянулись прочь с горы. Не проронив ни слова, они мягко обходили препятствия, словно ручей, стекая к подножию. Лишь по коричневым кошачьим глазам можно было понять: они не расстроены, а очень и очень злы.

Как только последний гoblin покинул гору, я приказал подниматься. Сменив курс, приказал двигаться вместо границ земель сморщеннолицых и лежащим за ними Амуттгату, сразу к Бездонным болотам. Не стоило сомневаться — следующую ночь в Зарнахе мы не переживем.

Новость восприняли с испугом, молча переглядываясь, эльфы быстро собирали вещи, спорить в открытую не решался никто, но напряжение витало в воздухе:

— Не забываете, у нас есть маг, — громко напомнил я, взгляды устремились на меня, в том числе и самого мага, — да, она маг земли, не воды. Но ведь нам и нужна земля, что кочками идет через всё болото. Первой идёт Сиурила, вторым иду я. Пока мы все вместе, нам не грозит топь.

— Может, лучше через Амуттгат? — тихо раздался голос в толпе, присутствующие стали перешёптываться, обсуждая вариант.

— Гоблины отправились на юг, если вы не заметили. А кто живет на юге? — вступился за мою идею Ивир, он уже встал на ноги.

— Ивир прав, гоблины сегодня же приведут троллей, за пожар никто нас не прощал. К тому же что измениться в Амуттгате? Они просто передают нас там, или вы думаете, что орки за нас заступятся? — воскликнул я, разговоры смолкли, хоть обеспокоенные переглядывания никуда не делись.

Собрав обоз и навьючив тяжелых медведей, мы развернулись на восток, болота были уже близко. Шли молча, мрачный дух витал в воздухе, я подозвал Даландин и велел ей петь, вступать в чертоги болот с таким настроением было опасно, и это все знали. Несмелый голос Дали поплыл над сгоревшей долиной, я знал, что петь девушка не умела и не любила, но также знал, что меня она не слушается. Веселая баллада о влюбленном орке превратилась в тягучую песнь, пролетающую над мертвым лесом и обреченными эльфами. К Даландин присоединились другие женщины, я изо всех сил пытался казаться бесстрашным и уверенным, твердо шагая вперед. Ко мне приблизилась Сиурила, она единственная владела магией и знала правду:

— Теллиарон, принц, — тихо окликнула она, поравнявшись со мной, — вы же знаете, как работает...

— Магия земли? — перебил женщину я, — знаю, не забывай, меня воспитывал маг. Но больше никто не должен знать.

— Но как мы пройдем топи? — тихо спросила она.

— Как все: по кочкам, — ответил я, — ты впереди, я буду идти следом и каждый раз быстро вытягивать тебя, — женщина не была довольна планом, но была достаточно умна, чтобы понять, — другого выхода не будет.

Бездонные болота, топи Зарнатха, слыли дурным местом. А соседство с Чернолесьем и скверной и вовсе могло натворить страшных дел с его обитателями. Бездонными они слыли не потому, что не имели дна и твердых кочек, а потому, что из них редко кто возвращался, пропадая бесследно, пропадая «без дна», как говорилось у гоблинов, отсюда и вышло столь славное название. Но нас было слишком мало, чтобы противостоять гоблинам и троллям, а грифон, что мог бы помочь, едва плёлся позади колонны, опираясь на раненые лапы.

На подходе к стоячим водам лес настигал запах — сырой, гнилой древесиной тянуло с болот. Всё чаще стал встречаться валежник, мёртвые деревья устилали путь к трясине задолго до того, как вдаль показалась водная гладь. Я приказал выстроиться в цепочку. За мной шли самые надёжные, им я и приказал молчать, даже если Сиурила утонет. Подав знак магу, вручил ей длинный шест и двинулся вслед за ней. С отрывом в пять шагов за мной шел Ивир.

Я рассчитывал, что святое неведение позволит моим эльфам не паниковать, потому и оттеснил их подальше от головы колонны, в которой будет прокладываться путь не так просто, как хотелось бы.

Маг взглянула на меня, в серых глазах был страх, я положил руку на плечо женщины и тихо промолвил:

— Лишь мы вдвоём будем знать цену этого пути и через сотню-другую лет непременно расскажем её внукам, — Сиурила улыбнулась, в Магиконе их здорово дрессировали, выдержки женщине было не занимать.

Способностей мага земли хватало на чувство земли, ее поиск, но что это будет за поверхность: твердая надежная кочка или жалкий комок, что утянет в бездну, никто не знал. Сиурила подвязала потуже белоснежную косу и сделала первый шаг, ступая ровно за женщиной, я двинулся в болото.

Над черноводьем сгустились тучи, несколько минут и на нас посыпался мелкий, частый осенний дождь. Стало темнее, из-за серых туч, затянувших небо, гладь воды сделалась и вовсе непроницаемо черной, казалось, мы шагаем по гладкому зеркалу, вылитому из ртути. Одежда, мокрая насквозь от постоянных купаний в трясине

прилипла к телу.

О! Чувство, когда почва под твоими ногами обрывается, и ступни вдруг уходят в пустоту черной бездны, было ужасным! Потаенный, животный страх сгнуть подгибал уставшие ноги, мы менялись с Сиурилой местами, продвигаясь вперёд на ощупь, то и дело, погружаясь в жадную, глотающую топь.

И тогда на помощь спешил Ивир, вытащив упавшего, мы снова делали пару десятков шагов и снова погружались в эту черную ртуть. Колонна двигалась медленно, но всё станет ещё хуже, когда на землю навалится ночь: путь по болоту станет и вовсе страшным.

Сиурила сделала шаг вперёд и тут же провалилась, не издав ни звука, женщина протянула руки вперёд, я бросил ей шест, вцепившись, она медленно выбиралась из чавкающей трясины, мы зашли вглубь болот, это ощущалось тогда, когда ты попадал в топь. Чем глубже болота, тем более становилось прожорливее и гуще трясина, попадая в такую, приходилось держаться изо всех сил.

— Никогда бы не подумал, что такие хрупкие женские руки могут быть так сильны, — подбадривал я Сиурилу, что повисла на шесте, чтобы немного передохнуть.

— Уж и я сама бы не подумала, — призналась маг, сделав рывок, мы с Ивиром приняли ее, втаскивая на узкий клочок земли, — скоро настанет ночь, — напомнила она, оглянувшись.

— Прости, останавливаться мы не станем, — ответил я.

— Да я и не надеялась, — устало улыбнулась женщина, я поменялся с ней местами, чтобы дать немного отдохнуть.

И шествие продолжало свой путь, неторопливо приближая нас к новому месту для жизни. Именно так я заставлял себя думать, отгоняя все прочие раздумья о тварях Чернолесья, соседстве с троллями, орками, гоблинами и не такими уж далёкими границами для крылатых тварей, вроде гарпий. Не мертвый лес, а черный, не место гибели, а место новой жизни.

На зарнатхские топи опустились сумерки, а затем ночь. Нам повезло оказаться тут в среднюю Луну, воды, хоть и не полностью, но всё же освещались холодным белым светом. Я шествовал впереди, медленно прокладывая дорогу, маг подавала направления:

— Вправо, потом влево, — говорила она и я послушно проверял, есть ли что-то под кочкой впереди, то и дело падая по грудь в трясину и каждый раз сражаясь с желанием впасть в панику.

Некоторые клочки земли были прямо под водой, но не так глубоко, чтобы ими не воспользоваться и приходилось шарить ногой в черной воде, чтобы нащупать твердь. Как вдруг сердце сделало кульбит в груди: ноги что-то коснулось. Я замер, Сиурила нечаянно толкнула меня в спину, врезавшись, и я вновь ощутил касание:

— Назад, — прошептал я, тихо отступая, сжал рукоять меча.

Ивир понял без объяснений, оттеснив Сиурилу, друг стал за моей спиной, обнажив клинок. В воде что-то было, и лишь мелкая рябь, что исказила черную гладь, говорила о том, что это отнюдь не крошечное создание. Однако оно не спешило показываться, но и вступать в чертоги невидимой твари желания не находилось. Будь что будет, посреди болота мы беззащитны, а узнав монстра, появится шанс. Я схватил шест и, размахнувшись, ударил по воде, вслед за каскадом брызг ввысь взмыла огромная змеиная пасть, я едва успел увернуться. Миг, и Сиурила закричала, змея вонзила зубы-мечи в ее живот, Ивир проткнул сверкающую чешую, я подоспел на помощь, чудище плюхнулось в воду, женщина рухнула, лишившись сознания. Я подхватил её тело, четыре дыры на животе и пояснице сочились кровью. Побежал по болоту, обогнув перепуганную Даландин:

— Передать её по цепочке, быстро! — скомандовал я, вручив раненую мужчине, что шёл после Дали.

Он быстро исполнил приказ, Сиурилу передали в конец колонны к лекарям, вместе с окровавленным мечом, что пронзил тварь. Кровь не заменит яд твари, но может помочь лекарям подобрать противоядие. Вот только здесь, посреди болота, не найти растений для столь сложного состава, и вскоре, в лучшем случае через сутки, Сиурила уйдет к предкам, а оставшись в болоте без единственного мага, и мы не задержимся.

Ивир стоял, понурился, он думал о том же, что и я. Колонна остановилась, я боялся, что после созерцания ран мага, шедшей впереди, может начаться паника. Подняв шест с земли, я решительно сделал шаг вперёд:

— Она всего лишь маг земли! — громко воскликнул я, чтобы услышало как можно больше идущих позади, — на болоте её сила абсолютно бесполезна. Дорогу мы прокладывали наугад, я врал, чтобы подбодрить, что с магом безопасно! А теперь продолжим путь так же, как и до того, половина уже за спиной.

С угрюмой настойчивостью я делал новые шаги, погружаясь в трясину, всякий раз останавливая испуганное до смерти сердце, я цеплялся за палку, протянутую Ивиром и, выбравшись, упрямо шагал вперёд. Меня уже не страшила ни смерть в трясине, ни встреча со змеем: какая разница, отчего умереть? Если мы выберемся, это будет небесное чудо, если нет — простая закономерность. Оставив все мысли, я лишь шагал вперёд, напролом в черную амальгаму воды, хлебая, отплеываясь, цепляясь за тоненький шанс, неуловимо скользивший меж пальцев. Прodelывая путь назло смерти, назло здравому смыслу, что предрекали итог, пока мои ноги не подогнулись, отказываясь сделать хотя бы шаг. Я упал на колени, не в силах подняться, бессилие, беспросветность и злость

разрывали меня изнутри. Над болотами занялся оранжевый рассвет.

Тяжелая рука легла на плечо, дрожа всем телом, за спиной стояла Сиурилла. Под глазами залегли черные тени, белую кожу покрыла испарина, её трясла лихорадка, но маг держалась спокойно, будто боль, искажавшая её лицо помимо воли, не имела никакого значения:

— Я чувствую землю, мы почти дошли, — прохрипела она.

Ивир нес её на руках сзади, слова Сиуриллы придавали сил, она тихо шептала направление, Ивир передавал её слова, громко оглашая меня. С рассветом и магом мы продвигались быстрее. Сделав лишь одну короткую остановку, чтобы попытаться спасти тонущего оленя из нашей колонны, мы вновь двинулись вперёд, и к полудню на горизонте возникла твердь.

Радость обуяла всех нас, словно ураган, я смеялся, словно сумасшедший. Зеленые макушки Чернолесья казались божественным даром, едва сапоги коснулись твердой земли я рухнул на мягкий мох, никогда не чувствуя себя счастливее. Выползая из трясины, с вечно колышущихся, зыбких кочек на эту благословенную землю, эльфы не верили удаче, трогая и целуя каждый листок. Казалось, самое худшее осталось в этой черной воде, что теперь осталась сзади, далеко за спиной и унесла с собой все тревоги.

Лекари, пусть и измождённые, сразу двинулись в чащу, чтобы помочь раненым. Тот змей был не единственным, кто мешал шествию, укушенных оказалось четверо. Взглянул вокруг: эльфы расставили шатры прямо на берегу болота, загорелись первые костры, дети затеяли игру, копошась неподалеку от дерева, у которого я устроился. Какая-то женщина принесла мне горячую еду, чудом сваренную так быстро и на таких сырых дровах, что были кругом. Горячая похлебка казалась небесным нектаром, только сейчас я вспомнил, что за последние дни в моем желудке не побывало ничего, кроме болотной воды.

Даландин, казалось, за эти дни стала ещё меньше, хрупкая и тонкая, она не присаживалась ни на секунду, чтобы перевести дух и ухаживала за ранеными наравне с двумя остальными лекарями. Заставив себя подняться на гудящие уставшие ноги, направился к ним, но от моей неуклюжей помощи отказались.

Укушенные выглядели плохо, лекари старались изо всех сил, прикладывая и подбирая составы, они вновь и вновь меняли ингредиенты, стараясь подобрать противоядие от неизвестной змеи. Я держал холодную руку Сиуриллы, сознание её начало путаться, серые глаза смотрели, но уже ничего не видели. Над лесом разлился бордово-огненный свет, солнце оканчивало дневное шествие. Выгнувшись, рядом захрипел совсем юный воин, всего пара мгновений и юноша обмяк, устремив пустой взор голубых глаз в небо. Вздвогнув, на мгновение Сиурилла пришла в себя:

— Я пошла за великим королем, и я умираю за него, — прошептала она, не узнав меня.

Ледяная ладонь сделалась на миг чудовищно сильной, сжимая мою до хруста, боль исказила её бледное лицо. Разжав руку, женщина упала. Глаза Сиуриллы закрылись теперь навсегда.

На рассвете мы оставили у черной воды четыре могилы.

ГЛАВА 11. ВАГАРДА, АЛАНДИС. ЭЛИКСИРЫ И ОСЛЫ

Утро туманное и холодное пробралось даже под моё тёплое одеяло и плащ, от сырости, окутавшей тело, сон сняло как рукой. Поднялась и тихо подкралась к костру в полной уверенности, что старик свою вахту проспал, но у дымящегося огонька сидел бодрый Сабат, тщательно увязывая наши пожитки в узлы. Патрулировать его Высочество ночью на протяжении всего пути было идеей деда, и застать старика на посту спящим, было единственным шансом нормально выспаться, но, к сожалению, план провалился.

— Надо бы сегодня купить лошадей в какой-нибудь деревне, — напомнила я, намереваясь получить сарты и ускорить наше путешествие.

— О, азагур, ответ тебе не понравится, — улыбнулся старик, — денег нет, дворец мы покидали в спешке, в карманах ни монеты.

— Сабат, но лошади нам нужны! — настаивала я.

— Я же сказал, что ответ тебе не понравится, — повторил маг, и я скептически осмотрела его, поджав губы.

— Ты опять воровать предлагаешь?

— Мне это самому не по вкусу, — развел руками старик.

— Ты же маг, гхусейман подери, придём в поселок, покажешь пару фокусов, вылечишь кого, глядишь, набираем на лошадь. Хотя бы обоз тащить не придётся, — предложила я, невзирая на то, как поморщился старик от сочетания «маг» и «фокусы».

— Мне и тем более Нарону, опасно показываться так близко к границам Светлого леса, нас ищут! — воспротивился Сабат, пытаясь закинуть на себя все шесть узлов с барахлом, — обоз я сам понесу, можешь не помогать.

— Ну конечно, сам! — не выдержала я, пытаясь отобрать у него вещи, — старик, ты еле плетёшься, а я с тюками и котелками буду час разгружаться, если на нас нападут!

— Я понесу вещи! — вдруг раздалось сзади, наши крики разбудили его Высочество.

— Нет, господин! — возразил тут же маг.

— Да, господин! Да! — вмешалась я, — и, кстати, я ещё вчера ждала, что ты сам додумаешься нас разгрузить. Ты Сабат, кто ему, нянька что ли? — не выдержала я, эльфы как-то странно переглянулись. — Что?! Нянька?.. — я даже не сразу начала смеяться, решив, что надо мной шутят.

Но никто не шутил. По взглядам, пристыжено опущенным у Нарониэля и воинственно настроенным у старика, все поняла без объяснений, я едва не лопнула от смеха, держась за бока и всякий раз надрываясь, вновь глядя на детину и его няньку.

— Прекрати, азагур! — злился старик, — эльфы хорошо заботятся о своих детях, а тем более о королевских!

— Старик, этому ребенку сколько? — чуть не икая от смеха, поинтересовалась я.

— Мне двадцать, — отозвался Нарон, — и Саббат мне не нянька, а мой придворный!

— Ну вы остроухие и чудики, — отсмеявшись, заметила я, — твой придворный тебе пуговички застегивает, а тебе двадцать!

— По меркам эльфов, он ещё подросток, — отозвался Саббат, опять пытаясь навьючить на себя все тюки сразу, — у нас принято растить своих детей и беспокоиться о их судьбе, в отличии от менее достойных обитателей Дарона.

— Ага, в отличии от азагуров, например. Это хотел сказать? — огрызнулась я, прекрасно уяснив, куда он клонит, — да, меня продали в девять. Зато я не выросла слюняйкой. Отдай сюда! — выхватив из рук Сабата тюки, накинула их на плечи и обернувшись, добавила. — И Сабат, еще что-нибудь про азагуров ляпнешь, я тебе язык вырежу.

Дальше пошли молча. Я вела нас в приграничный городок в надежде каким-нибудь чудом выменять там лошадь. Просить Сабата кого-нибудь полечить было отличной идеей, мы бы действительно получили лошадь ведь в таких глухих местах навряд ли есть хорошие лекари. Но старик отказался, и я лишь надеялась, что смогу найти там какую-нибудь работу для себя. Ещё до полудня мы достигли городка, обнесённого высокими стенами из заостренных бревен, маг и принц накинули на головы капюшоны, я же шла, ничего не опасаясь. На маленькой рыночной площади на столбе висело лишь одно объявление: «в магическую лавку требуется дегустатор на эликсиры». Оторвав листок, с сожалением поняла, что работа мне подходит.

Дегустировать новые эликсиры, действие которых лишь предположительно известно, было тем ещё занятием. Толстый магиконец, что крайне обрадовался появлению азагура в качестве испытуемого, оставил меня со всех сторон разноцветными пузырьками и, судя по их количеству, желающего на эту работу в городе не было давно. Эльфы сидели в уголке и молча ожидали, пока я напробуюсь на лошадь. Переродившись после очередного выпитого зелья, я потянулась за следующей настойкой, толстяк недовольно вычеркнул предыдущий эликсир из

списка:

— Вкус мерзкий, горький, а пахнет как болото, — докладывала я хозяину лавки, делая глоток.

— ... с благородной горчинкой, — диктовал себе под нос толстяк, записывая в тетрадку.

Выпив до дна пузырек, с удивлением посмотрела на свои руки — они полностью отнялись!

— Что за дрянь, у меня руки не шевелятся! — воскликнула я испуганно, хозяин лавки покачал головой, что-то дописав. — Эй, когда действие кончиться? — в ответ создатель неизвестной отравы лишь пожал плечами, я вскочила на ноги, намереваясь уходить. — Всё, с меня хватит, отдавай мою лошадь!

— Какую лошадь? — воскликнул толстяк, преградив мне дорогу, — тут на неё не хватит!

— Ах, не хватит! — разозлилась я, — я выпила полсотни шклянок! Веди мою лошадь, не то подожду, пока руки заработают и мало тебе не покажется!

Хозяин лавки глянул на меня, потом на моих спутников, что сидели так тихо, будто были частью стены и почувствовал себя храбрым:

— Нет уж, выпей ещё два десятка и тогда поговорим.

— Уговор был на полсотни! — злилась я, до сих пор ощущая, что руки висят как тряпки.

— Не помню такого, — упер руки в боки негодяй, — два десятка сверху или проваливай.

Злобно буравя магиконца взглядом, уже подумывала как перегрызть ему шею без помощи рук.

— В твоём зелье обезболивания не хватает цветов мирбила, оно не воняло бы болотом и парализовало как следует, — вдруг отозвался Сабат, мы с толстяком уставились на него.

Хозяин лавки эликсиров немного задумался, а потом быстро скрылся за ширмой, грохоча котелками.

— Что значит парализует полностью?! — переспросила я.

Но мне никто не ответил, через пару минут явился хозяин лавки, протягивая новый пузырек:

— Пей, если получилось — заплачу.

Ох, как и не хотелось этого делать! Парализовало полностью, оказалось, значит, что все тело становится ватным. Это словцо я теперь точно запомнила, спина обмякла, будто была не моей вовсе, перевернувшись со стула, плюхнулась на пол и только хлопала глазами, ни один мускул больше не работал. Толстяк наклонился пониже, поднял мою руку, бросил несколько раз с громким стуком о пол:

— Прекрасно! — обрадовался он, и я лишь увидела отдаляющиеся сапоги, шея тоже не ворочалась.

Перед глазами возникли новые сапоги, Нарониэль склонился надо мной, чтобы поднять на руки. Голова болталась на бесполезной шее, словно у тряпичной куклы, я пребывала в бешенстве, мечтая поскорее задушить старика, что так красиво меня проучил. Сознание к тому же начало затуманиваться, я вдруг уснула сама того не желая.

Каково же было мне, когда я очнулась! Голова кружилась, словно с похмелья, рука, которую испытывал толстяк болела нестерпимо, похоже, гад сломал мне какую-то кость, а подо мной в седле шла не лошадь, а гхусейманов осёл!

— Да вы с ума сошли, дери вас тугуны! — заорала я, как только почувствовала, что вернулся голос, остроухие миглом обернулись, удивленно уставившись на меня. — Какой ишак! Он должен нам лошадь, мне должен! Поворачивайте быстро, я этого урода на пояс нарежу!

— Мы ушли далеко, Идва позади, теперь мы в Гурии, — развел руками Сабат, — к тому же, тело ещё сутки нормально слушаться не будет.

— А-а! — заорала я в бессильной злобе, вновь ощущая, как начинает отниматься спина и как сон наваливается против всякого желания.

Полегчало только к следующему утру, руки и ноги стали слушаться почти без перебоев, я сидела у костра, сменив вахту старика.

— Отчего не спишь? — услышала я за спиной тихие шаги Нарона, ходили остроухие уж очень тихо.

— Отоспалась, спасибо Сабату, — буркнула я, подкинув дров, чтобы получше рассмотреть руку, что доставляла боль.

Светало, солнце ещё не взошло, но ночное светило уже скрылось, от того темнота становилась густой, из леса пополз туман. Плотнее укуталась в одеяло и придвинулась к огню, оказалось, болели не ушибы: укусы векши раздулись и начали чернеть.

— Троля задница! — выругалась я, прикидывая, что сейчас придётся делать с руками.

— Что случилось? — спросил эльф и, не дожидаясь разрешения, стал осматривать мои руки.

— Загноились, — констатировал он.

— Знаю, — сжав зубы, ответила я, укладывая острие меча в костер, — помоги мне правую отрубить, ладно?

— Что?! — подпрыгнул на месте Нарониэль, я посмотрела на него недовольно.

— Руку говорю помоги отрубить вторую, одну я сама, — пояснила я.

— Что за ужасы! Ты не пробовала лечиться? — воскликнул остроухий.

— Пробовала, но живительного порошка сейчас нет, в болоте потеряла. Когда вы меня топили, — огрызнулась я, нервничая перед предстоящей процедурой.

— Не трогай! — решительно заявил эльф, — это же простой компресс нужен, рубить запястье, какое варварство! — Нарон схватил меня за руку и потащил за собой в лес.

В полутьме, он указывал на растения:

— Кора дуба, будра, вереск, ягоды калины, пижма! — злился остроухий, тыкая мне под нос какие-то ростки и ягодки, — да тут половину леса можно на лекарства от ран пустить!

— Почему мне знать, что можно, — бурчала я, недовольно отмахиваясь, на мой взгляд, вся эта трава была совершенно одинакова.

— И это осенний лес! А летом еще с десятков больше лекарств есть, как можно так лечиться? — не унимался он, собирая какие-то фиолетовые цветы с небольшого кустика.

Собрав горсть, Нарон вернул меня к огню, осторожно касаясь мягкими ладонями, промыл укусы и присыпал какими-то пахучими цветками, накладывая повязку, он то и дело спрашивал, не больно ли. Впервые в жизни меня лечили, я неловко убрала руки за спину, чтобы не смотреть на следы чей-то заботы, странное чувство разлилось в груди, я похоже смущалась.

— Вечером перевяжем, — предупредил эльф таким мягким тоном, с каким разговаривали люди с детьми.

— Или всё-таки отрубим, — осторожно добавила я, не особо доверяя эффекту цветочков, принц укоризненно посмотрел на меня.

— Нестерпимый вы народец, — заметил он улыбаясь.

— Его Высочество желает алый, а вы пытаетесь всучить шарлах! У вас проблемы с цветами?! — выкрикнул я, портной попятился, сделав крошечный шаг, опустил взгляд к ботинкам. — Если завтра не увижу алой мантии, то прикажу пустить вашу артериальную кровь, чтобы показать, что значит алый. Прочь! — взревел я, портной и его мальчишка-подмастерье мгновенно собрали разложенные лоскутки и покинули ризалит, — я никогда не позволял подобному сброду проходить в основные части дворца.

«Беспользные идиоты», — злился я, всё в этом сумасшедшем доме приходилось делать самому, а если уж доверять кому-либо, то перепроверить и непременно переделать.

А Его Высочество Мазирис Третий Золотой ненавидит малейшие огрехи, и уж шарлах от королевского алого отличит без сомнений. Следует отметить, наш король слыл модником: нарядам его не было числа и каждую неделю шились новые, потому мне и пришлось выучить все цвета наизусть, чтобы избежать дальнейших неприятных сцен. Должность моя называлась канцлерской, но из-за огромного количества тупиц на местах, я был и сенешалем, и распорядителем, и камергером и мрак ведает, кем ещё.

— Великий канцлер, вас ожидают в желтой гостиной, — предупредил паж, и по запуганно-тихому тону можно было с уверенностью сказать, что короля уже успели довести.

Отерев руки, надел белые шелковые перчатки, — я ненавидел чужие прикосновения, — и взглянул в зеркало. Моя дородная фигура, длинная тонкая борода с золотой монетой, вплетенной на кончике, черные волосы с первой сединой всё выглядело достойно, кроме кругов под глазами, что казалось, с каждым гхусеймановым днём становились только больше. Вздохнув, последовал в желтый зал. Мазирису было всего тридцать, возраст хоть и не юный, но достаточно спорный. Я всё старался списывать на трудности, пережитые им в детстве, но с каждым днём и новой выходкой, это становилось всё сложнее.

Грохот и звон бьющихся стёкол встретил меня уже в северном коридоре, на подходе к комнатам короля. Похоже, снова придётся заказывать новые зеркала. Распахнув золоченые двери, застал следующую картину: верхом на перевернутом диване из тихарийского золотого шёлка скакал Его Высочество, круша все вокруг спелыми твердыми яблоками, выращенными специально по вкусу Мазириса, посеребрённые зеркала разлетались вдребезги, оглашая звоном крики придворных, что носились вокруг с деталями гардероба короля в руках:

— Веселей! — орал король, схватив очередной плод с подноса, запустил яблоком в пажа, мальчишка взвизгнул, побежав вокруг дивана ещё быстрее.

— Аракос! — закричал Его Светлость, завидев мой строгий силуэт, — я сегодня бодр и весел, пиши графу Помонскому, я хочу на охоту!

— О, Светлейший, граф Помонский сослан на месяц после прошлой охоты, — напомнил я, не решаясь сделать шаг в гостиную и попасть в вакханалию, здесь царившую.

— Милую! — хохоча, распорядился Мазирис Третий. — Пусть собирается на оленя!

— Да, Ваша Светлость, — согласился я, — но для начала подпишем кое-какие приказы по южному округу и дадим распоряжение в ректорат Восточной Академии.

— Скукота! — кричал король, последнее яблоко таки раскрошило последнее зеркало.

— Мазирис Третий Золотой, напоминаю вам как ваш канцлер и ставленник вашей многоуважаемой матери, час в сутки мы уделяем государственным делам безропотно! — командирский тон сработал, хоть я каждый раз рисковал поплатиться за это головой, но это единственное, что могло остановить Высочество хотя бы на пару минут.

Правитель рухнул на пол, изобразив обморок, придворные тут же принялись махать веерами и пускать вокруг руны исцеления — этот спектакль был разучен прекрасно и у каждого здесь были четкие роли.

— Внесите завтрак Его Высочеству прямо в желтую гостиную и сопроводите до кабинета в десять, как только королю станет лучше, — распорядился я, — и подложите под его светлую голову ещё одну подушку.

— Я не буду надевать сегодня рубаху, мой торс прекрасен! — оповестил меня вслед свет нашего государства.

— Как изволите, голым вас в кабинете я уже видел, — ответил я, закрыв золоченые двери, голова раскалывалась уже с утра.

Малым ребёнком Мазирис уже не был примером безропотного благолепия, я до сих пор вспоминал случай, когда пятилетний принц приказал повесить кота, за то, что тот его оцарапал и стоит сказать, посмел ему отказать только садовник, который тут же последовал за котом. Больше никто не решался перечить ребёнку, королева же на выходки сына предпочитала смотреть несерьёзно, списывая на детский возраст. Учиться юный наследник так же не желал, десятки учителей, магов, эльфов, людей и даже гоблинов с азагурами сменялись бесконечной вереницей, пытаясь угодить взбалмошному отпрыску, я мучился днями, в поисках нового наставника, который мог бы укротить юное чудовище, но всё было тщетно, принц и наследник Магикона рос слабо контролируемым и

взбалмошным. Сменив на престоле свою умершую матушку в пятнадцать, мальчишка испортился окончательно. И на мои плечи тяжким бесславным бременем легло управление дворцом, государственными хлопотами и неуправляемым королём.

Род Синерийских, мой род, исходил корнями к королевскому, я приходился Мазирису племянником, хоть и был старше почти на два десятка. Я всю свою жизнь, с малолетства, готовился к служению при дворе: этикет на блестящем уровне, великий Закон, правила и постулаты Магикона, магическое и рунное искусство, два языка, конечно же, помимо древнего магического и современного, Мрак удави, даже придворные танцы и правила их исполнения я знал на «блестяще»!

И всё это ради служения взбалмошному королю, прозвище которого — Золотой, — говорило не о прекрасной стороне этого метала. Не о богатстве, приумножении, роскоши. А лишь о тратах, что стали для Магикона золотыми. Тихарийским шелком оббить десять залов к баллу и содрать всё после, выбросив в мусор? Да, это идея Мазириса Золотого. Купить друзьям, что в жизни не держали ничего острее вилки, в подарок десяток мечей эльфийской стали? Да, это тоже Его Высочество. Тратить на одиннадцать глупых любовниц налоги целого Восточного округа? Да, это он умел.

Глубоко в своем сердце, как хороший Великий Канцлер я не должен был так думать, но мысли мои черной отравой растекались в истоках души. Я недолюбливал предшествующую правительницу, мать Мазириса, женщиной она была недалекой и магически слабой, но с приходом её отрока, стал скучать по ней безудержно, она хоть бы была управляема и мягка. И что было скрывать: король Третий Золотой был неумный транжирой, разгильдяем и просто идиотом. Как правая рука государства я видел выход лишь в удачной женитьбе, спал и видел, как приведу в желтый дворец достойную правительницу, которой хватит ума терпеть бесполезного супруга и вершить государственные дела твердой рукой за его спиной, которая уж слишком часто будет поворачиваться к ней, или вовсе по неделе-другой отсутствовать. Но, ни один приличный дом не спешил выдавать свою дочь во дворец, а те, что спешили, от приличия были далеки.

Потому с каждым годом Его Светлость лишь плодил отряд любовниц, перебрав почти всех девиц более-менее знатных корней, он и вовсе скоро бросится на безродных горожанок. Этакие ужасы мне так же снились.

Подперев голову, словно нерадивый школьник, над бумагами сидел Его Высочество, как он и обещал, рубаха на нем отсутствовала, оставалось лишь хвалить предков за присутствующие штаны. Он поначалу пытался вчитываться в документы, требующие тщательного его пересмотра и обдумывания, но уже через десять минут заскучал. Пришлось снова брать дело в свои руки, надев монокль, принялся бегло перечитывать документы, пересказывая простым языком правителю их суть, но даже это едва ли входило в его отнюдь не светлую голову надолго.

Так мне удавалось отклонять повышения налогов, что каждый день пытался подсунуть королевский казначей, и ставить на важные должности наиболее подходящих магов. Сегодня с легкой руки Его Высочества в Восточной Академии сменился ректор, теперь им был граф Амастрийский, отцу которого принадлежал крупный город — Свияр. И хоть на роль ректора он был не самым достойным кандидатом, если говорить честно и разумно, таким ходом я намеревался залатать дыру в казне, что копилась с прошлого полугодия.

— Ты помиловал Помонского? — лениво потягиваясь, спросил король, наблюдая в окне за придворными дамами.

— На помилования требуется выдать сутки на размышления для совета, потому эту бумагу Ваша Светлость подпишет завтра, — терпеливо напомнил я.

— Ну и чем прикажешь мне заняться?! — разозлился Мазирис Золотой.

— Кто я такой, чтобы вам приказывать, Ваша Светлость, — тут же припомнив, чем такие вспышки злости обычно заканчивались, ответил я. — Могу лишь дать совет, если вы мне прикажете.

— Конечно, давай! — потребовал Его Высочество, теряя терпение.

— Вы бы могли навестить Южный округ, в этом году им не повезло с урожаем и ваше доброе слово придется к месту, — попытался занять короля действительно важным делом.

— Тоска, — зевнул свет государства, — еще давай, только без голоты мероприятия, мне их лица не нравятся, скуку навевают смертную.

— Тогда посетите Восточную Академию, завтра там состоится бал в честь нового ректора, мне известно, что его дочь так же там обучается, девушка обладает врожденным чистым огненным даром, перспективы ее прекрасны, — глаза короля заблестели, словно у кота, как я и предполагал.

— Как она выглядит, покажи, — потребовал он, я тут же раскинул руны поиска, умело добавив долю рун зрения.

В бело-золотом стукте энергии всплыла молодая особа в строгом черном платье и аккуратной светской причёске, девушка находилась на занятиях, как и полагало в это время порядочной студентке.

— Страшила! — поморщился король, и я едва не заскрежетал зубами.

— Ваша Милость, супруге короля полагает быть прежде одаренной и умной, а уж после иметь определенную внешность, — сдержанно напомнил я постулаты из правил и постулатов Магикона.

— Аракос, прекрати! Мне же придется делить ложе с ней! Даже представить страшно, уродина! — отмахнулся Его Величество, — но на бал ладно, съезжу, хорошенькие студентки там тоже водятся, — хихикнул король, убив очередную мою попытку улучшить жизнь не только себе, но и всему Магикону.

Бросив половину документов на столе не подписанными, Его Высочество покинул мое общество, едва дождавшись истечения половины часа, с сожалением оглядев все растущий ворох дел, которые никаким образом мне не удавалось передать королю, я покинул кабинет.

Пришло время проверить, что ожидает господина на обед, и я поторопился на кухню, где уже заранее были выставлены миниатюрные блюда с кушаньями. Быстро пробегая взглядом по блюду, десертной ложкой клал его на язык:

— Утка прекрасная, в молодом рисе не хватает соли, цукаты просто отвратительны и переварены, мусс слишком теплый, охладить, — повар быстро делал пометки в блокноте, едва поспевая за моим торопливым шагом, — и чтобы никакого неразбавленного вина на столе, как в прошлый раз! Только разведённое!

— Да, да, — соглашался главный повар, — вино было полной моей ошибкой! — и все мы прекрасно помнили, что такое Его Величество, который начал пить с полудня, — а для вас что приготовить, Великий Канцлер?

— Яду, Поль, большую кружку яду, — подшутил я, торопясь к выходу и повар заулыбался.

— Принесу вам на ужин кекс с молоком и медом, — предложил он, я кивнул, в еде я был абсолютно не привередлив.

Дальше ожидала менее приятная компания, но более важная, чем выбор блюд для королевского желудка. Перебравшись через южный коридор, направился в галереи, что тянулись вдоль всего сада, и наконец, добрался до входа в подвалы. Сладкий запах весенних садов сменила сырость и затхлость, двери в подвал выходили в подземные коридоры, о которых, держу пари, ничего не знал Его Высочество.

Это место соединяло сразу несколько частей Магикона и, если бы пару сотен лет назад азагуры не додумались изничтожить драконов, по этим подземельям бы не отважился прогуляться ни один обитатель Дарона. Но теперь в тоннелях было пусто, я изучил многие из них прекрасно, и постоянно пользовался для связи с общественностью, так сказать.

Набросив длинную черную мантию с просторным капюшоном, что послушно ждала меня в одном из коридоров, я поторопился в трактир. Заведение было весьма среднего пошиба: не всегда чисто отмытые дощатые полы, не вовремя протертые столы, но терпимо приготовленная еда и аккуратно выбеленные стены. Склонившись над пинтой чего-то крепкого, меня уже ожидали трое: маг воздуха, что в силу врожденных способностей прекрасно годился для моих заданий, один проныра-гоблин, что мог откопать хоть из-под земли самый редкий товар и один совершенно спившийся азагур с аршинными плечами, что бывал в таких заведениях, куда бы остальные не сунулись.

Сделав знак трактирщику, подсел к троице. Хозяин тут же поставил передо мной натертый до блеска и вообще, возможно, единственный бокал в питейном и наполнил его вином, пусть и дешёвым, но довольно ароматным. Когда-то я вступился за его сына-гвардейца перед королём, сильно рискуя собственной шкурой, именно поэтому он и принимал мою тайну.

— Приветствую, господа, — наконец поздоровался я, желтоглазый азагур поднял уже осоловелый взгляд от своей пинты, будто впервые в жизни видел меня.

И как можно было так перебрать спиртного только в полдень? Едва сдерживая брезгливость, отвел взгляд от здоровяка, что своими громадными плечами занимал сразу два места за столом. Всё же, Маран бывал иногда полезен и пока я решил промолчать:

— Мы вас ждали, дорогой наш, — льстиво отозвался гоблин, хотя насчёт дороговизны для них это была сущая правда.

Таких, как они, скорее ждала городская тюрьма, чем работа за десять сартов в неделю. Я прекрасно понимал, что за эти деньги они, скорее всего, сами ничего не делают, а нанимают слухачей подешевле, но меня это устраивало — информация стекалась ко мне со всего королевства без перебоев уже почти тридцать лет.

— С какими вестями вы собрались? Что слышно в городе, или в стране? — поскорее перешёл я к делу, пока остроухий гоблин не стал передо мной заискивать.

— У меня вести со Свияра, поговаривают во дворце графа Амантрийского о том, что он вам заплатил золотом за назначение сына в ректоры Восточной Академии, — начал маг ветра, — люд не доволен, много лишнего болтает.

— Так чего ты здесь? Отправляйся в Свияр, выясни поименно, кто разносит подобную грязь и передай графу Амантрийскому, он тебе и заплатит. И не забудь отписать мне, как прошло, — распорядился я. — Что у тебя? — тут же обратился к змеиному, пока тот не успел выпить свежеподнесённое пиво.

— Я был в Гурии неделю, там твориться какая-то странность, господин, — хриплым басом вещал желтоглазый, язык его нещадно заплетался, — азагуры пропадают, на днях сгинула целая деревня на юго-востоке.

— Эти вести ты бы лучше продал в Гурии, идиот! — не сдержался я, хлопнув по столу кулаком. — Какое мне дело до твоего народца, мне бы со своими людьми разобраться!

— Простите, господин, больше ничего серьёзного не мелькало, — пробасил Маран, занявшись своим пивом.

— Не сердитесь, милейший наш, — мягко и вкрадчиво, словно кот на пушистых лапах, вступился гоблин, — сами знаете, как часто в нашем деле мелочь может вырасти в большую проблему. К тому же у меня есть ну очень интересное знамение к переменам, — сморщеннолицый разлился в длинной уродливой улыбке, выдерживая паузу и очевидно, набивая себе цену.

— Говори, не томи, если новость стоит того, добавлю золотой, — приказал я.

— Я был в Амуггате, господин, — гоблин наклонился поближе и перешел на шепот, — орки роют земли в поисках яиц дракона, как с ума посходили, видит их мрак! Все пещеры ими кишат, подземелья. Пришлось немало потратиться, прежде чем я напоил их, пьют они, знаете ли, как лошади!

— Для кого ищут и для чего? — поторопил я сморщенного.

— Говорю же, пришлось их немало накачивать в трактирах, три дня к ряду поил и балагурил...

— Дам сверху два золотых, не трать моё время! — проклятый торгош всегда умудрялся зарабатывать, продавая мне то, что и так был обязан доносить.

— Поговаривают, что объявился у них покупатель, обещал за каждое яйцо платить золотом и камнями ровно столько, сколько каждое из них весить будет, имя они не назвали, но знают они, куда надо яйца принести, если найдешь.

— Хорошо, вот тебе пять золотых сверху и не спускай глаз с этих клыкастых, узнай, как идут их поиски, в случае удачи пиши магическим письмом, — сделал знак магу ветра, и тот быстро раскинув руны, заколдовал для гоблина клочок бумаги. — Узнай, кто ищет яйца, для чего. Понял?

— Из-под земли откопаю, что скажете, дорогой мой, — скалился сморщеннолицый и в этом сомневаться не приходилось.

Он и вправду за золото мог сделать всё, что угодно, даже если бы я попросил за сарт принести голову его матери, он бы согласился. И даже за полсарта.

Бросив сарты за вино и сарты за прочие услуги, я расплатился с моими слухачами и хозяином таверны, поспешив в подсобное помещение, что сразу открывало потайной ход в тоннели под замком.

В ту ночь я долго ворочался, не в силах уснуть: мало того, что новость о покупателе драконьих яиц меня раззадорила и расщедрила на золото, я всё думал, кто, мрак меня удави, способен за ночь опустошить целую деревню азагуров? Конечно, пьяни и сброда водилось среди них немало, но даже те, кто был этой самой пьянью, с мечом управлялись славно, как женщины, так и мужчины воинами были от рождения, как и орки.

Мысли роились в голове растревожено, бессвязно. Всё-таки я пожалел, что наорал на желтоглазого, надо было его расспросить как следует, выдать задание. Не выдержав, встал на ноги и зажёл магическое сияние. Оранжево-золотистый свет залил покои, отыскав перо и бумагу, принялся быстро чертить приказ.

Руны разбежались по комнате, мгновенно вошли в бумагу и чернила на ней тут же исчезли, поднявшись в воздух, письмо растворилось в свечении, добравшись к адресату. Пусть пьница-аспид как следует разберётся в пропажах, та деревня как раз очень близко к Амуггату, и что-то я сомневался, что такое совпадение было случайно.

ГЛАВА 13. ТЕЛЛИАРОН. СЕРЫЙ ЛЕС В ЧЕРНОМ МЕСТЕ

Сиурилы не стало. Единственный наш маг сгинул, не пережив переход по черной воде. Как теперь очистить земли Чернолесья от скверны? Как хотя бы понять, что эта самая скверна сгустилась в определенном месте? Я лишь помнил наставления мага-няньки, он отзывался о скверне, как о чем-то живом, как о сущности, что распространялась не повсюду, а сбивалась в клубы. Попасть в такое место — и нам конец, долгий, мучительный, неистово страшный конец.

Сабат сравнивал эти сгустки с тугунами — мерзкими речными тварями, вечно голодными, что прятались на илистом дне, выжидая добычу месяцами. Он говорил:

«Скверна — жива, она движется и питается, как стая, бродит в поисках места, где еды больше, и там оседает в клубы, сбивается в незримое войско и растёт, пожирая ненасытной пастью любой свет, любую жизнь».

Помню, как мальчишкой меня пугали эти рассказы, Сабат, обучаясь в Магиконе, выезжал в Чернолесье, их учили обнаруживать, чуют и уничтожать скверну. Много жутких историй он успел рассказать мне, своему воспитаннику, про эту гиблую землю. И вот он я, стою в окружении ста умалишенных, что пошли за мной, прямо в лесу, чьи деревья не видели никого уже тысячу лет.

Что и говорить, орки, нечувствительные, грубые существа, что потребляли древесину для строительства и обогрева, сюда не совались, предпочитая ходить на вырубку к гоблинам, против воли последних, конечно же. И тысячелетний лес разрастался. Кроны деревьев были так высоки, что затмевали свет даже в солнечный день, схватившись друг за друга руками-ветвями, могучие исполины срослись кронами, сплели ветви и закрыли небо над головой, пуская вглубь только тонкие, случайные лучики света. На лысой земле в черном лесу не росла даже трава, лишь громадные, словно болотные змеи, корни, пронизывали землю, сплетаясь узлами и канатами, опутывали всё вокруг.

Я не имел ни унции магии в крови, но чувствовал, как тьма сгущается вокруг, как дышит в спину холодком, как смотрит на нас голодными пустыми глазницами где-то из-за деревьев и скалит беззубый рот, примеряясь к добыче. Почти непрерывно, от самой воды, плакали малые дети, что были в моей колонне. Матери колыхали их, пытались петь, но это помогало ненадолго и новый детский плач врывается в тишину чёрного леса.

Мы углубились в чащу совсем немного, Бездонное болото только-только скрылось из виду, перестав отблескивать в полуденном солнце. Я велел остановиться, дальше идти мне не позволяли сами ноги, будто увязая в невидимой гуще, от каждого пройденного вглубь метра сердце сжималось и трепетало, как дикий соловей в клетке. С первых шагов по Чернолесью я понял, что это гнилое место. Жадное и холодное. И так же понял, что деваться нам больше некуда. Но в чащу идти было нельзя.

— Мы направимся к юго-востоку, поближе к самому Бедному морю, на его каменное побережье, здесь не станем оставаться, — оповестил всех я, и не нашлось никого, кто бы мне возразил.

Судя по тишине, в которой мы шли в Чернолесье, и подавленным взглядам, темноту ощутил не только я.

И мы повернули на юг. Никогда бы раньше не подумал, что есть место хуже Бездонных болот, не думал я так и когда вел эльфов сквозь черную топь. Но теперь, когда с другой стороны подступал тысячелетний лес, повернуться спиной к болоту было приятнее, чем ступить под громадные кроны. Мы вернулись поближе к топам и шли ровно по кромке, не обращая внимания на намокшие от влажного мха ноги и возможность встретиться с ползучими обитателями болота. Ощущение чужого присутствия сразу ослабилось, потускнело, я лишь надеялся, что выбрал верный путь.

В восток Чернолесья вступали длинной цепью Серые горы, что начинались в землях троллей, длились в Зарнатхе и уходили к Ледяному морю, прерывая мрачный лес грядой. Там я и надеялся найти новый дом для своих подданных.

Вечерело. Нам пришлось отодвинуться от спокойного болота подальше, чтобы устроиться ночевать на сухой земле и развести огонь. Приказал ставить шатры плотно, их зеленые макушки едва не касались друг друга, мои люди и сами не горели желанием раздвигать лагерь пошире. В дозор выставил семерых, сам отказавшись спать, подбросил в огонь и устроился наблюдать, хоть тело и умоляло об отдыхе. Грифон улегся у ног и стал наблюдать словно кот, за желтыми искрами, что взлетали от огня вверх, с ним коротать ночь было спокойнее.

Усталость навалилась на меня, едва солнце село за горизонт. Зевая, я ворочал догорающие палки и боролся со сном, туман, густой, словно молоко, выползал из сырого леса и смешивался с тем облаком, что испаряло болото. К полночи и вовсе казалось, что на землю опустилась туча, лишь костры желтыми пятнами показывали, что охрана не спит.

Ночь темнела и сгущалась, казалось, рассвет с каждым часом становился только дальше и невозможнее. Спать хотелось так, что глаза сами закрывались помимо воли, я уже не был уверен, смогу ли сдержаться. Ивир, что дежурил со мной, тоже беспрестанно зевал, бессонные ночи на переправе не прошли даром, мы были вымотаны.

Уперев в землю меч, опустил голову на сложенные над рукояткой запястья, глаза смыкались, усталость разлилась по телу, словно густой мёд.

И тут темноту прорезал вой: утробный, жуткий рев грифона. Меч рухнул на землю вместе со мной, я даже не заметил, как уснул. Грифон, стоял надо мной, громко стуча по земле хвостом. Дым не давал моей птице прилечь, гриф ворочался в разные стороны, пытаясь обнаружить что-то, что пугало его во тьме. В белом густом тумане я уже не видел жёлтых пятен от костров охраны, наступила удушающе страшная тишина. Поднявшись, схватил меч и выставил перед собой, попутно поджигая факел. Отойдя на метр от углей, споткнулся о друга. Ивир крепко спал, даже не думая просыпаться, сколько я его не тормозил. Заложив пальцы в рот, свистнул, приказав грифону взлететь, взмахнув крыльями, гриф оторвался от земли, возможно, сверху в этом гхусеймановом тумане, он что-то рассматривает.

— Ивир, вставай! — тряс я друга, но поднять его не получалось, уставив в меня ослепевшие глаза, он вновь закрывал их, не в силах проснуться.

Похоже, то же самое случилось и с остальной охраной, тьма разинула пасть, и мы сами вступили в неё:

— Кто живой, отзовись, приказываю! — тишина съела мой крик, тут же заглушив в утробе.

И тут где-то рядом зарычал наш медведь, рык его оборвался мгновенно непонятным всхрапом и затих, лишь треск сухих ветвей, возня и хруст. Детский крик огласил тишину, я бросился на звук, выставив меч вперёд. Свет факела выловил широкий кровавый след от самой повозки, медведь пропал прямо из упряжи, я побежал дальше. Вдруг свет выловил ужасную картину из тьмы: сгорбленная серая фигура с чьей-то рукой во рту вперила в меня пустые глазницы, секунда и тварь бросилась на меня, размахивая когтистыми лапами, свисавшими почти до земли. Ребёнок лежал в разорванном шатре и продолжал кричать, тварь не давала подступить к нему. Черный дым, окутавший тело хищника, выдал в нём что-то магическое, проворная гадина запросто уворачивалась и от меча, и от факела, скалила острые зубы на безглазой морде и вновь бросалась на меня. Я целил в голову, в торс и мог поклясться, что точно попал в живот, но ничего не помогало, черный дым похоже служил ей щитом. Выпад, другой и мне удалось оттеснить зверя от разрушенного шатра, одернув порванную ткань, схватил ребёнка на руки. Неожиданно из тумана выскочила вторая тварь, затем ещё две, и ещё. Они не торопились, просто сужали кольцо, отпрыгивая от моих выпадов и лишь медленно приближаясь. Бежать было некуда, размахнувшись, поджёг остатки шатра, сухая ткань полыхнула, рискуя зажечь рядом стоящие шатры.

Огонь оттеснил тварей, неожиданно вместе с ними отступил и туман чуть дальше, я закричал, что было сил, из шатров выскочили очнувшиеся люди. Взмахнув крыльями, грифон выхватил одного зверя и тут же взмыл ввысь. Огонь позволил отодвинуть сонный туман, лагерь очнулся, завязался бой, твари попытались прорваться лишь слегка, и быстро сообразив, что силы теперь равные, сбежали в лес.

На рассвете мы не досчитались двух оленей, медведя, трех воинов и семьи младенца, который кричал ночью в шатре. Нам удалось зарубить лишь одну тварь и при свете солнца мы различили в ней болотную ведьму, хоть и изменённую Чернолесьем. Здесь, в этом диком лесу, похоже, очень давно заблудилась горстка людей, скверна прибрала их к рукам, родив стаю болотных тварей. Ночью они усыпили лагерь и пировали бы до рассвета, если бы не грифон: похоже на него туман не подействовал.

Больше мы не останавливались. Я приказал идти до самого моря без единого привала, пока одна половина отсыпалась на повозках, вторая без усталости вела колонну вперёд. Не делая больше ни единого перерыва на сон, мы шли уже три дня, останавливаясь лишь дважды, чтобы дать отдохнуть животным и пополнить запасы воды, которую надо было набрать в болоте и хорошенько прокипятить, прежде чем выпить хоть глоток.

— Телль, просыпайся, — нежная рука коснулась моего лба, согнав остатки сна.

Даландин улыбнулась, склонившись надо мной, оставила легкий поцелуй на небритой щеке. После того, как покинули Светлый лес я ощутил всю нехватку магов, без пары рун, что наносили мне каждый день, приходилось постоянно бриться вручную.

— Принесу тебе поесть, — улыбнулась девушка, тут же скрывшись из виду.

Я приподнялся на локти, отбросил полог, укрывавший телегу. В лицо пахнул запах моря. Этот аромат невозможно было спутать, побывав лишь однажды в жизни у соленых вод, я запомнил его навсегда, оно пленило меня мощью, водами, что стучали о скалы и дробили их, словно мелкие камушки. Мощь, что накатывала на тебя и манила. Быть может, сама судьба вела меня именно сюда — на этот каменистый берег. Наш караван приближался к серым водам Бедного моря.

Вскочив на ноги, прыгнул с повозки, чтобы поглубже вдохнуть морскую соль. Справа, неподалеку от воды торчали макушки гор, я указал эльфам туда. К вечеру, едва солнце начало падать в оранжевые облака мы достигли подножия гор. Куда хватало глазу, они тянулись от Зарнатха вдоль моря, их острые макушки торчали из воды, не прерывая гряду, быть может, именно поэтому гоблины не решились пересечь воды и захватить эти земли себе. Порода, образовавшая тропы горы была твердая и надежная, вокруг было полно открытого места, которое можно будет посадить зеленью и получать урожай.

С нетерпением переждав ночь, я с первыми лучами солнца взобрался на грифона и облетел новые владения. Неподалеку среди гор текла река, прорезав скалы напополам и пропуская в долину свет солнца. Спустившись, ниже нашел ручей с кристальной сладкой водой, вокруг горы обступил девственный лес, живой, поющий на рассвете голосами птиц. Неподалеку было море с пологими полями, устилавшими дорогу к каменистым пляжам. От Зарнатха и троллей нас отгородил пролив, от Чернолесья закрывало болото и горы, лишь небольшой частью земля уходила в мрачный лес. Я не мог перестать радоваться новому рождению, здесь, среди высоких гор, зелени и прекрасного морского аромата.

Вернувшись в лагерь, указал путь в новый дом своим верным подданным и уже к закату мы остановились у гор, пересечённых рекой. Зеленые шатры раскинулись среди деревьев, зажглись костры. Потемнело и запахло едой. Девушки чуть поодаль затаили песню, играла лютня.

Сердце не трепетало испуганно, дети бегали вокруг лагеря и смеялись, не надрываясь плачем, и не прижимаясь в страхе к матерям. Хорошая земля и абсолютно свободная, мы, наконец, нашли дом.

Я сидел, осматривая новые владения, величественные пики гор, что виднелись вдали, реку, несущую прозрачные воды, которые помогут взрастить урожай и эльфов, что прошли со мной этот трудный путь.

— Думаешь, как назвать наш город? — отвлекла меня от размышления Даландин, — Теллиарон подойдет?

Я улыбнулся, прижав ее хрупкое тело к себе.

— Теллирос не так кричит о победе.

— Пожалуй, — прошептала девушка, поддавшись вперед для поцелуя.

ГЛАВА 14. ВАГАРДА. ГУРИЯ, НА ПУТИ В ШТОСТОЛЬ

Осёл тянул вещи медленно, уступая в скорости даже Сабату. Стоит сказать, мало того, что магигонец обманул меня с лошадьё, так ещё умудрился подсунуть старого осла, зато хотя бы послушного. Однако же два тюка пришлось с животного снять, и теперь я всю дорогу наблюдала, как старый нянь пытался перехватить ношу у Нарона.

— Сабат, да прекрати ты уже! — не выдержала я, — пусть сам несёт, он здоровый крепкий мужчина! — нянь посмотрел на меня с таким негодованием, будто только что получил совет от дерева. — Я так поняла, ты этим взглядом сказал то, что я тебе про азагуров болтать запретила? — хохотнула я, старик отвернулся, но всё-таки ненадолго оставил попытки.

Но со здоровым и крепким это я преувеличила, как оказалось. Через три часа ходу остроухий принц уже тащился медленнее осла, пришлось сделать привал:

— Такими темпами в Серый лес мы через год придём, — бурчала я, не особо заботясь о громкости своих упреков, мои спутники сидели у сосны и усиленно делали вид, что меня не слышали. — Нарон, если согласен приплатить мне чутка сверху, я соглашусь тебя потренировать, как тебе?

— Не называй его по настоящему имени, ты подвергаешь его опасности! — злился старик, хотя прежде о таком мы не договаривались, — и нет, идея твоя плоха всё по той же причине!

— Замечательная идея, Сабат, ты чего, — откликнулся принц, — ты же видел, как она с мечом управляется! — я довольно улыбнулась, подзаработать побольше было приятно, к тому же, мне было зверски скучно на привалах.

— Но господин, — несмело возразил старик, — вдруг что-то случится, тут нет деревянных мечей для тренировки!

— Именно поэтому драться он будет лучше, — заметила я, рассматривая свои ногти и думая, как бы их вычистить ножом.

— А если ты его поранишь! — воскликнул Сабат.

— Ты полечишь, — ковыряя ноготь острием, предложила я.

— Действительно, Сабат, ты же меня запросто поправишь, — загорелся идеей принц.

— Не запросто! — разошелся нянь, — Ты должен дорожить собой и беречься, а не драться с азагуром с десятилетним опытом в гвардии!

— Четырнадцатилетним, — поправила я.

— Вот именно! — злился старик, — думай о своем народе, а не о том, как впечатлить девуку!

— Так он думает, как меня впечатлить? — хохотнула я, оторвавшись от ногтей и желая вдоволь поиздеваться, как вдруг Нарон вскочил и словно ошпаренный покинул нашу компанию. — Чего это он? — тихо спросила я, глядя, как бодро ушастый спешит в лес.

Сабат только гневно посмотрел на меня и ничего не пояснив, побежал догонять господина. Шутить с остроухими, к сожалению, тоже не получалось.

Именно поэтому наше путешествие было для меня такой томительной мукой: остроухие были настолько серьёзными, что скрипели на зубах, словно кислое яблоко. Пришлось в одиночку собирать разгруженного ишака, взваливать оставшиеся тюки на плечи и догонять распахивавшегося принца и его няньку, что теперь шли впереди и о чем-то тихо переговаривались. Я шла поодаль и жалела чудовищно, что когда-то давно сбегала с занятий пением, оплачиваемых мадам Гризо, и так и не научилась петь мелодичней вороны. Было бы здорово сейчас погорланить какую-нибудь скабрёзную песенку вроде «верной Люсильды».

— Отдай, ты устала, — вдруг раздалось справа, бесшумность остроухих скоро точно доведёт меня до инфаркта, рядом очутился Нарон.

— Чтоб твой нянька опять глазами во мне дыру пилил? — спросила я, эти их разборки уже порядком поднадоели.

— Нет, он будет молчать, мы поговорили, и я хочу, чтобы ты меня подучила с мечами, — оправдывался принц, всё же забрав у меня тюки.

— Приказал ему что ли? — поинтересовался я скептически.

— Да, — к удивлению, я попала в точку. — Он мой подданный и иногда забывается, потому что помнит меня ребёнком.

— Ты Сабату приказал, и он послушал?.. — удивлялась я, но увидев лицо старика поняла, что это чистая правда.

— Все из-за тебя, азагур, — тихо прошипел старик, едва Нарон пошёл чуть вперёд, — и не называй его по имени, пока не погубила окончательно!

«Да что ж за жизнь такая! — возмущалась я про себя, — Если ты родился чуть крепче и жёстче, так непременно должен всё губить, по крайней мере, ваши нежные соседи будут так считать и ещё песенки сочинять!»

На ночлег мы остановились у леса, на опушке. Поблизости текла небольшая река, а ещё чуть дальше пролегла дорога. С размытыми ямами, разбитой колеёй и мусоркой вместо обочины — именно такие дороги и запомнились мне в Гурии в тот день, когда отец увозил меня в Аландис.

На следующее утро я думала направиться по ней в Штостоль, чтобы добыть еды и просто поразвлечься, пока окончательно не умерла от скуки. Расставив небольшой шатер для принца, старик собирал корешки, чтобы приготовить ему горячую еду, а я, как обычно отправилась за ужином в лес. Раздобыв двух лягушек, насадила их на ветки и положила к огню, Сабат усиленно делал вид, что меня не существует, а принц чувствовал себя виноватым перед стариком. Обстановка была просто невыносимой:

— Как мне Нарона называть, может, Пит? — затеяла какой-никакой разговор я.

— Слишком людское, фальшиво, — отозвался нянь.

— Да из эльфов я никого не знаю, — ответила я, но тут же добавила, — хотя нет, Мирааль.

— Мирааль? Красивое имя, — отозвался Нарон, подбросив веток, — а кто он был?

— Да так, — отмахнулась я, — завсегдатай в доме Гризо, жуткий извращенец, все девчонки его боялись.

— Мне больше нравится Дананир! — выпалил принц и я засмеялась.

— Точно не Мирааль? Тебе же понравилось, — подшучивала я, заставляя Нарона смущаться. — Ладно, Дананир, но, если передумаешь... — вновь захохотала я, и на этот раз не выдержал даже старик, тихо посмеиваясь над юношей.

Потренировавшись немного с Нароном, вернулась к огню — первая половина ночи сегодня была моей. Эльфы отправились спать, я сидела, очищая поджарившихся лягушек от шкурки и внутренностей. Как оказалось, зря я поленилась и не вынула их сразу, потому, так и без того крошка мяса теперь была испорчена на брюшке. Все же запихала горькие кусочки, быстро сглотнув, как вдруг вдалеке раздались шаги, кто-то приближался к нам с подветренной стороны. Схватила меч и встала, приняв позицию. Шли по ветру, курили какую-то дрянь, громко говорили и хоть я не разбирала слов, «гости» таиться не думали. Лес был лысый, почти без кустов, спрятаться можно было разве что за деревьями, что в тут были не слишком толстыми. Подбежав к шатру, предупредила Сабата, старик растолкал Нарона, я велела сидеть тихо, и, если что бежать. Старика план вполне устроил:

— Есть кто? — громко окликнул мужчина, направляясь к костру из леса.

Я запахла полы шатра, крепче сжав рукоять, обернулась:

— Допустим, есть, — отозвалась я, осматривая незнакомцев.

Ко мне подошли трое: клыкастый орк и два азагура. Один, с косую сажень в плечах, здоровенный небритый детина и заговорил со мной.

— Можно погреться? Мы в Штостоль идем, учуяли огонёк, не против? — спросил здоровяк, его спутники послушно стояли за спиной, не спуская глаз и не разжимая рукояти, я осматривала их.

Здоровяк был хорошо одет: отлично скроенный по фигуре кожаный плащ до колен, бархатная рубаша под низом, приличного вида штаны и замечательные новые сапоги. Взглянув на них, я с сожалением опустила взгляд на лапти на своих ногах — солдатские сапоги я потеряла в болоте.

— Да расслабься, ты, красавица, — улыбнулся мужчина, заметив, как я держу рукоятку.

Как ни странно, из его уст «красавица» прозвучало не с издёвкой.

— Не тронет тебя никто, обещаю.

Спровадить трёх мужчин, один из которых азагур, ростом едва ли не вполовину выше и здоровее меня представлялось едва ли возможным, напади они и мне конец. Выбора не оставалось, расслабив руку, постаралась казаться спокойной:

— Ну, если только погреться, то можно, — ответила я, всё ещё осматривая прибывших.

Второй азагур был одет попроще, как и орк, тот вообще вонял, и я отсела от него по ветру, чтобы не прикрывать нос прямо при нем. Мужчины подтянули к огню два бревна и, сбросив тяжелые сумки с плеч, уселись у огня.

— Я Маран, — протянул руки здоровяк и как полагалось, вложив в обе ладони мою, потряс в приветствии.

— Виги, — выдала я имечко из своего прошлого, — вдруг, Вагарду ищет гвардия?

— Ты в лесу одна что ли? — простодушно спросил Маран, я напряглась.

— Зависит от вашего поведения, — уклонилась я, эльфы в шатре по-прежнему сидели тихо.

Мужчины засмеялись, мое чутьё пока не спешило спать. Но вот здоровяк приказал клыкастому собрать веток побольше и достал из мешка сверток с хорошими ломтями мяса, предложив мне. Есть я, конечно же не спешила, но кусок взяла, поглядывая на гостей.

— Ты есть что ли боишься? — заметил Маран, уж очень он был наблюдателен, для такого улыбчивого с виду малого.

— Не хочется корчиться, знаешь ли, — попыталась улыбнуться в ответ, хотя вряд ли вышло непринужденно.

— Да перестань, хотел бы убить, как цыпленку бы шейку скрутил, — хохотнул Маран, показательно откусывая мясо.

— Далеко не факт, — пробубнила я, немного расслабившись.

— Попробуем? — предложил мужчина.

— Если не боишься, — приняла вызов я.

Мужчины засмеялись, здоровяк встал, обнажив меч, я не отставала. Под общий смех и улюлюканье, мы принялись драться, конечно же, лишь в половину силы, просто для потехи. Маран был тяжелее и резче, я быстрее. Уворачиваясь и отпрыгивая, как птичка от кошки я скакала по поляне, пытаюсь не только не попасться, но и попасть, противник был хорош, было до жути весело. Я попала в его икру, порезав штанину, Маран извернулся, больно шлепнув меня плоской стороной меча по спине, отпрыгнула в сторону, Маран сделал выпад, резко сменив ход, я попыталась подставить подножку, но вдруг оказалась в ручищах и над землей. Смеясь, соперник буквально вытряс из рук меч и вернул меня на землю:

— Молодец, цыпленок, — сказал мужчина, — шейку сломал бы не сразу.

— Особенно с перебитыми сухожилиями на ноге, — напомнила я про легкую царапину, которая могла быть куда глубже.

Смеясь, мы вернулись к огню, напряжение между нами исчезло. Как вдруг в свете пламени увидела Нарониэля, что смотрел на нас из-за дерева, держа наготове меч. Остроухий был взволнован и кажется, зол. Я сделала ему знак, попросив выйти к огню, чтобы мы не показались ещё более подозрительными нашим знакомым:

— Это Дананир, мы тоже идем в Штостоль, — представила я осторожно вышедшего к свету эльфа.

— По делу или так идёте? — поинтересовался Маран, протягивая Нарону кусок мяса, эльф отказался, продолжая пялиться на меня как-то странно.

— Мне платят, я вопросов не задаю, — постаралась выкрутиться я, — у них с отцом какие-то там дела, а я не любопытная.

— Понятно, мы тоже по делу, — ответил собеседник, — тащимся от самого Мадиса. Слыхала про северо-восточную Гурию?

— А что там? — спросила я.

— Неделию назад на границе целая деревня пропала, за одну ночь — ни одного жителя, как сквозь землю провалились, — поведал Маран, — иду с ребятами проведать.

— Это точно? — немного усомнившись, уточнила я.

— Вполне, красавица, — подтвердил Маран, — ты что ли в Гурии давно не была?

— Ну да, месяц почти ходим, дела, — улыбнулась я.

Дальше беседа потекла о том, о сём. Я теперь осторожнее была с вопросами, хоть новые знакомые и не вызывали сильного подозрения, особо болтать не следовало, особенно о том, что в Гурии я не была уж как двадцать четыре года. Потому, хоть мой контракт и подходил к концу, однако по факту ещё не закончился. Так что пребывание за пределами Аландиса ни что иное, как побег, а это ох как плохо сказывается даже на почти окончившихся контрактах. Капитан второй гвардии тот ещё урод, и, если вдруг меня отыщут, сомневаться не приходилось, что в таком случае я отработаю ещё лет десять. Однако после рассказа Близира о болоте меня не кинутся искать, так что моя судьба зависела лишь от моего языка, и его давно пора было научиться прикусывать.

Больше за тот вечер лишнего я не болтала, больше слушала байки, что травили новые знакомые, и тихо жевала их угощения. Поест вдоволь было уж очень замечательно.

Ночь прошла спокойно, а утром Маран предложил вместе идти в город, и я согласилась. Ведь в лесах Гурии подчас заседали разбойничьи банды — работать азагуры не любили, — а в новой компании на нас вряд ли нападут. Сабат отозвал меня в сторонку и отчитал как маленькую, за то, что согласилась составить компанию в Штостоль Марану, однако мы быстро собрались и отправились в путь вшестером.

Дорога, что вела в западный город, была уродливой. Теперь, когда с осенних деревьев осыпались листья, идти по ней и вовсе было тоскливо. Разбитая телегами колея с донельзя большими ямами, обочина с мусором и трупы, что прямо и гнили у дороги — никому тут не было дело до порядка. За четырнадцать лет службы в гвардии я объездила весь Аландис, побывав и в богатой столице, и в самых глухих деревнях, но никогда там я не видела таких дорог, грязных и заброшенных. Смертные гораздо лучше следили за своими землями, за домами и животными, свои короткие жизни они старались прожить в достатке и красоте, за это они мне и нравились. В Гурии же никто ничего не хотел, большинство проживало на грошовое содержание Барiona, прогуливая его в первые пару дней, а затем неделями голодая, кто-то ходил в качестве наёмников по всему Дарону и соглашался на самую бросовую работу, а кто-то сидел в лесах, промышляя разбоем.

С тоской вспомнилось детство, как голодала, как умирала и вновь возрождалась, и вновь умирала. Как вечно кружилась голова, как мёрзло слабое тело и как чернело в глазах. И так пока пьянчуга-отец не раскошеливался на

какую-нибудь еду для меня. Матери я не помнила, отец твердил, поколачивая меня, что проклятая шлюха от него сбежала, и, в общем-то, я её понимала. Только попав в Асестим, я узнала, что оказывается, детство бывает другим. И хоть бордель вряд ли можно назвать раем, и навидалась я там немало, все же это было лучше, чем расти в Гурии.

Шли довольно быстро, впереди были мужчины, чуть погодя мы с остроухими. Я поглядывала на деревеньки, что изредка открывались с дороги и искала свою, мы ведь как раз жили на пути от Штостоля в Асестим, но никак не могла вспомнить, где именно. Серые, покосившиеся домики с крышами, что от времени ползли к земле, смотрели на нас пустыми окнами, ни забора вокруг, ни какой-нибудь живности, ничего. Только ветер, воющий в грязных закоулках, и оборванные босые дети, что провожали голодными глазами всех встречающих. Я не выдержала, остановившись, отдала тощему мальчишке свое шерстяное одеяло, Нарон, заметив это, угостил ребёнка остатками окорока:

— Тебе грустно? — спросил эльф, взглянув на меня, до чего же остроухие любили копаться.

Вот еще! — отмахнулась я, прибавив шагу.

К вечеру нас встретил город. Двух и трехэтажные каменные дома, выложенные из грубых, неотёсанных камней, с замшелыми старыми крышами, были ненамного красивее деревенских развалюх, да и порядка на грязных улицах было не больше. Переступив через кого-то, то ли спяну валявшегося под ногами, то ли того хуже, Маран сказал:

— Мы останавливаемся на ночь в трактире, хозяина я знаю, если хотите, вас тоже устрою подешевле.

Взглянув на Сабата, зло нахмурившего брови и притом не имевшего и сартина за душой на кров и еду, я согласилась. Серые стены трактира были неопрятны и давно не крашены. Деревянная дверь криво держалась на петлях, но всё же выстояла перед атакой местных пьянчуг: сцепившись в яростной схватке двое врезались в двери, вывалившись на улицу продолжили друг друга мотать и душить. Весёлая толпа выскочила на улицу вслед за дерущимися, подбадривая улюлюканьем бойцов.

Кто-то из доброй публики снабдил одного пьянчугу ножом, второй уворачивался и отпрыгивал, оба едва ли стойко держались на ногах. Выпад, и оба поскользнувшись, рухнули в грязь, нож был потерян, как и пыл сражения. Драчуны пытались встать в глубокой луже, вновь поскользнулись и падали, публика гоготала, швыряя сартин в лужу, пьянчуги проворно копошились, пытались достать монеты, ещё больше потешая народ. Маран открыл дверь, пропуская нас в трактир. Внутри было так же неопрятно, как и снаружи, в давно нечищенные деревянные столы были воткнуты ножи — местная публика любила хвастать оружием. Единственным достоинством можно было считать самый свежий воздух в кабаке из всех, когда-либо мне встречавшихся. Окна в заведении были распахнуты настежь, ведь все присутствующие здесь чуяли запахи так же, как я.

Пришлось заплатить за наши покои из собственных запасов, пусть две комнаты под крышей были действительно уродливы, а низкий потолок грозил расшибить голову — это было лучше ночи в лесу Гурии. Маран, постоянно глазевший на меня, великодушно пригласил всех на ужин, и я прекрасно знала, на что он рассчитывает.

Дородная официантка быстро оповестила нас о блюдах, заведение подавало всего три кушанья, список выпивки был пообширнее. Женщина перечисляла напитки, как вдруг кто-то толкнул её, мгновенно развернувшись, официантка отшвырнула мужчину, с такой силой, что тот впечатался в стену, похоже, годы работы здесь поставили её удар не хуже гвардии. Тут же началась новая драка, за соседним столом что-то не поделили, официантка на миг отвлеклась, с любопытством оглядев драчунов:

— Уши, уши! — кричал какой-то азагур, остервенело размахивая сартом над дерущимися.

Один повалил соперника, размахнувшись, ударил в грудь, публика в трактире попивала пиво, осматривая представление и делала ставку-другую на исход. Схватив оппонента за грудки, мужчина швырнул его, секунда и прямо на наш стол приземлилось тело:

— А ещё есть эльское вино и медовуха, — закончила перечисление официантка, осматривая тело на нашем столе.

Из груди потерпевшего торчала рукоятка ножа.

— Хорошо, еду не принесла, — заметила женщина, — сгрузите его там, пусть очухается, — сказала она, указав рукой направление.

— Это остроухий, — скептически заметил Маран.

— Или не очухается, — поправила официантка. — Так чего будете?

— Эльского принесите всем, рагу и рёбер, — заказал Маран.

Эльфа оттащили в угол, сгрузив под барной стойкой с ещё двумя телами, официантка отерла стол и поставила тарелки. К смерти здесь относились преспокойнейшим образом.

Старик хоть и был недоволен, однако бесплатная миска рагу и рёбра от этого хуже не стали, зловредный маг от еды не отказался, бодро работая ложкой. Не ел только Нарон, он вообще всю дорогу выглядел каким-то

странным и напряженным, но я махнула рукой на остроухих, их компания мне уже поднадоела, хотелось развлечься. К тому же мужчины у меня не было почти месяц, потому я сидела, потягивая вино и отвечала на шутки Марана:

— Куда потом двинешь, Виги? От Штостоля? — поинтересовался азагур, уже в третий раз подливая мне вина.

— Окончу контракт с господами и через месяц думаю поискать счастье в Аландисе, — призналась я.

— Приходи искать счастье в Мадис, — шутливо предложил мужчина, — у меня там дом и две женщины, но азагура среди них ни одной, — пожирал меня глазами Маран, я рассмеялась.

— Какое щедрое предложение, — сквозь смех, ответила я, — кто знает, может и загляну, — наши глаза встретились, искры так и летали.

Вдруг звякнула тарелка, неуклюжий Нарон уронил посуду на пол, я наклонилась, чтобы поднять её, как остроухий крепко вцепился в мою руку:

— Выйдем, надо поговорить, — сверкнул глазами эльф, я опешила, но послушалась.

Извинившись, мы вышли на воздух, Сабат было тоже поднялся, но принц дал ему знак остаться. Едва захлопнулась дверь, Нарониэль ухватил меня за локоть и оттащил в сторону:

— Что случилось? — недоумевала я.

— Ты хоть понимаешь, зачем он тебя поит? — выдал принц, буравя меня взглядом.

— Что? — и поняв, что он серьёзно, громко захохотала, — о, милый мальчик, я прекрасно понимаю, — едва не икая от смеха, пробормотала я.

Эльф выглядел до того злым, что я не могла остановиться, глядя на него, вновь надрывалась от хохота. Неожиданно Нарон схватил меня с такой силой, которую в нём не подозревала, и вцепился в мои губы, страстно целуя. Я вмиг перестала смеяться, удивленно уставившись на парня:

— Ты зачем...

— Раз всё понимаешь, ничего не спрашивай, — перебил Нарон, грудь его вздымалась, бледная кожа зарумянилась. — Шли к мраку этого грубияна, я покажу тебе, что значит мужчина.

— Ты? — хохотнула я, — отправляйся спать, сладкий. — Посоветовала я, вернувшись в трактир.

Парнишка вошел чуть позже, не глядя на меня, тут же позвал Сабата и поспешил наверх. К сожалению, мои надежды тоже провалились, Маран, что сначала флиртовал и даже оставил мне свой адрес, перебрал и теперь клевал носом, зависнув над столом. Махнув на него рукой, отправилась спать, настроение было испорчено. Развязав доспехи, — гвардейская амуниция состояла из кожаных пластин и шнурков, — сбросила нижнюю рубашу и легла в кровать. Сон никак не шёл, я думала о проклятом поцелуе мальчишки, и злилась на Марана. Неожиданно раздался стук в дверь. Сжав в руке нож, подошла к выходу — в таком-то местечке можно было ожидать чего угодно:

— Кто там? — спросила я, но мне не ответили.

Сменила нож на меч и щелкнула задвижкой:

— Тьфу ты, — выдохнула я, на пороге стоял Нарониэль, — чего тебе? — не говоря ни слова, эльф сделал шаг в мою комнату.

Я смотрела, как парнишка закрывал дверь, и рассуждала с любопытством хищника, что же будет делать мышка в моих лапах. Эльф прижался спиной к двери, в полумраке его серые глаза блестели и вовсе походили на куски хрусталя. Грудь вздымалась, он не сводил с меня взгляд, опасаясь сделать шаг навстречу:

— Может, тебе лучше сбежать? — улыбнулась я, кивая на дверь.

— Нет, — прошептал Нарониэль, и оторвавшись от двери, шагнул ко мне, — у меня никогда не было... — он замолчал на полуслове, опустив глаза.

— Женщины? — хохотнула я, — это заметно.

— Поцелуй меня, — вдруг попросил принц, твердо взглянув в мои глаза, я с улыбкой подалась вперед.

— Как? — прошептала ему в губы я, лишь едва задев их, — так? — нежно провела языком по его приоткрытым губам, — или так? — и мой поцелуй стал настойчивей.

— Как захочешь, — задыхаясь, прошептал юноша.

Руки уже забрались под его одежду, а горячие поцелуи срывали тихие стоны с мягких губ, Нарон был так опьяняюще молод и возбужден, что я не смогла остановиться. Сбросив одежду, мы приникли друг к другу. Провела ладонью по белым волосам, что струились меж пальцев, будто лунный свет, и впиалась в полуоткрытые губы. Юноша таял, словно мягкий воск, подаваясь мне навстречу, жаждал моих прикосновений. Нежно обнял меня, уложил на спину и вошел, тут же застонав. Медленно и осторожно двигаясь, эльф осыпал мое тело поцелуями, возбуждение росло, словно голодный зверь, которого раздражили крошечным кусочком пищи. Не выдержав, взяла инициативу и села сверху. Грубо толкая бедрами, доводила сладкого мальчишку до стоны и резко останавливалась на самом пике, заставляя его сжимать меня и умолять о продолжении. Он же соглашался на любые позы, без всякого стеснения убаюкивая меня и делая, что угодно. Мы едва смогли остановиться к утру. В розовых бликах

солнца, что всходило за крохотным окном, мы лежали рядом, лаская друг друга:

— Ты великолепна, — шептал Нарон, сминая мои губы, — просто великолепна, — я жарко отвечала на поцелуи, все еще чувствуя возбуждение.

Ни за что бы не подумала, что в этом юноше скрывалось столько страсти, мы целовались, не в силах отстраниться:

— Пора остановиться, — шептала я, вновь получая обжигающие поцелуи.

В следующую ночь, остановившись у дороги, мы сбежали в лес и всё равно не смогли оторваться друг от друга вовремя, едва не попавшись Сабату, что вышел сменить меня.

ГЛАВА 15. ТЕЛЛИАРОН, ТЕЛЛИРОС. СДЕЛКА

Год спустя

Наконец на лес опустилось яркое солнце, пришла настоящая весна, теплая и живая. Первые всходы уже начали прорастать тонкими зелеными стебельками, зима выдалась долгой и тяжёлой. Еды было очень мало, мы едва смогли дожить до первой травы и почти месяц питались одними корнями и крошечными ростками, не умереть помогало только Желтое море, что раскинулось на востоке.

Сначала, мы даже подумывали переместить Теллирос поближе к рыбным водам, но позже поняли, что делать этого не стоит. Путь до песчаных берегов был опасен: из-за соседства со скверными землями на севере, приходилось отправлять большую часть воинов одним караваном, мелкая группа ни за что бы ни прошла к желтым водам живой. Твари, что ползли из Чернолесья, нападали на караваны, поменьше их было только у Бездонных болот, ближе к проливу Ёрна, где, собственно, мы и начали отстраивать город.

Долго выбирать материал для строительства было невозможно, ведь как только мы пришли сюда, нужно было позаботиться о пропитании на зиму, потому мы подражали гоблинам — западный сосед селился в пещерах, выбивая их прямо в горах.

Порода, что образовывала скалы была в меру твёрдой, работая с утра до ночи железными кирками удавалось понемногу продвигаться в гору, уже было готово семь домов-пещер. На изыски время не хватало, постройки были грубыми и далекими от красот Светлого города, но жить в таких домах было удобнее чем в землянках, и гораздо безопаснее. Понемногу, из камней-отвала начали строить стену, чтобы надежней отгородить жилища от Чернолесья и его случайных гостей. С другой стороны поселения мы копали ров, но пока все равно приходилось обороняться с помощью зоркого грифона и постоянного дозора.

Вооружившись киркой, отправился на рубку горы. Здесь, в Теллиросе, городе, который я строил своими руками, я не чурался ни единой работы, помогая всем и каждому, это помогало держать всех нас вместе, вместе справляться с тяготами нелёгкой жизни в Чернолесье. Мне казалось, что само название этого места уже призывает несчастье, Ивир предложил называть наши земли Серым лесом, мне тоже это больше нравилось.

Зимой на лагерь напала стая волков, проклятые уродливые хищники здорово разворовали наши припасы, атаковав землянку-кладовую. Запах пищи манил их с самого леса, потому с приходом тёплых дней мы первым делом начали долбить в горе кладовые — потерять припасы было делом куда худшим, чем жить в плохих жилищах.

Поодаль от жилых обитателей, мы продумали ходы под надёжное хранилище для еды. Пригнувшись, вошел в небольшой коридор, работа кипела, четверо мужчин уже били по стенам тоннеля, я присоединился к ним. Тоннель пробили всего немного: тридцать шагов в глубину, теперь полагалось расширить его для удобства, из-под железа то и дело выскакивали оранжевые искры, пыль пролезала через ткань на лице, дышать было трудно, но тоннель неуклонно прирастал.

Неожиданно за спиной раздался грохот, мы едва успели выскочить на свежий воздух — одна из стен обвалилась.

— Там полость! — радостно воскликнул один из мужчин, что оказался к обвалу ближе всех, — большая естественная пещера, только откопать! — уверял он.

Как только пыль улеглась, мы вернулись к обвалу, наладив расчистку. Через два дня смогли полностью разобрать завал и расширить проход: вглубь горы вела полость. Лаз расширился, взяв факел, я пролез в щель первым. В крошечной тьме мой голос разлетелся на многоголосое эхо, потолок свет факела не касался, казалось над головой, где-то высоко-высоко разверзлось бездонное черное небо. Вдаль вели витиеватые ходы, украшенные сталагмитами[1], откуда-то сверху по каплям сочилась вода, стекая по громадному сталактиту в небольшое подземное озерцо с чистой водой цвета сапфира, пещера была большой.

На следующее утро в подземелье отправились эльфы, во главе с отцом Ивира, когда-то давно, когда в Светлом лесу была эльфийская руда, старик работал в шахтах. Необходимо было исследовать новое место и поскорее приспособить его под жильё: такое безопасное и просторное. Я уже рисовал в воображении, каким прекрасным может быть город внутри горы, как со временем стены покроют узоры, как пустые залы украсят статуи из камня. Все жители приходили посмотреть на чудесную находку, толпясь у сапфировой воды, дальше я никого не пускал, опасаясь, что кто-нибудь заблудится, хотя самому безумно хотелось отправиться исследовать пещеру.

Дождавшись, как на иголках, возвращения старика, услышав вдалеке их голоса, отправился в темноту и встретил их.

— Теллиарон, Ваше Величество, — завидев меня, окликнул старик, — мы отыскиали кое-что, подойдите ближе.

Я поспешил вперёд, в руках старого рудокопа отбрасывая серебряные всполохи, лежали рудные камни:

— Это... — слова застряли в горле, я не верил своим глазам.

— Эльфийская руда, господин, она самая, — улыбнулся мужчина.

Пещера оказалась около двух миль в глубину, из большого зала с озерцом она разветвлялась надвое, и петляла в горе, обрываясь, с одной стороны, тупиком, а со второй — рудной жилой. Теперь можно будет забыть о голоде, эльфийские мечи сделают наш город богатым!

На следующий день я велел отправиться на добычу драгоценного металла, отцу Ивира же я приказал готовить кузницу и выбрать надежных помощников, чтобы как можно скорее начать ковать эльфийские мечи.

Пятьдесят лет назад в Светлом городе тоже был рудник, но совсем небольшой, цена на доспехи и мечи из этого сверкающего металла ровнялась золоту, что укладывали на вторую чашу весов. И вот, это богатство нашлось в Сером лесу!

Радость и страх смешались во мне, когда я впервые вошёл в рудник: залежи были огромны. Такое богатство надо не только продавать, но и охранять, особенно учитывая, кто наши соседи. Прознай про залежи орки или того хуже, пронырливые гоблины, и нам конец. Я запретил кому-либо из тех, кто знал, рассказывать о руде. Посвященных было всего десяток: я, Ивир, его отец, кузнец Саприэль, его помощница-жена, и пятеро надёжных воинов, что согласились помочь с добычей. Всё держалось в строжайшем секрете, под страхом смерти мы молчали о руднике, потому что пока не в силах были его защитить. Даже моя жена, Даландин, не знала, что я делаю.

Пока рудокопы приносили сверкающие камни, пряча их в пещере поближе к выходу, мы строили кузницу. Через два месяца все было готово, из-под кувалды вышел первый сверкающий меч, и хоть драгоценных самоцветов нам было не достать, ручку Саприэль на славу украсил древними рунами. Я вертел в руках чудесный ключ к процветанию нашего города и уже думал, как бы наладить торговлю. В тесной жаркой кузнице собрались все, кто был причастен к созданию этого меча, от рудокопа до кузнецов, как вдруг один из мужчин упал.

Кровь брызнула из его носа, подняв его на руки, вынесли на свежий воздух, но кровь никак не останавливалась, он не приходил в себя, я послал за Даландин, другим лекарям доверять тайну было опасно.

— Ты должен был мне всё рассказать! — воскликнула Дали, швырнув окровавленную повязку на пол, — я ведь твоя жена!

— Даландин, прекрати! — разозлился я, — руда бесценна, о ней нельзя трезвонить на всех углах, пока не обзаведёмся надёжной защитой!

— Бесценна? — повторила она, синие глаза наполнились слезами, — бесценна была жизнь Вераэля, которого вчера похоронили!

— Я не сказал, что мне его не жаль, — процедил сквозь зубы я, — жаль. Но что стоит пара-другая жизней против процветания всего города? Земли бедны, нам надо что-то есть и как-то выживать!

— Как ты можешь, Телль... — по щекам Дали покатались слезы, — пара жизней?.. Еще четверо мужчин умрут, четверо! А они пробыли в пещере всего каких-то два месяца! Разве много вы успели добыть? Десяток-другой мечей не спасут город, а вот пятеро живых отцов и мужей пригодились бы, кто теперь будет кормить их детей? — тело ее сотрясали громкие всхлипывания, я протянул руки, чтобы обнять её, но она оттолкнула меня.

Даландин ухаживала за рудокопами. Все они быстро слегли, вслед за умершим Вараэлем скоро последуют и остальные: в шахте всех поразила неизвестная болезнь. Глаза их запали, кожа, покрытая нарывами, растянулась, будто вдруг стала не по размеру, они отказывались есть и постепенно теряли волосы, превращаясь в жуткое подобие эльфов. Кровь сочилась из язв на телах, из носа, рта и других отверстий, никакие отвары, примочки и руны не помогали. Здоровые, крепкие мужчины таяли на глазах, с каждым днём им становилось только хуже.

— Эта пещера, эти камни опасны, — тихо прошептала Дали, — я знаю, как ты хочешь, чтобы город и мы процветали, поверь. Но Телль, никакие мечи и золотые сарты не стоят жизни эльфа, ты должен закрыть пещеру.

— Да, я согласен, — тихо согласился я, вспоминая лица рудокопов, что теперь ходили скорее на чудовищ.

Чернолесье не давало ничего просто так, а если давало, то требовало платить. Из пяти смельчаков, что по моему приказу добывали ценные камни, не выжил никто, как никто из них не рассказал о руде, не нарушив слова и моего приказа. Мы завалили пещеру, сказав любопытным, что потолок был слишком опасен и мог обрушиться в любой момент. Смерти мужчин оправдывать было сложнее, Даландин соврала про укусы каких-то мелких насекомых, что водились в пещере.

Так или иначе, ходы были закрыты вместе с моими мечтами о хорошей жизни для всех нас.

Десять лет спустя...

— Телль, что мы будем делать? — тихо спросила Даландин, как только придворные покинули каменный зал.

— Не знаю, — признался я, понимая, что сам попал в ловушку, которую подготовил.

Семь лет назад, как только мы пришли в Серый лес я приказал каждой семье, каждой эльфийке, родить минимум пятерых детей, нам не хватало людей и это было очень важно — расти. И подданные меня послушали, наш город звенел детскими голосами, семьи были большими, как я и хотел. А теперь, в этом году выдался страшный неурожай.

Из-за холодного лета с Ледяного моря дули неподходящие ветра, ростки всходили хилыми, плодов было мало, эту зиму мы будем голодать. Единственным кормильцем осталось восточное побережье, что омывалось водами Желтого моря, богатого на улов.

Потому, пока сильная половина города уходила на несколько недель за рыбой, вторая часть охраняла границы Теллироса, ухаживала за всходами, занималась стройкой и растила детей. В Сером лесу мы селились в пещерах, прорубая горы, подобно гоблинам. Дома выходили надёжными, но их строительство было невыносимо трудным, в отличии от западных соседей, имевших троллей для этой работы, мы тратили слишком много сил. Мои измученные постоянной тяжелой работой эльфы в большей своей части до сих пор не имели укрытий, лучше землянок. А теперь, из-за остановки строительства оставалось только надеяться, что зима не выпадет суровой, иначе большая часть жителей Теллироса будет промерзать в наскоро построенных землянках, потому как подготовить достаточное количество домов в скалах мы не успевали.

Я остановил работы по рубке горы и строительству ещё в начале лета, сейчас расширялись лишь пещеры под кладовые. Все остальные силы были направлены на ловлю рыбы на востоке. И всё равно, голодных ртов, из-за большого количества детей, будет слишком много.

Все семь лет нашей жизни здесь мы никогда не ели досыта, пищи не хватало, чтобы пировать, но это было терпимо, никто из подданных не жаловался. Но теперь ко мне пришли пятеро отцов, что вернулись с ловли рыбы и сообщили, что и улов в Желтом море в этом году слабый, запасы недостаточны, а скоро нагрянет сезон штормов, отрезав возможность их пополнить. Все становилось хуже, чем я надеялся. Мы были на грани большого голода, я силился что-то придумать, но не мог.

— Соберу людей и выведу в Чернолесье, зверья там хватает, — заявил я, Даландин взглянула на меня устало.

— Ты прекрасно знаешь, какое там зверье, и сколько воинов погибнет, добывая это отравленное мясо, — ответила моя жена, и я понимал, что она абсолютно права.

Пару лет назад мы отправлялись в Чернолесье с намерением выходить туда на охоту, и это было ужасно: твари, что получались в осквернённом лесу, были непредсказуемо опасны. Перед нами не выскакивали олени, волки, кабаны или медведи. Лишь уродливые монстры, подчас настолько, что приходили после ко мне во снах много лет. Не зная, что за зверь перед тобой, одолеть его почти невозможно. За те две недели мы потеряли троих воинов и отловили мало животных, охота в Чернолесье была слишком рискованна. А в моем городе был на вес золота каждый взрослый сильный мужчина, кормивший большую семью, а подчас и не только одну, сирот у нас тоже хватало. Добывать дичь в Сером лесу было занятием похожим, твари из Чернолесья расплозились до самого побережья и причиняли немало бед, то и дело вблизи города погибали в их пастях дети и взрослые, что пытались найти пропитание в лесу.

— Напиши Визаальту, попроси помощи, — несмело предложила Дали, но тут же встретившись с моим взглядом, замолчала на полуслове.

— Не смей даже упоминать это имя, — прошипел я, — выходим в Ёрнский пролив, в Зарнатхе охотиться можно, — жена что-то еще хотела сказать, но я встал и вышел из нашего дома, не в силах справиться со злостью.

Если бы в нашем городе было хотя бы двое, — всего двое! — магов земли, мы бы навсегда позабыли слово «неурожай». И согласись я написать высокомерному братцу слезливое письмо, он бы, возможно, выслал к нам пару магов, но я не мог. От одной мысли о таком унижении, о просьбе к эльфу, что сам не построил и не сделал ровно ничего, меня знобило и трясло.

Подготовив шесть лодок, я вышел в пролив со своими людьми ещё до рассвета. Зарнатх был недалеко от нас, пролив Ёрна не был большим, однако пересечь его было делом непростым из-за гор, что выступали над водой всего на пару метров, а подчас лишь таились в глубине, на самой границе морской воды. И тогда они становились опасны, наши лодки были хрупкими деревянными скорлупками, сядь мы на такую скалу — и вмиг пойдём ко дну.

Потому плыть приходилось медленно, едва передвигая веслами, двое сидели на носу и неотрывно всматривались в воду, ощупывали пространство снизу шестами чтобы понять, как глубоко притаились острые пики. Здешние подводные горы кишели морскими змеями, хищными рыбами и ядовитыми звёздами. Упасть в пролив было почти смертельно: если порежешься о скалы, а с их количеством это было весьма вероятно, пустишь кровь и непременно приманишь обитателей расщелин.

Мы добрались к Зарнатху только вечером, спрятав лодки в зарослях, углубились в лес. Не разжигая костры, устроились на ночлег, намереваясь на рассвете начать охоту. И нам повезло: двое оленей и упитанная свинья с подростками поросятами попались в ловушки ещё до полудня.

Освеживав туши, закопали потроха и принялись грузить мясо в лодки, уже собираясь отчаливать, когда

раздался свист иволги — Ивир подавал сигнал тревоги, к нам кто-то приближался. Велел поторапливаться, первая лодка уже отплыла от берега, как вдруг земля под ногами затрепетала, я схватился за меч скорее инстинктивно, чем в надежде сильно навредить тому, кто сюда спешил:

— Быстрее! — скомандовал я, отталкивая вторую лодку подальше, как назло, дно здесь было мелкое около полумили от берега, — уплывайте немедленно!

— Король, вы должны быть с нами! — упрямылся мужчина, запрыгивая в лодку.

— Я сказал, быстрее! — рявкнул я, поторапливаясь выйти из воды.

На берегу ещё оставались две лодки, как вдруг из чащи выскочил Ивир, за ним, приминая деревья, что едва достигали до груди, бежал тролль. Гигантская дубинка, что напоминала по размерам дерево, пронеслась над головой эльфа, он чудом успел отпрыгнуть, когда оружие тролля врезалось в землю. Проклятые гоблины специально вооружали и натаскивали своих туповатых соседей на охрану территорий, и как я мог забыть?! Теперь, когда мой грифон был слишком стар для полетов, о троллях нельзя было забывать никогда!

— Справа! — только и успел крикнуть я, как из-за макушек елей вынырнула еще одна бошка. — Все в лес! — скомандовал я и эльфы бросились врассыпную, затаившись за деревьями.

Я стоял, прижавшись спиной к толстому стволу и лихорадочно решал, что же делать, ведь нюх у троллей, в отличие от зрения, был отменный, они нас отыщут за полчаса и непременно сожрут. Взглянул вверх, ствол был слишком гладким, ветви начинались высоко, осмотрел следующее дерево, перебежал, осторожно оглядываясь. Где-то у берега раздался треск — тролли крушили наши лодки, отрубая пути назад. Наконец, нашлось подходящее дерево, подпрыгнув, зацепился за ветку и вскарабкался выше, затем ещё и ещё, тролля можно было победить только с высоты. Набрал побольше воздуха, громко свистнул, привлекая внимание громил, деревья зашевелились. Ивир понял мой план, и вот свист, с другой стороны, начал сбивать тролля с толку.

Двое горных подобрались к нам, свист раздавался со всех сторон, они никак не могли сориентироваться, куда же бросаться, мои люди заманивали тролля ближе к дереву, кто-то из них выскочил, пробежавшись перед здоровяком, скрылся за деревьями. Тролли туго соображали, одного из них направили спиной ко мне, разбежавшись, прыгнул на громадину. Карабкаясь по тряпкам, прикрывавшим уродливое тело, почти подобрался к голове, как вдруг сзади хрустнули деревья: управляемые тролли, сразу трое, выскочили на поляну. Нас быстро схватили, упрятав в грубые плетёные корзины за спинами троллей.

Обмолвившись о чем-то на зарнатхском, гоблины направили горных в лес, всё дальше отдаляясь от залива, положение становилось отчаянным. Приняв более-менее нормальную позу, я выкрикнул:

— Как вы смеете пускать горных тварей на меня и моих эльфов! — сощурился черными глазами, на меня обернулся наездник, пользуясь привлечённым вниманием, продолжал, — мы прибыли к вашему князю, с торговыми предложениями, а вы нас травите троллями и сажаете в корзины!

— Ага, как же, — отозвался сморщеннолицый уже на едином языке, — а по что зверья наловили и в лодки сложили?

— Ты только что обвинил меня в воровстве? — изобразил верх негодования я, — что нам было есть, пока бы мы шли к князю? — возница вновь окинул меня взглядом, засомневавшись.

Стоя сгорбленным, в испачканной одежде в коробе тролля я вряд ли выглядел внушительно, но изо всех сил старался показать честь и достоинство, и что всё это сейчас оскорбили.

— Так как ты говоришь, тебя звать? — поинтересовался гоблин, и это можно было считать успехом, еде вряд ли дают имена.

— Теллиарон, Серый Король, — максимально выпрямившись, представился я.

— Это тот эльф, что под горой засел в Чернолесье? — окликнул собрата второй возница и даже поторопил своего горного, чтобы сравняться со мной и получше меня рассмотреть.

— Он самый, — выкрикнул Ивир, гоблины переглянулись.

— И чем торговать надумали, уродами из Чернолесья? — любопытствовал сморщеннолицый, не особо поверив мне.

— И не только, посмотрим, сколько у вас золота, и может, поговорим о чем-то посерьёзней уродов, — хорохорился я.

Гоблины опять переглянулись. Тролли остановились, меня вытащили из корзины и пересадили за спину возницы:

— Уж извиняй, Эльф Под Горой, твоих остроухих пока так повезём, места нет, — максимально галантно для сморщеннолицего сказал наездник, — доедем до князя, не говорите про троллей, ну, — он замаялся, — что мы вас ловили и сожрать думали.

— Ладно, — великодушно согласился я, силясь придумать, а что, собственно, такого ценного мы будем предлагать, что будет ценнее питательного ужина для их горных.

Воинами сморщеннолицые были посредственными, и, если бы не выгодное соседство с троллями, Зарнатха

как государства и вовсе бы не существовало. Гоблины прекрасно чувствовали сезоны и погоду, из них могли бы выйти земледельцы, но они были слишком ленивы для такого тяжелого труда. Единственное, в чем они были бесспорно хороши — рынки. К торговле западные соседи относились уж очень почтительно, прекрасно зная цену каждой вещице, даже самой мелкой и потому никогда не отказывались от сделок. Их народец расползлся по всему Дарону с сумками, сундуками и мешочками, набитыми всяческим барахлом. Но у почти любого из них в ворохе мелочей таилось и что-то ценное, а если нет, то это самое ценное таилось в их головах, сморщенные прекрасно знали, где что достать и сколько это «что» будет стоить.

Я силился придумать, чем бы заинтересовать их. Идея с ловлей уродов в Чернолесье, которых после возили в клетках по Дарону для потехи, была неплохой, хотя с этим они справлялись и сами, пусть и с большими потерями, чем мы. Шкуры? У нас едва ли их было достаточно для продажи, как и еды. Лекарства? Да, наших рецептов не ведали даже эти проныры. Но всё это едва ли достойно внимания князя, к тому же, Светлый лес давно снабжает весь Дарон лекарствами. И я вспомнил о мечях. Тридцать пять прекрасных, сверкающих как полная Луна, клинка, что таились под огромным дубом, у корней которого мы закопали их с Ивиrom.

Мы приблизились к Горному городу, цепь небольших вершин, скопившись вместе, замыкались в полукруг, земля в центре была вытоптана так сильно, что ни одна травинка не смогла пробиться к свету. В горе, что была посередине, зияла аккуратная вырубленная арка и три пропорциональных круглых окна над ней. Иных украшений княжеские палаты не имели.

Князь гоблинов, тугун подери, имя которого я не повторяю даже под пытками, вышел самолично нас встречать. Один из возниц специально поторопился и предупредил своих. Эльфов как источник чего-то ценного гоблины уважали даже заранее, по такому поводу у подножия горы даже была выметена дорога, гоблины слыли теми ещё грязнулями, потому, заметив только что убранную площадку для встречи с нами, я улыбнулся про себя. Трон — а именно так гоблины называли позолоченный стул с не самым изящным образом приделанными камнями, — был вынесен поближе к входу, внутрь гор гоблины никого не пускали.

Князь, толстый через меру, в красном бархате, что облегал его до неприличия плотно, восседал на троне, терпеливо выжидая, пока подданный назовет его полное имя гостям, у гоблинов было принято представляться только полностью, вспоминая всех своих отцов, дедов, прадедов и так далее. А так как за родословной такой знатной особы непременно следили внимательно, имен родственников набралось немало. Наконец, перечисление Итригдиктов, Сивтриунтирлов и прочих режущих слух имен было окончено, поданный сделал знак, приглашая гостей говорить:

— Приветствую Светлого Князя зарнатских земель, — слегка склонил голову в полупоклоне я, мои люди поклонились ниже, как того требовали приличия, — я Теллиарон Серый Король, пришёл говорить с вами о торговле.

— Это ты — Эльф Под Горой? — похоже, у гоблинов для меня имелось иное прозвище.

— Да, — гордо расправив плечи, представился я.

— Рад тебя приветствовать, король, — расплылся в услужливой улыбке Князь, привычка заискивать перед выгодными дельцами у гоблинов не исчезала даже с повышением титулов. — Что же привело тебя и твоих эльфов в Зарнатх?

— Мы пришли поговорить об уродах Чернолесья, что можем ловить для вас, об эликсирах, что могут приготовить мои лекари по цене приятнее, чем ваши западные соседи, — улыбка на лице гоблина сделалась ещё шире и уродливее, выгоду он учуял, — разумеется, про то, за сколько мы вам продадим эликсиры, вы не должны будете...

— Болтать? — хохотнул князь, — что ты, господин, мы продадим твои склянки с большей выгодой для себя, мы не идиоты о таком трезвонить. Но, однако ж большого спроса не пообещаю, сам понимаешь, рядом Светлый лес... — намекал он, а я отчаянно соображал, как украсить предложение.

— Ещё можем продавать вам яды. То, что ползет к нам из Чернолесья, сами знаете, какое, — нашелся я, черные глаза сморщенного заблестели ярче, он уже потирал руки, подсчитывая сарты от продажи чего-то настолько запрещенного и дорогого. — К тому же, если в сундуках хватит золота, я предложу тебе десяток-другой отменных мечей эльфийской стали.

— Эльфийской? — князь встрепенулся, не в силах более напускать на себя безразличный вид. — Откуда?

— Мы ведь эльфы, не забывай. Секреты стали не рассказываем, — улыбнулся я, увидев, как лихорадит моего покупателя, — у нас всего тридцать четыре меча, прекрасные, сталь отменная и чистая, как горная вода, — выдержал паузу, дав мысли осесть в его голове. — Так есть у тебя, что класть на весы, когда я уложу на них меч?

— Есть! — воскликнул князь, придворные одобрительно качали головами.

Эльфийские мечи стоили баснословно дорого всегда, а теперь, когда в Светлом городе давно закрыты шахты, в Дароне они стали ещё дороже. Ведь новые было добыть невозможно, приходилось перепродавать из рук в руки это сокровище, а потому цена только росла.

К тому же, я намеренно предлагал эту сделку князю, в обход мнения их короля, что было, конечно же, выгодно именно владельцу восточных пещер, до которого после короля долетали обычно лишь крошки от таких сладких сделок. Я же не был готов к торговле с королем: его непременно заинтересует, где взять ещё и это самое ещё он запросто ухватит, разгромив мой слабый город. А так, небольшая сделка пройдет в темноте, и все мы окажемся в выгодном положении. Это понимал не только я, восточный князь тоже шептался с придворными, видимо, сопоставляя, как бы мне заплатить и как бы потом в обход королю продать славный товар.

— Вези мечи и проси, что тебе надо, уж мы отыщем, — пообещал князь после недолгого раздумья, и я довольно улыбнулся.

Сторговавшись на эликсирах и зверье, мы заключили договор на целый год и запросили отличную цену для мечей. В долг гоблины выдали сразу двух дрессированных горных троллей, что доставят нас домой, здоровенный обоз еды, клетки под отлов и даже проводника. А уж прощались с нами, как с родными, и я решил, что, похоже, всё-таки продешевил с мечами.

На обратный путь ушло почти семь дней, потому как гоблины не строили лодки, да и как бы мы переправили своих горных по воде. Дорога в Чернолесье вела по суше, тонкой полосой пролегая вдоль окраин Бездонных болот, и, если бы не проводник, мы бы непременно заблудились, угодив в трясины. Как в тот раз, когда мы сбились с пути и пробирались в новый дом прямо по жуткому болоту. Путешествие было не из приятных, но все-таки передвигаться верхом на тролле было гораздо удобнее, чем тащиться пешком. К тому же, мы возвращались с едой и выгодной сделкой, на сердце было легко.

Наконец, мы увидели Серый лес, я специально приказал навесить на троллей зеленые плащи — в цвет наших флагов, чтобы не испугать жителей. Дети выбежали нас встречать, перебирая босыми ногами часто-часто, они не поспевали даже за одним шагом тролля. Я с радостью думал, как быстро теперь мы построим дома для всех этих босоногих обитателей Теллироса, горные тролли прекрасно справляются с таким делом.

Стоит сказать, я думал о детях. Да, дела были у нас неважны, еды было в обрез, город только-только начал немного отстраиваться, твари черного леса до сих пор беспокоили нас. Вопреки всему я хотел ребёнка. По злой шутке, или по заранее написанной для меня судьбе, но Дали никак не могла забеременеть, боги не давали нам детей. Теперь, благодаря мечам у нас появятся деньги, непременно куплю для Теллироса мага, и тогда, возможно, он поможет и нам с Даландин.

Гоблин попрощался с нами на границе и, развернув своего тролля, направился обратно. Через две недели мы обещали привезти в Зарнатх мечи, эликсиры и отловленных животных, дел предстояло множество. Задумавшись, я осматривал приближающийся городок. Вряд ли, конечно, пару десятков землянок, пятерка строений и грубые дыры-пещеры в горе можно было назвать городом, но я знал, что скоро всё сильно изменится. И золото, выданное мне вперёд, говорило об этом яснее некуда.

Наконец, мы пришли к горе, скомандовав троллю, заставил его опуститься на колени и спрыгнул на землю. Даландин вышла меня встречать со слезами — в городе наверняка решили, что мы погибли на той охоте.

— Телль, ты живой! — шептала она, осыпая мои руки поцелуями.

Жители Теллироса радовались не меньше моей жены: еда, золото, рабочая сила и сделка на работу. Я, конечно, не рассказал, что именно являлось в этой самой сделке решающим и ценным, однако жена сразу догадалась. Едва мы остались наедине, она тут же набросилась с расспросами:

— Ты не мог получить столько за эликсиры, что ты пообещал гоблинам?

— Сама знаешь, — ответил я, повисла тяжелое молчание, она буравила меня взглядом, но я был твёрд.

— Мечи? Ты рассказал о руде?! — воскликнула Дали.

— Я не идиот, женщина! — возразил я, — просто продадим им эти тридцать четыре меча, что гниют в земле. Мы на грани голода!

Дали покорно опустила глаза. Обычно, она была очень тихой, и теперь наверняка сожалела, что позволила себе крики. Приблизившись ко мне, девушка сбросила платье на пол, оставшись передо мной обнажённой. Я всё ещё был зол, и не торопился её обнимать. Тогда она сделала шаг и взяв мои руки, положила на свои упругие груди, соски на них возбужденно стояли, ожидая ласки:

— Прости меня, мой король, — прошептала Дали, взмахнув пушистыми ресницами, взглянула в глаза.

Я не выдержал, схватив тонкие запястья, сильно прижал ее к себе, впившись в сладкие губы. А после, сбросив одежду, грубо вошел в неё, заставив груди колыхаться в такт толчкам, дыхание Дали сбилось и сделалось частым, она хватала воздух ртом, растворяясь во мне, и подавалась навстречу всему, что я хотел.

Ту зиму мы пережили прекрасно. Забыв о голоде, расширяли пещеры, теперь даже появилось время на их украшение — на домах стали появляться изящные фрески и росписи. Жители были довольны и заняты, понемногу шла прибыль и зимой, с помощью троллей отлов в Чернолесье был не настолько опасен. Все ждали весны для сбора новых трав на эликсиры, чтобы заработать чуть больше.

Наши стены, отгораживающие от опасного леса, быстро росли, каждую неделю становилось на одну уродливую землянку меньше, понемногу все обзавелись какими-никакими домами в горе.

Хватило золота даже чтобы отправить сына одного из охотников на обучение в Магикон, в мальчишке родилась магия, а нам был жизненно необходим его талант. Весной к нам прибыло целых три семьи, что пожелали воссоединиться с родственниками и покинули Светлый лес, сменив его на Серый.

Дела в Теллиросе пошли на лад.

[1]***Сталагмиты** — натёчные минеральные образования (часто известковые, реже гипсовые, соляные), конусы, столбы, что растут со дна пещер и других подземных полостей навстречу сталактитам, растущим сверху в низ. Нередко сливаются с ними, образуя сталагнат (столб).*

ГЛАВА 16. ВАГАРДА, ЮЖНАЯ ГРАНИЦА ГУРИИ

Поужинав, Сабат и Нарон ушли спать в шатер, а я отправилась подсобрать хвороста в лесу, чтобы провести дежурство у огня. Ночь была тихая, я преспокойно оставила лагерь и, собрав веток, направилась к реке, чтобы помыться, раз уж выпал случай. Далеко с дороги мы не сходили, всё-таки леса Гурии небезопасны, потому и лагерь был разбит едва в сотне шагов от путей. Мы подходили к границам Магикона, завтра должны были пересечь её и, обогнув Мадис, пройти немного по орочьим землям. А там добудем лошадей, и всего-то пара дней и нас встретит Серый лес. Получу золото и отправлюсь путешествовать, в Гурию возвращаться точно не хотелось, место это было мрачным. Лучше уж вернуться в Асестим, говорят, в Мадисе тоже красиво.

Размышляя таким образом, подошла к реке. Раздевшись, вошла в ледяную воду, в гвардии нам тоже горячей воды перепадало нечасто, потому я привыкла. Как вдруг что-то шелохнулось в кустах, я сделала вид, что не услышала, зачерпнув воду, сполоснула лицо. Целиком обратившись в слух, пыталась определить направление наблюдателя, ветер как назло был в другую сторону, постороннего я не учуяла. Справа треснула ветка, мгновенно выскочила на берег и, схватив меч, бросилась в кусты, тут же встретившись с орком, короткая схватка, клыкастый не ожидал, что я услышу его, горло орка оказалось перерезанным. Быстро накинув рубаху, босиком побежала в лагерь: клыкастые не бродили в Гурии в одиночку. На поляне разразилась битва. Нарон отчаянно отбивал выпады двоих, Сабат, раскинув магические руны, призвал мшистого и одного из орков взрастил в землю заклинанием с лианами. Тут же бросилась на подмогу, оттеснив орков от принца, вдали послышался стук копыт, к нам спешило ещё торе орков. Заколов ещё одного сморщенного, увернулась от удара, но не вовремя — острие противника прошло сквозь правый бок, Нарон прикончил нападавшего. Всадники уже прибыли, надвигаясь на нас. И вдруг ярко-зеленая вспышка ослепила меня, секунда и маг с принцем, словно сквозь землю провалились, а на меня, растянув сеть, неслись двое всадников. Размахнувшись, лишь отчасти прорезала сеть, остальная часть связала тело, словно паутина. Нестерпимо болело в боку, кровь заливала одежду, меня сшибли с ног и потащили по земле. Лошади скакали быстро, стирая мои колени и бока в кровь, пыталась прорезать сеть и освободиться, но прочное плетение было не по зубам гвардейскому мечу. Лошадь остановилась, видимо всадник решил спешиться и прикончить меня, где, мрак подери, делись остроухие поганцы?

— Что вам надо? — выкрикнула я, клыкастый с уродливо рассеченным носом захохотал.

— Твоя тушка, — и меч обрушился на меня, я едва успела увернуться.

Вскочила на ноги, сеть не позволяла двигаться нормально, второй взмах орка и мне конец. За спиной раздался стук копыт, наверняка спешила орочья подмога, я отразила выпад, сталь орочьего меча сверкала, словно эльфийская, размахнувшись, соперник обрушил удар такой силы, что мой клинок оторвался от рукояти и рухнул бесполезным куском на землю. В последней попытке спастись, бросила во врага тяжелую рукоять, хохоча, тот увернулся, одним ударом ноги, повалил меня навзничь, поставил ногу на грудь и вновь занёс клинок. Я приготовилась к смерти, вдруг орк удивленно посмотрел на меня, вытаращив глаза, мгновение и его грузное тело рухнуло на меня, прибив к земле.

— Что, цыпленок, страшно? — раздался насмешливый голос Марана, — говорил же, что азагуры пропадают.

Он помог мне выбраться из-под убитого и даже галантно предложил щепотку живительного порошка. Посыпала рану в бок, и та быстро затянулась, и хоть голова кружилась от потери крови, стало гораздо лучше. На поляне валялось семеро сморщенных, спутники драконьего ловко обшаривали карманы мертвецов.

— Маран! — окликнул азагура его компаньон, — глянь-ка, вот славная находка!

И в руках говорившего сверкнул меч. Маран покрутил находку, присмотрелся получше:

— Эльфийский, — подтвердил он мои догадки, меня лишь смутила бедно украшенная рукоять, — ни одного самоцвета, — вот я и не узнала лучший сплав.

— Он мой меч отрубил, — пожаловалась я, кивая на сломанное лезвие.

— Красавец, — азагур ласково, словно нечто живое, погладил острие, — Гтул, забери мой меч себе, а ей отдай свой, — распорядился Маран, и орк послушно протянул свое оружие.

В моих руках оказался клинок с грубой деревянной ручкой, чересчур широкой для женской руки и с острием орочьей выплавки. Клыкастые слыли никудышными мастеровыми и этот клинок служил живым доказательством сего факта. И хоть новый клинок был даже хуже гвардейского, капризничать не приходилось.

— Спасибо, — поблагодарила я, орк расплылся в уродливой улыбке.

Чуть вдалеке на дороге стояла телега с крытым верхом, убитый возница свисал с облучка, сжимая вожжи. Мы подошли, чтобы осмотреть добычу, как вдруг кто-то стукнул изнутри. Маран с лёгкостью, словно резал масло, рассек дерево, отворяя деревянную дверцу. В фургоне лежало трое убитых азагуров, один из них уже переродился, но всё ещё вонял, как спиртовой завод.

— Ничего не помню, вы кто такие? — уставился он на нас, потирая глаза.

— Ты хоть помнишь, где тебя забрали? — брезгливо поморщившись, спросил орк, резкий запах перегара тоже бил ему в нос.

— Да вроде в Штостоле, — почесал затылок пьянчуга, — нет, я шел куда-то... Гхусейман дери, да что вы пристали, не помню!

— Ясно, толку с него ноль, — махнул рукой Маран, — забирай дружков и проваливай.

— Да никакие они мне не дружки, — сплюнул очнувшийся и, спрыгнув на землю, направился по дороге в сторону Штостоля.

Обыскав телегу, мы не обнаружили ничего ценного, кроме небольшого сундука с теплым тряпьем и узел с пайком. Маран великодушно разделил еду на четверых. Я откопала себе новый теплый плащ и сняла с убитого сапоги — мои лапти уже давно прохудились, было приятно вернуться к нормальной обуви. Услышала тихие шаги сзади, на поляну выползли пропавшие остроухие, точнее, Сабат и мшистый, который нёс бездыханного принца. Честно говоря, хоть меня и наняли для охраны, было капельку обидно, что эльфы бросили меня на растерзание оркам, без промедления смывшись.

— Твой сын ранен? — поинтересовался Маран у старика.

— Нет, оглушен, — отмахнулся маг, — скоро очнется.

— Ну и хорошо, — Маран посмотрел на меня, — есть хочешь?

Я улыбнулась, разве от такого внимания к своей персоне можно было отказаться?

Нарон пришёл в себя только вечером. Я не разбиралась, что стряслось с ушастым, видать, я зря его тренировала, трусишка сбежал, бросив меня. Мы сидели у костра, над огнем в котелке булькала похлебка, клыкастый, оказывается, умел стряпать. И хоть варево на вид было отвратным, вкус был нормальный, по крайней мере, кулинарами орки были лучшими, чем кузнецами. Старик и Нарон сидели с краю и почти не говорили, наши спутники напротив, беспрестанно травили байки. Как оказалось, Маран уже давно служил в Магиконе, правда, род занятий он не называл, да он мог и не говорить об этом, азагуров брали чаще всего на темные делишки. Принц посматривал на меня то ли пристыжено, то ли смущённо, я была так зла на него, что не стала вдаваться в подробности. Обратив внимание на Марана, что так и поблескивал глазами, я потешалась над его байками.

— Ты сегодня сможешь потренировать меня? — оторвал от беседы с змеиным Нарониэль.

Я нарочно медленно повернулась в его сторону, показывая, что делаю великое одолжение:

— Не-а, не хочется, — ответила я, эльф потупил глаза, уткнувшись взглядом в землю, и больше не пытался заговорить.

Заметив настроение своего дорогого воспитанника, Сабат, сверкая глазами недобро, отозвал меня в сторонку:

— Вагарда, — обратился маг, — я прекрасно знаю, что было в том проклятом трактире, вижу, как мальчишка на тебя смотрит. Так вот, азагур, я тебя предупрежу только раз — прекращай морочить ему голову! Он принц, а ты всего лишь девка, каких у него будут сотни. Я живу достаточно долго, чтобы раздавать советы, да и ты не показалась дурой. Нарониэля в Сером городе ждет невеста, так что не трать его время и своё, иначе очень пожалеешь. Все понятно? — старик глядел так, будто готовился проделать во мне дыру.

— Более чем, нянька. Я и сама всё понимаю, — отозвалась я, вернувшись к огню.

Слова старика будто отрезвили меня, вернув в реальность, в которой я и жила всегда: жестокую и прямую, не знающую счастливых случаев и поворотов к лучшему. Оказывается, Нарон был обручён. Все эти взгляды, шутки, всё было глупостью, он просто хотел развлечься перед свадьбой. Сабат был прав, с мальчишкой пора было кончать, пока не стало хуже.

Маран предложил ночевать в его шатре, и я согласилась, всю ночь изнывая под крепким телом и не забывая о громкости своих стонов. Огромные ручки сжимали меня, ворочая словно пушинку. И хоть Маран сто раз был грубым мужланом с дикими манерами, абсолютно несмешными шутками и внешностью медведя, я переспросила его адрес в Мадисе, чтобы теперь запомнить.

Под утро, покинув шатёр, сменила Сабата на дежурстве. Старик пытался высказать своё негодование из-за моего вчерашнего недосмотра, орки ведь пришли в лагерь, пока я была у ручья, но я послала мага к гхусейману, в последний раз пригрозив мечом. Сабат, обидевшись, удалился досыпать остаток ночи, а я уселась у огня.

Наши компаньоны отправлялись в Гармар, а после шли в Мадис и хоть подождать их здесь, и отправиться по Магикону вместе было разумно и безопасно, я отказалась. Хотелось как можно скорее распрощаться с остроухими, получить вознаграждение и вздохнуть спокойно.

— Не смей подкрадываться, в следующий раз брошу в тебя ножом, — предупредила вполне серьёзно я, услышав за спиной тихие шажки Нарона.

— Виги, ты... — принц был взволнован.

Он вышел к огню, пламя упало на бледную кожу и белые волосы, сделав остроухого золотисто-желтым.

— Что ты мямлишь, — буркнула я, потянувшись за дровами, подкинула ветку в костер.

— Ты что, с ним... — Нарон никак не мог вымолвить это слово, дергаясь и переживая, словно девчонка.

— Да, сладкий, а ещё с сотней мужиков до него, — огрызнулась я, — я раздвигаю ноги с одиннадцати лет. Чего ты хотел?

И тут я встретила с эльфом взглядом, на меня ещё никто не смотрел с такой обидой, он пытался что-то сказать, беззвучно шевеля губами, но слова не выходили. Беспомощно глядя на меня, словно раненый щенок, он пытался выговориться, а я чувствовала себя сволочью.

— Не дуйся, — мягко попросила я, поспешив отвести взгляд в сторону, — ты ведь у нас принц, через неделю будешь лежать в шёлковых подушках и всё забудешь.

— Чтоб ты знала, я хотел помочь тебе, но Сабат меня оглушил, — собравшись, выдал эльф и, развернувшись на каблуках, пошёл прочь.

Остроухий заставил меня чувствовать себя ещё хуже, я ненавидела это чувство, то самое, мерзкое и липкое, что растекалось где-то в груди, животе и толкало на глупости. Безмозглый эльф возомнил нас парой, это было так смешно. Принц и азагур. Не знаю, в каких королевствах такое заканчивалось хорошо, но в нашем это вызывало смех. Вот только мне почему-то не хотелось смеяться. Я совершила большую глупость и то, что слова Нарониэля меня задела, было дурным знаком, я слишком размякла. Проведя остаток ночи в раздумьях, заставила себя вспомнить Хамура и то, как было больно после его смерти. Эти мысли привели в чувство, я взяла себя в руки и на рассвете уже спокойно смотрела на Нарона, наглухо задавив вину.

Утром мы распрощались с Мараном и его помощниками и направились в Магикон. Остроухие игнорировали меня, и тихо переговариваясь между собой, шли чуть поодаль, не принимая меня в беседу. Я, махнув рукой, вела под уздцы ишака и ни о чём не думала.

Границу мы прошли быстро, прямо на середине песчаная дорога вдруг оборвалась, превратившись в мощёную жёлтым камнем. Это и был конец нищей Гурии, дальше были земли магов. Огибая окрестности озера Малдор, что давало жизнь лучшим полям в Дароне, каменная дорога ввела нас в самое богатое королевство. Я впервые в жизни видела такую черную землю, и хоть приближалась зима, на грушах Магикона висели большие сочные плоды, крестьяне тоже выглядели лучше всех тех, что я встречала раньше. Да и дома, раскинувшиеся неподалеку от дороги, были аккуратно сложенными, что для деревни, такой далекой от столицы, и вовсе равнялось дворцам.

Где-то через милю нас встретил небольшой пост с донельзя гладкими стражниками, которые еле вмещали свои животы в латы, и я сразу догадалась, что нас ждёт. Хорошо ещё, что проклятые крохоборы кое-как согласились на два сарта и сапоги Нарона, потому как больше у меня ничего от жалования не осталось. Нас пропустили, обобрав до нитки, бедный принц шлёпал босыми ногами по сырой земле, как-никак на улице было начало ноября. Сабат не выдержал, остановившись, старик снял свои сапоги и отдал принцу, у нас не осталось монет на покупку хоть какой-то обуви и, глядя на синеватые ступни старика, даже немного пожалела его.

На первом же привале Сабат собрал в лесу ветки и начал плести подобие лаптей. Однако лоза осенью была слишком твердой, лишённой соков и снималась плохо, постоянно обрываясь в короткие полоски, плести из таких было сущим мучением.

— Да вылечи ты кого, зайдём в деревню, уж накопишь на лапти, — наблюдая за стариком, предложила я. — Или свой уродливый медальон продай, вдруг, на лапти хватит.

Бросив на меня косой взгляд, Сабат язвительно ответил:

— Не предлагай то, в чем не смыслишь, этот медальон не продается за какие-то вонючие лапти!

— Да и как пожелаешь, я за вас эликсиры хлебать больше не буду, — огрызнулась я.

Упрямый старик продолжал идти босиком до самой ночёвки, а как только мы устроили лагерь, вновь принялся мастерить лапти. Стариковские руки тряслись, не в силах справиться с переплетением мелких кусков коры. Я не выдержала. Выхватив из рук старика заготовку, принялась плести сама. В Гурии еще девчонкой я делала такую нехитрую обувь, и хоть большого умения так и не получила, дело у меня шло быстрее. Нарвав лоскутов, бересты, лозы и всего, что более-менее могло сгодиться к утру за дежурство у огня, всё-таки доделала. Противный старик только кивнул в знак благодарности, но от лаптей не отказался.

ГЛАВА 17. ТЕЛЛИАРОН, ТЕЛЛИРОС. КОРАБЛЬ

Яркое солнце совсем по-весеннему прогрело землю, часть посевов была высажена, на полях с самого рассвета кипела работа. Эльфы были так рады солнцу, что не переставали петь песни Благоденствия на наших скудных землях, словно то были Тихарийские поля и никак не меньше. Я, улыбаясь, читал письмо из Магикона от мальчишки, что теперь там обучался, каких-то восемь лет, и он вернётся в Теллирос магом земли. Все шло хорошо, лето обещало быть жарким, а значит, с урожаем не будет проблем, как в прошлом году. Понемногу велась торговля с Зарнатхом, восточный князь держал слово и скупал наши эликсиры и отловленное зверье, иногда поступали заказы на яды. И хоть деньги от продажи мечей уже закончились, было неплохо. Эльфийки выполняли указы, принося детей, а те, что были рождены в первый год, уже помогали взрослым. Город постепенно разрастался.

Сегодня мне предстоял визит в Зарнатх, пора перезаключить договор с князем и попробовать предложить ему более дорогие и сложные эликсиры, что освоили мои лекари, подбирая составы всю зиму. Но пока Ивир не зашёл за мной. Оставалось пару минут, я посмотрел на жену, что сидела у ног и расчёсывала длинные белые волосы. Даландин, заметив мой взгляд, улыбнулась.

— Иди ко мне, — позвал я, она оставила гребень и придвинулась ближе.

Я прижал её к себе, поглаживая слегка округлившийся животик, к зиме Дали должна была родить. Она потянулась ко мне, губы слились в поцелуе, я ощущал её набухшие груди даже через одежду, рука сама коснулась их, поглаживая и лаская, обнажил их и поцеловал. Даландин тихо постанывала от каждого прикосновения, закусив губу, закрыла глаза, целиком отдавшись мне. Нас остановил стук в дверь, нехотя отстранившись, потянулся к рубахе, это пришел Ивир, опаздывать было нельзя:

— Возвращайся поскорее, — попросила жена, целуя на прощанье.

— Обязательно, — улыбнулся я, набрасывая одежду.

Ивир уже распоряжался насчёт лодок, подготавливая их к отплытию, суетились мои воины. В этот раз я ограничился четырьмя сопровождающими, отношения с Зарнатхом были хорошие. Загрузив в лодки пару ящиков с новыми эликсирами и небольшую стопку шкур, мы отчалили. Медленно прощупывая воду и подозрительные выступы, мы поплыли по заливу. Из-за солёной морской воды подводные скалы тяжело было оценить правильно, казалось, что вон та непременно процарапает дно, но шест её не находил, а с другой выходило с точностью да наоборот. Именно поэтому гоблины так ни разу и не отважились прибыть за товарами по заливу, предпочитая узкое место — переход на краю Бездонных болот.

К вечеру лодки причалили к каменистым пляжам Зарнатха, неподалёку в лесу нас ожидали навесы для лодок, специально для нас построенные, уж что-что, а поставщиков товара сморщенные уважали. Затащив транспорт под крышу, мы забрали грузы и отправились к Горному городу. Идти пешком было долго, на троллях мы добирались за пару часов, но сегодня отчего-то гоблины не вышли нас встречать. Остановившись на ночлег в сосновом лесу, продолжили путь только утром. Ближе к полудню на горизонте возникли очертания трёх гор, меж которых жил князь. Только на подходе к входу нас остановили гоблины, наскоро был выставлен трон и вскоре вышел и сам хозяин восточных пещер:

— Приветствую, Эльф Под Горой, — крикнув, гоблин плюхнулся на трон. — Что тебя привело?

За зиму гоблин стал еще толще, и теперь сидел на троне с трудом, едва вместив зад в сиденье и навалившись на локотники[1] так, что казалось, те скоро треснут под его немалым весом.

— Здравствую пусть твои земли, и ты сам, Светлый Князь, — поприветствовал хозяина восточных гор я, слегка склонив голову. — Я принёс новые эликсиры вам на пробу, более действенные, и немного шкур. Наш прошлогодний договор истекал весной, я пришел обговорить новый.

— Ясно, — безо всякого интереса оборвал мою речь гоблин, и, сделав знак придворному, велел раскинуть над собой навес от солнца.

С ответом он затягивал, под спину его подложили подушку и накинули навес, укрывшись от солнца, князь вновь посмотрел на меня так, будто только что вспомнил, что я тут стою. Это было крайне невежливо, я пытался скрыть недовольство, но даже по Ивиру было заметно негодование от такого приема:

— Так что на этот раз предложит нам Серый лес? — всё-таки спросил гоблин.

— Из нового только более сильные эликсиры, — сказал я, такое невежество злило.

— Ясно, — вновь повторился князь, оставаясь безучастным. — За новые могу предложить полсарта за склянку, раз уж они такие сильные, — едва не зевая, промолвил сморщеннолицый.

— Но ведь для обычных составов, что мы возим вам, цена в семьдесят сартин! — напомнил я, начиная терять терпение.

— Правда? — картинно удивился князь, — ну, в этом году точно невозможно, нет-нет, это очень дорого за простые снадобья. За такие дам десять, не больше.

— Десять сартин? — воскликнул я, прекрасно зная цену эльфийским лекарствам для покупателей, — это ограбление!

— Король Серый, не гневайся, что ты! — всплеснул пухлыми ручонками восточный князь, — год солнечный, урожайный. Светлый лес завалит нас предложениями, извиняй, с ними мы уже давно, а кто тебя знает? Правильно, никто. — Я сжал кулаки до хруста, пожалев, что не прихватил с собой больше воинов, иначе бы сейчас этот круглый гoblin не позволял такой дерзкий тон.

Заметив хитрыми глазенками мою злость, гoblin всё же немного напрягся:

— Хорошо, пятнадцать сартин за простые составы, и ни медяком больше, — великодушно оповестил он, предложение было сущим грабежом, даже за простые эликсиры покупатель отдавал полтора сарта и никак не меньше. — Но, если вдруг у вас, дорогой наш сосед, где-то залежалась ещё пара мечей, я готов отказать Светлому лесу, взять ваши составы в первую очередь и поднять цену... — прозрачно намекнул толстяк.

Теперь я понял, к чему было всё это представление. Даже без тех небольших заработков, что приносила сделка с Зарнатхом, теперь придётся отказаться, вернувшись только к земле и на неё же уповая. Если я не найду двадцать сартов золотом, мальчишку-мага отошлют из Мадиса сразу же по концу месяца, а если вдруг пророчество хорошей погоды окажется ошибкой, Теллирос получит голодную зиму, а в городе было столько детей... Но шахты открывать было нельзя, к тому же я обещал Дали.

— Наша дружба отменяется, Светлый Князь, — процедил сквозь зубы я и, развернувшись на каблуках, пошел прочь.

Никто не стал меня останавливать, видимо, разговоры о большом количестве лекарств из Светлого леса были не шуткой, в наших услугах более не нуждались.

Вернувшись домой, я потерял сон, не торопясь рассказывать беременной жене о своем провале. Ускользая от неё утром, допоздна обсуждал с Ивиром и моими помощниками, что можно придумать. Выхода была два: открыть шахты и пойти на поводу у жадного восточного соседа, либо же попытаться доплыть с эликсирами прямо до Аландиса и там продать их подороже. Так мы впервые начали строить корабль.

Дело было нелегким, толстое дерево расклинивали вручную, ломая по длине, далее ещё на пару частей, понемногу отесывая из ствола длинные доски. Приходилось многое выбрасывать, доска могла треснуть сразу же или в самом конце, после шлифовки, и тогда почти недельный труд двух эльфов сводился к нулю. Но к лету у нас появился корабль: широкий парусник, что довольно глубоко входил в воду, но все же держался и плыл. Ивир вызвался первым опробовать путь в Аландис, однако только тогда мы поняли, что подводные горы не дадут тронуться кораблю от наших земель, пришлось потратить ещё месяц на прорубку пути. Тролли и эльфы работали кирками, стоя по грудь в воде, работа была тяжёлой. Я оставался с ними, теперь на моих ладонях появились крупные мозоли, руки стали грубыми, а кожа коричневой от солнца. Дали и остальные лекари трудились с рассвета до полуночи, отваривая эликсиры и подбирая новые, все хотели заработать и очень старались. Из-за того, что большинство мужчин занималось кораблем, а женщины с утра до ночи трудились на полях, на рыбалку отправлялись более-менее подросшие дети. Уловы падали, теперь права на неудачу в Аландисе мы потеряли.

Наконец, все было готово к отплытию, корабль поставили на воду и нагрузили диковинными шкурами тварей Чернолесья и самыми лучшими эликсирами. Я молился всем лесным духам, чтобы Ивир и мои эльфы удачно доплыли до людских земель, на рассвете в розовых лучах солнца наш первый корабль тронулся от берега, вскоре растаяв на горизонте.

— Всё будет хорошо, эликсиры на борту превосходные, — заверила Даландин, обнимая меня, под синими глазами пролегли глубокие тени, она давно не отдыхала.

Прижал её к себе, осторожно поглаживая животик, морской ветер трепал волосы, нежной влагой касался кожи, корабль отдалялся, точкой мелькая в громадном восходящем солнце, в тот момент я был счастлив.

Прошёл месяц. Я вновь потерял сон, ожидая прибытия корабля. Я понятия не имел, сколько займет до Аландиса путь по морю, по узкой реке, что отделяла Ледяные земли от остального континента и дальше, огибая Зарнатх и Трольи горы. Казалось уже слишком долго моих эльфов нет. К тому же Даландин стала чувствовать себя плохо, сильно похудела и осунулась, нам нужен был маг.

Я выходил к берегу каждый день и смотрел на горизонт, ожидая найти белый парус. На все сарты, что выручат в этом походе, я решил выкупить мага из самого Свияра, в одной из академий согласились прислать человека даже за половину платы и дать время в полгода до оплаты оставшейся части.

Через неделю Дали слегла. Я не мог находиться с ней рядом и видеть её такой больной и слабой, знать, что ничем не могу помочь. Волосы, лицо и белая подушка, на которой лежала Даландин, были одного цвета, эликсиры не помогали, сутками над ней бдели лекари, сменяя друг друга, я же едва мог зайти на минуту, чтобы увидеть больную. Дали обижалась, синие глаза слезились, завидев меня, она тянула тонкие руки и не хотела меня

отпускать, сжимая в слабых объятиях. Сбегая от неё, я молил духов убить дитя, что скоро лишит меня возлюбленной.

— Господин, — раздалось сзади, я оторвался от молитвы, — вернулись наши, — тихо оповестил мальчишка Ивира, по его тону понял— случилось недоброе.

Мрак корабль пошёл ко дну на обратном пути. Сарты, снасти, мечи, еда — все утонуло. Семеро моих воинов, что храбро направились в неизвестное море, погибли, вернулись лишь девять, кое-как спасшихся. Сын Ивира стал сиротой.

Я ушёл в лес и только к ночи остановился у древнего дуба, что могучей кроной подпирает самые небеса. Клинок чертил алую полосу на запястье, кровь полилась к подножью громадных корней, тут же впитываясь в сухую землю. Закончив с одной рукой, принялся вырезать метку на второй, я знал лишь одну руну — Вечного обещания. Когда-то эту метку вырезала мать, обещая мне, что я стану королём и клятва сбылась даже после её смерти, даже после стольких потерь, кровь, отданная в обещание, исполнила её волю.

Вместе с алыми каплями дуб забирал мои слова. Я поклялся сделать Теллирос богатым, ради всех сирот, которых сегодня стало больше, ради своей жены, что увядала в полумраке, не в силах подняться, ради верного друга Ивира, лежащего на дне моря, и всех тех эльфов, что уже напоили своей кровью эти проклятые земли.

На рассвете следующего дня я приказал своим оставшимся воинам собираться. Оседлав медведей, мы направились в Зарнатх. На приёме у короля гоблинов я без колебаний предложил ему сотню эльфийских мечей и, рассказал о сделке с восточным князем, что прошла в обход правителю Зарнатха. Голова жирного восточного князя оказалась у моих ног уже через два дня, когда королевское войско прибыло в Горный город.

Вернувшись в Теллирос, я приказал открыть шахты.

[1] Локотники — детали в стеле, кресле, служащие опорами для рук.

Яркое солнце совсем по-весеннему прогревало землю, часть посевов была высажена, на полях с самого рассвета кипела работа. Эльфы были так рады солнцу, что не переставали петь песни Благоденствия на наших скудных землях, словно то были Тихарийские поля и никак не меньше. Я, улыбаясь, читал письмо из Магикона от мальчишки, что теперь там обучался, каких-то восемь лет, и он вернётся в Теллирос магом земли. Все шло хорошо, лето обещало быть жарким, а значит, с урожаем не будет проблем, как в прошлом году. Понемногу велась торговля с Зарнатхом, восточный князь держал слово и скупал наши эликсиры и отловленное зверье, иногда поступали заказы на яды. И хоть деньги от продажи мечей уже закончились, было неплохо. Эльфийки выполняли указ, принося детей, ате, что были рождены в первый год, уже помогали взрослым. Город постепенно разрастался.

Сегодня мне предстоял визит в Зарнатх, пора перезаключить договор с князем и попробовать предложить ему более дорогие и сложные эликсиры, что освоили мои лекари, подбирая составы всю зиму. Но пока Ивир не зашёл за мной. Оставалось пару минут, я посмотрел на жену, что сидела у ног и расчёсывала длинные белые волосы. Даландин, заметив мой взгляд, улыбнулась.

— Иди ко мне, — позвал я, она оставила гребень и придвинулась ближе.

Я прижал её к себе, поглаживая слегка округлившийся животик, к зиме Дали должна была родить. Она потянулась ко мне, губы слились в поцелуе, я ощущал её набухшие груди даже через одежду, рука сама коснулась их, поглаживая и лаская, обнажил их и поцеловал. Даландин тихо постанывала от каждого прикосновения, закусив губу, закрыла глаза, целиком отдавшись мне. Нас остановил стук в дверь, нехотя отстранившись, потянулся к рубахе, это пришел Ивир, опаздывать было нельзя:

— Возвращайся поскорее, — попросила жена, целуя на прощанье.

— Обязательно, — улыбнулся я, набрасывая одежду.

Ивир уже распорядился насчёт лодок, подготавливая их к отплытию, суетились мои воины. В этот раз я ограничился четырьмя сопровождающими, отношения с Зарнатхом были хорошие. Загрузив в лодки пару ящиков с новыми эликсирами и небольшую стопку шкур, мы отчалили. Медленно прощупывая воду и подозрительные выступы, мы поплыли по заливу. Из-за солёной морской воды подводные скалы тяжело было оценить правильно, казалось, что вон та непременно процарапает дно, но шест её не находил, а с другой выходило с точностью да наоборот. Именно поэтому гоблины так ни разу и не отважились прибыть за товарами по заливу, предпочитая узкое место — переход на краю Бездонных болот.

К вечеру лодки причалили к каменистым пляжам Зарнатха, неподалёку в лесу нас ожидали навесы для лодок, специально для нас построенные, уж что-что, а поставщиков товара сморщенные уважали. Затащив транспорт под крышу, мы забрали грузы и отправились к Горному городу. Идти пешком было долго, на троллях мы добирались за пару часов, но сегодня отчего-то гоблины не вышли нас встречать. Остановившись на ночлег в сосновом лесу, продолжили путь только утром. Ближе к полудню на горизонте возникли очертания трёх гор, меж которых жил князь. Только на подходе к входу нас остановили гоблины, наскоро был выставлен трон и вскоре вышел и сам хозяин восточных пещер:

— Приветствую, Эльф Под Горой, — крикнув, гоблин плюхнулся на трон. — Что тебя привело?

За зиму гоблин стал еще толще, и теперь сидел на троне с трудом, едва вместив зад в сиденье и навалившись на локотники[1] так, что казалось, те скоро треснут под его немалым весом.

— Здравствуют пусть твои земли, и ты сам, Светлый Князь, — поприветствовал хозяина восточных гор я, слегка склонив голову. — Я принёс новые эликсиры вам на пробу, более действенные, и немного шкур. Наш прошлогодний договор истекал весной, я пришел обговорить новый.

— Ясно, — безо всякого интереса оборвал мою речь гоблин, и, сделав знак придворному, велел раскинуть над собой навес от солнца.

С ответом он затягивал, под спину его подложили подушку и накинули навес, укрывшись от солнца, князь вновь посмотрел на меня так, будто только что вспомнил, что я тут стою. Это было крайне невежливо, я попытался скрыть недовольство, но даже по Ивиру было заметно негодование от такого приема:

— Так что на этот раз предложит нам Серый лес? — всё-таки спросил гоблин.

— Из нового только более сильные эликсиры, — сказал я, такое невежество злило.

— Ясно, — вновь повторился князь, оставаясь безучастным. — За новые могу предложить полсарта за склянку, раз уж они такие сильные, — едва не зевая, промолвил сморщеннолицый.

— Но ведь для обычных составов, что мы возим вам, цена в семьдесят сартин! — напомнил я, начиная терять терпение.

— Правда? — картинно удивился князь, — ну, в этом году точно невозможно, нет-нет, это очень дорого за простые снадобья. За такие дам десять, не больше.

— Десять сартин? — воскликнул я, прекрасно зная цену эльфийским лекарствам для покупателей, — это ограбление!

— Король Серый, не гневайся, что ты! — всплеснул пухлыми ручонками восточный князь, — год солнечный, урожайный. Светлый лес завалит нас предложениями, извиняй, с ними мы уже давно, а кто тебя знает? Правильно, никто. — Я сжал кулаки до хруста, пожалев, что не прихватил с собой больше воинов, иначе бы сейчас этот круглый гоблин не позволял такой дерзкий тон.

Заметив хитрыми глазенками мою злость, гоблин всё же немного напрягся:

— Хорошо, пятнадцать сартин за простые составы, и ни медяком больше, — великодушно оповестил он, предложение было сущим грабежом, даже за простые эликсиры покупатель отдавал полтора сарта и никак не меньше. — Но, если вдруг у вас, дорогой наш сосед, где-то залежалась ещё пара мечей, я готов отказать Светлому лесу, взять ваши составы в первую очередь и поднять цену... — прозрачно намекнул толстяк.

Теперь я понял, к чему было всё это представление. Даже без тех небольших заработков, что приносила сделка с Зарнатхом, теперь придётся отказаться, вернувшись только к земле и на неё же уповая. Если я не найду двадцать сартов золотом, мальчишку-мага отошлют из Мадиса сразу же по концу месяца, а если вдруг пророчество хорошей погоды окажется ошибкой, Теллирос получит голодную зиму, а в городе было столько детей... Но шахты открывать было нельзя, к тому же я обещал Дали.

— Наша дружба отменяется, Светлый Князь, — процедил сквозь зубы я и, развернувшись на каблуках, пошел прочь.

Никто не стал меня останавливать, видимо, разговоры о большом количестве лекарств из Светлого леса были не шуткой, в наших услугах более не нуждались.

Вернувшись домой, я потерял сон, не торопясь рассказывать беременной жене о своем провале. Ускользая от неё утром, допоздна обсуждал с Ивиrom и моими помощниками, что можно придумать. Выхода была два: открыть шахты и пойти на поводу у жадного восточного соседа, либо же попытаться доплыть с эликсирами прямо до Аландиса и там продать их подороже. Так мы впервые начали строить корабль.

Дело было нелегким, толстое дерево расклинивали вручную, ломая по длине, далее ещё на пару частей, понемногу отесывая из ствола длинные доски. Приходилось многое выбрасывать, доска могла треснуть сразу же или в самом конце, после шлифовки, и тогда почти недельный труд двух эльфов сводился к нулю. Но к лету у нас появился корабль: широкий парусник, что довольно глубоко входил в воду, но все же держался и плыл. Ивир вызвался первым опробовать путь в Аландис, однако только тогда мы поняли, что подводные горы не дадут тронуться кораблю от наших земель, пришлось потратить ещё месяц на прорубку пути. Тролли и эльфы работали кирками, стоя по грудь в воде, работа была тяжёлой. Я оставался с ними, теперь на моих ладонях появились крупные мозоли, руки стали грубыми, а кожа коричневой от солнца. Дали и остальные лекари трудились с рассвета до полуночи, отваривая эликсиры и подбирая новые, все хотели заработать и очень старались. Из-за того, что большинство мужчин занималось кораблем, а женщины с утра до ночи трудились на полях, на рыбалку отправлялись более-менее подросшие дети. Уловы падали, теперь права на неудачу в Аландисе мы потеряли.

Наконец, все было готово к отплытию, корабль поставили на воду и нагрузили диковинными шкурами тварей Чернолесья и самыми лучшими эликсирами. Я молился всем лесным духам, чтобы Ивир и мои эльфы удачно

доплыли до людских земель, на рассвете в розовых лучах солнца наш первый корабль тронулся от берега, вскоре растаяв на горизонте.

— Всё будет хорошо, эликсиры на борту превосходные, — заверила Даландин, обнимая меня, под синими глазами пролегли глубокие тени, она давно не отдыхала.

Прижал её к себе, осторожно поглаживая животик, морской ветер трепал волосы, нежной влагой касался кожи, корабль отдалялся, точкой мелькая в громадном восходящем солнце, в тот момент я был счастлив.

Прошёл месяц. Я вновь потерял сон, ожидая прибытия корабля. Я понятия не имел, сколько займет до Аландиса путь по морю, по узкой реке, что отделяла Ледяные земли от остального континента и дальше, огибая Зарнатх и Трольи горы. Казалось уже слишком долго моих эльфов нет. К тому же Даландин стала чувствовать себя плохо, сильно похудела и осунулась, нам нужен был маг.

Я выходил к берегу каждый день и смотрел на горизонт, ожидая найти белый парус. На все сарты, что выручат в этом походе, я решил выкупить мага из самого Свияра, в одной из академий согласились прислать человека даже за половину платы и дать время в полгода до оплаты оставшейся части.

Через неделю Дали слегла. Я не мог находиться с ней рядом и видеть её такой больной и слабой, знать, что ничем не могу помочь. Волосы, лицо и белая подушка, на которой лежала Даландин, были одного цвета, эликсиры не помогали, сутками над ней бдели лекари, сменяя друг друга, я же едва мог зайти на минуту, чтобы увидеть больную. Дали обижалась, синие глаза слезились, завидев меня, она тянула тонкие руки и не хотела меня отпускать, сжимая в слабых объятиях. Сбегая от неё, я молил духов убить дитя, что скоро лишит меня возлюбленной.

— Господин, — раздалось сзади, я оторвался от молитвы, — вернулись наши, — тихо оповестил мальчишка Ивира, по его тону понял— случилось недоброе.

Мраков корабль пошёл ко дну на обратном пути. Сарты, снасти, мечи, еда — все утонуло. Семеро моих воинов, что храбро направились в неизвестное море, погибли, вернулись лишь девять, кое-как спасшихся. Сын Ивира стал сиротой.

Я ушёл в лес и только к ночи остановился у древнего дуба, что могучей кроной подпирает самые небеса. Клинок чертил алую полосу на запястье, кровь полилась к подножью громадных корней, тут же впитываясь в сухую землю. Закончив с одной рукой, принялся вырезать метку на второй, я знал лишь одну руну — Вечного обещания. Когда-то эту метку вырезала мать, обещая мне, что я стану королём и клятва сбылась даже после её смерти, даже после стольких потерь, кровь, отданная в обещание, исполнила её волю.

Вместе с алыми каплями дуб забирал мои слова. Я поклялся сделать Теллирос богатым, ради всех сирот, которых сегодня стало больше, ради своей жены, что увядала в полумраке, не в силах подняться, ради верного друга Ивира, лежащего на дне моря, и всех тех эльфов, что уже напоили своей кровью эти проклятые земли.

На рассвете следующего дня я приказал своим оставшимся воинам собираться. Оседлав медведей, мы направились в Зарнатх. На приёме у короля гоблинов я без колебаний предложил ему сотню эльфийских мечей и, рассказал о сделке с восточным князем, что прошла в обход правителю Зарнатха. Голова жирного восточного князя оказалась у моих ног уже через два дня, когда королевское войско прибыло в Горный город.

Вернувшись в Теллирос, я приказал открыть шахты.

[1] Локотники — детали в стеле, кресле, служащие опорами для рук.

ГЛАВА 18. АРАКОС, МАДИС. НОВОСТИ

Табак был среднего сорта, чересчур резкий запах выдавал неправильную сушку, но сил на брань у меня к вечеру не оставалось никаких. Я сидел у приоткрытого окна за столом кабинета и набивал трубку. Щёлкнув пальцами, вызвал огненный шарик, тот послушно прыгнул в чашу, поджигая табак. Закашлялся только поначалу, вторая затяжка прошла мягче, в принципе табак был сносным, просто я давно не курил. Последний раз, наверное, года два назад, на пиру, устроенном графом северных земель, чтобы познакомить короля со своей дочерью. Даже вспоминать было стыдно, Мазирис напился, плясал на столах, потом обесчестил дочку графа, на утро, отказавшись жениться. Отогнав дурные воспоминания, от которых, наверное, и теперь мои щеки покрывал румянец, потянулся к бумагам. Открыл первый документ, что лежал сверху внушительной стопки, завтра с охоты возвращается свет нашего государства, надо было выбрать для подписи документы первостепенной важности.

Быстро пробегая глазами, раскладывал бумаги по стопкам: просьбы о помиловании, приказы казначейства, доклады сборщиков налогов, запросы графов на ремонт дорог и зданий, городские письма от советников с просьбами спонсировать какой-нибудь проект или муниципальное строение. Первым делом коснулся стопки с налоговыми отчётами. Подати немного упали, с тех лет, как эльфийские государства разделились, к нам стало поступать меньшее число учеников в Академии. В Сером лесу жилось не богато, только в последние пару лет дела понемногу пошли на лад, и я смог на полпроцента снизить налоговое бремя на жителей Мадиса, за счёт новых учеников из Теллироса. Но всё это было ничтожно мало, со времён правления Мазириса Третьего Золотого казна прохудилась значительно и скоро это станет заметно народу.

Потянулся к казначейским отчетам, в последние годы это было самым худшим мероприятием дня. Траты росли со скоростью огненных заклинаний: двадцать аршинов золочёной парчи и ценные меха, истраченные на пошив царской мантии, мрак ведает, какой по счёту за этот год; породистая кобылица редкой игреневой[1] масти вдобавок к ста тридцати уже имевшимся; пятнадцать орочьих борзых... Счета от портных, счета от конезаводчика, счета на содержание псарни, счета из конюшни, счета от одиннадцати домов содержанок Его Величества... Со злости швырнул бумаги, пыльным веером белые листки разлетелись по полу. Сумма набегала катастрофическая. И откуда брать сарты на погашения долгов? Ещё раз залезть в бюджет города? Но дороги не чинились уже четвертый год, жалоб поступало немало. Повысить подати? Точно не стоило этого делать, если я хотел сохранить себе должность Великого Канцлера и вообще, возможно, голову на плечах. Процент налога на гражданина уже составлял страшную цифру сорок семь, дальше уже заходить было слишком опасно.

Долго сидел в своём кабинете, подперев рукой тяжёлую голову, горестно пытаюсь что-то придумать, но в моей уставшей голове лишь проносились мысли о недостатке сна и отдыха.

Вдруг в окно что-то тихо стукнуло, дёрнулся от этого слабого звука, — нервы стали сдавать. Запутавшись в резьбе ставней, в стекло барабанила магическая записка. Приоткрыл окно пошире, дотянувшись, достал клочок бумаги, двое моих доносчиков просили срочной встречи. В другую ночь я бы непременно отправил их к мраку, но сегодня оставаться в компании счетов что, казалось, давили на меня почти с физической силой, было просто невыносимо.

Окинув ненавистный кабинет, поспешил в ходы. Холод и сырость пахнули в лицо, поправив плащ, поторопился надеть перчатки, чувствуя, что зря поддался на эту затею. В трактире ночью было полно народу, потому для тихого разговора слухачи предусмотрели центральный парк Мадиса, что располагался неподалёку от дворца. Обогнув громадный фонтан, изображавший сражение Аламирила Алого и Бариона Железного, спешил к более тихую часть парка, к зарослям маралиса. У душистых кустов, покрытых белыми цветами, стояли двое: тонкий невысокий маг ветра и здоровенная фигура в плаще, Маран мог и не оборачиваться, этот силуэт сложно было перепутать.

— Приветствую вас, господин, — пробасил азагур, — рад, что вы согласились придти.

— Ближе к делу, — небрежно оборвал долгие сантименты я, — что не могло ждать до утра?

— Я, господин, — потупил глаза маг воздуха, — неприятные новости, милорд.

— Какие? — я напрягся, за пятнадцать лет службы он такими словами не бросался.

— Сегодня в Свияре гвардия разгоняла толпу, люди протестовали против налогов, был убит сборщик из Гурии, его деньги украли, — начал маг, — ветер шепчет, что дела скоро дойдут до Мадиса, господин, народ очень зол.

Я поджал губы, вести действительно дурные, а если учесть неоплаченную стопку на столе в кабинете и вовсе становилось плохо. Дав указания магу, отпустил его с переживанием в сердце. Он был целиком прав, в Свияре народ был подальше от трона и то успел заметить, что дела с казной неладны, нужно было срочно найти сарты на строительство дорог, отремонтировать пару-тройку зданий и во что бы то ни стало остановить рост налогов. Настроение провалилось на самое дно, начинала болеть голова. Маран, мрачной горой нависал надо мной и не

спешил говорить, только больше раздражая меня. Обернулся к молчаливому азагуру:

— Какие у тебя вести? — поторопил желтоглазого я.

— Я завтра на рассвете опять уеду, — оповестил детина, — узнал, кто напал на деревню в Гурии, это были орки.

— Что?! — взвизгнул я, — и ради этой чепухи ты меня заставил бежать сюда ночью?

— Господин, я следил за восточной Гурией почти две недели, застал их у леса, неподалеку от Штостоля. Они напали на азагуршу и двух эльфов — молодого и совсем старого. Я помог им отбиться. Дело не в клыкастых, а в их оружии. У них были эльфийские мечи.

— Эльфийские? — воскликнул я, — ты совсем ополоумел или перепил? Откуда у такого отребья, как орки, золото на покупку этих мечей?!

— Господин, я знаю, что видел, — резко ответил Маран, ещё бы на полтона выше и его ответ можно было счесть дерзостью.

Я посмотрел на азагура, забывавшего своё место, но его слова, наконец, дошли до меня, всё это было чересчур дико. Орки, которые крадут азагуров и эльфийские мечи, двое странных эльфов, ползающих в Гурии... Какая-то буря надвигалась и сгущала тучи, а я не мог разобраться, откуда шло чёрное облако, это злило до безумия. Вдруг, меня словно поразило заклятьем:

— Двое эльфов в Гурии? — переспросил я, азагур кивнул, — молодой и совсем древний? — он вновь подтвердил мои слова. — Ты мраков идиот, Маран, ты что-то слышал про дела в Светлом городе? Нет? Так какой ты, к Гхусейману, слухач! — мгновенно раскинув руны, показал азагуру портрет принца Нарониэля, по удивленному выражению лица собеседника я понял всё без слов. — В Светлом городе сбежал наследный принц, а у власти сейчас его младший братец, ты хоть представляешь, какая награда назначена за этих двоих?! — мысленно я уже закрыл золотыми сартами половину счетов из стопки в кабинете. — Сегодня же отправляйся обратно, они вернее всего идут в Серый лес за помощью! Ну, почему стал? — азагур послушно развернулся и зашагал прочь, — эй, — окликнул я, — и про мечи уточни и разберись, за сарты у тебя в кармане ты не имеешь право на ошибочные доносы.

Азагур кивнул и быстро зашагал прочь, я тоже направился во дворец и до утра корпел над чтением бумаг и мыслями о странных событиях, происходящих в Дароне.

Едва рассвело, я тут же отправился на кухню. Его Высочество передал письмом, что во дворец возвращается в компании, а значит надо подготовить соответствующие кушанья. К тому же, пусть он будет сыт и доволен перед предстоящим разговором, ему вряд ли понравятся последние вести в Свияре. Протоптавшись на кухне около часа, отдал распоряжения Полю и отправился в свои покои, чтобы хоть немного поспать. Но едва я прилёт, в дверь постучали:

— Господин Великий Канцлер, наш светлейший король прибыл с гостями, он... — паж за дверью усиленно подбирал слова, — в растерянности и негодовании.

Мрак поглотил, спокойствие ко мне не приходило даже на минуту! Поднявшись на ноги, оправил мантию и поторопился за мальчишкой в обеденный зал. Ещё в коридоре раздался звон посуды, что падала на пол, Ваше Высочество опять что-то крушил, сделав глубокий вдох, я толкнул двери. В обеденном зале собралось с полдюжины дружков сиятельства, в разной степени веселости уже с утра, они вольготно разместились по залу так, словно он был их собственным. Бледный Поль стоял с подносом пирожных. На его переднике, рубахе и даже лице были пятна крема от тех сладостей, что минутой ранее в него запускали. Сидя мягким местом прямо на обеденном столе в центре разбросанных и растоптанных охотничьими сапогами кушаний, что я так старательно подбирал утром, восседал Его Величество:

— Аракос, я не доволен! — оповестил король, не растрчивая время даже на приветствия.

— Чем же, свет нашего государства? — терпеливо поинтересовался я.

— Я сегодня ставил на псарне своих борзых и знаешь что? — румянец покрыл его лицо, — я не нашёл там своих пятнадцать пегих орочьих борзых что между прочим, выписал ещё на прошлой неделе! — пирожное полетело в бедного Поля, — ты что, забыл оплатить то, что приказал тебе король?!

Забыв о всяких манерах, едва не заскрежетал зубами, выдержав паузу, чтобы успокоиться, ответил как можно мягче:

— Прикажете вашим благородным спутникам оставить нас, Ваше Высочество, у меня есть вести, что не терпят промедления и шуток, — высказался я, строго глянув на короля, такой взгляд обычно срабатывал.

Но только не в этот день. Король затрясся всем телом, мелкая дрожь билась его тощее тело, кулаки сжались:

— Что?! Ты смеешь мне указывать, что делать? — заорал Мазирис, побагровев полностью, даже шея его и грудь, что выглядывала из небрежно растрепанной рубахи, стали альми, — ты забыл, кто ты такой?!

Я не выдержал. Сорвался, быть может, впервые за тридцать лет службы во дворце:

— Я как раз помню, кто я! Пора бы и вам заняться делами, достойными короля! — прокричал я.

И тут кремовое пирожное влетело мне прямо лицо.

— Стража, увести канцлера в кабинет и запереть на три дня без еды, пусть поработает, как должен, раз уж он помнит, кто он такой! — заорал Его Высочество, меня тут же подхватили под руки, но не решились тащить.

Окинув испепеляющим взглядом стражника так, что тот разжал руки, я вышел прочь, не сказав больше ни слова.

Такого унижения я не испытывал ни разу в жизни.

Той ночью, лежа на полу в кабинете — ведь никакого места для сна он не предусматривал, — я рыдал. Не от какой-нибудь глупой обиды за унижение, нет! Я выл от бессильной злобы! Такой черной, густой и липкой, что сидела в сердце и удушливой жижей поднималась по легким, сжимая горло. Я, третий по линии рода Синерийский, древнего и королевского, вынужден терпеть и пресмыкаться перед абсолютно бесполезным созданием. Мазирис Третий Золотой, наследник первой линии, той самой, что стала первой волей случая. Когда-то давно его безмозглая прародительница села в карету к принцу по ошибке, вместо своей старшей сестры, назначенной в невесты наследнику Магикона. Если бы не эта злая шутка судьбы и смазливая мордашка прабабки Мазириса, на троне был бы я.

Но в Магиконе был один закон и это был мой шанс. Вскочив на ноги, я зажгёт магическое сияние и раскрыл секретер в поисках подходящих бумаг, меня обуревала жажда мести, желание расставить всё на свои справедливые места. В руки попались архивы платежных документов. Траты Мазириса, конечно, было легко доказать, но это едва ли было серьёзным аргументом для лишения родового титула — он далеко не первый король, что запускает руку в карман бюджета города.

Нужно было копать глубже и тщательнее, нужно что-то такое, что вызовет шок у князей и маркизов, которые будут созваны на совет, что-то, что сделает их решение однозначным. Сговор с врагами? Тайная продажа земель или ресурсов? Да, это было бы прекрасным поводом, вот только Мазирис был отвратным правителем и не делал ровным счётом ничего: ни хорошего, ни плохого, он только пил, буянил и транжирил.

Я остановился со стопкой сшитых счетов, рассматривая дату. Точно! Надо было копать не под этого болвана, что в жизни своей не сделал и одного правительского дела, а под его отца! Уж Мазирис Второй Темный точно имел грешки, в этом я не сомневался. Оставалось только отыскать их в архивах, ларцах, подвалах, людях и переписках.

А это лишь вопрос времени.

[1]Игрневая мазь — особый окрас, редко встречающийся в природе. При теле, окрашенном в тона рыжего и коричневого: от светлого до темно-шоколадного, хвост и грива лошади остаются белыми.

ГЛАВА 19. ТЕЛЛИАРОН, ТЕЛЛИРОС. РУДНИК

Спустя пять лет...

Маниэль вертелась на руках, не желая сидеть и пяти минут, цепкие ручки схватили мои волосы, чтобы сравнить со своими. Малышка улыбнулась, влюблено глядя на меня. Синие глаза Дали теперь смотрели на меня из маленького тела, от меня же дочери достались черные волосы, которыми она так гордилась. Атрикарм — маг, что прибыл к нам пять лет назад из Мадиса, — протянул руку к дочери, чтобы увести ее к Даландин. Жена со мной больше не разговаривала.

Как только я велел открыть шахты, в Теллиросе у меня не осталось друзей и тех, кто меня любил. Только несмышлёное дитя улыбалось мне, не разбирая, каков был поступок отца и маг, что следовал за мной по следу, пока оставалось в моих карманах золото.

Триста восемьдесят мечей лунной стали и пятьдесят умерших, семь с половиной мечей на одну эльфийскую жизнь. Вчера Даландин сама приводила дочь и опять просила закрыть шахты, не желая понять простую истину: город, что разросся втрое, живёт исключительно на руде. И если не погибнут десять в год, погибнет сотни в следующую зиму. В Серый лес всё больше пребывали эльфы: кто-то из Светлого леса, кто-то был рожден в других землях и, услышав о безопасном городе, где раздают дома и сарты каждому новопривывшему, приезжал в Чернолесье.

Но никто не желал признавать, что за золото, что теперь появилось в Теллиросе, за монеты, что превратились в мощные сторожевые башни, за забытые едой кладовые и десяток магов надо платить кровью. Все предпочитали меня ненавидеть, однако не отказывались переезжать за безопасную каменную стену, что росла вокруг Теллироса и есть еду, что ждала их в новых прекрасно сложенных домах. И лишь на похоронах эльфы Серого леса стенали, тихо насылая на меня все проклятья, что знали. Но я не знал остановки, кровь должна литься в эту землю, по-другому из неё ничего не росло. Мой перст каждый сезон проходил по списку жителей, отправляя выбранных в рудник, сначала это были старики, после женщины и подростки, мужчин я отправлял на смерть не часто, только если те открыто меня ненавидели, скоро их руки пригодятся в другом деле.

К тому же, договор с гоблинами теперь нельзя было разорвать, колесо крутилось без остановки. Прошлой весной к нашим стенам пришла армия сморщенных, как я и предполагал, гоблины решили захватить мою руду, но воинами были никудышными. Дать отпор с таким малым числом воинов было сложно, мир с западом был хлипкий, болтаясь на честном слове короля гоблинов, и новый контракт едва ли надёжно скрепил нас с Зарнатхом. Мы отдавали им большую часть заработка от мечей, а они продолжали сохранять тайну от более сильных соседей, нападения которых Теллирос пока не выдержит. Все искали, откуда вдруг у гоблинских торговцев по всему Дарону начали появляться столь прекрасные мечи, торговцев пытались подкупить, даже похищали. Но ничто не делало слово гоблина таким твердым, как добрая гора золота в кармане, а уж в том, что гора в кармане короля Зарнатха и впрямь была большой, я не сомневался. Даже за меньшую часть, что доставалась Теллиросу за мечи, город начал расти, как посевы под заклятьем, росло и число узников рудника.

Так не могло продолжаться долго, я силен придумать новый план, а Зарнатх присылал всё больше заказов на мечи. Некоторые эльфы пытались сбежать из Теллироса, чтобы в следующий сезон не попасть в список смерти, в ответ я запретил покидать город. Всякого, кого ловили маги или наёмники-орки за стенами, я закрывал в рудниках навсегда, показательно мучая голодом, если строптивец вдруг отказывался исполнять работу и приносить к решёткам сверкающие камни. Та же участь ждала всю семью беглеца. После троих наказанных, желающих покинуть город стало меньше, а ненависть ко мне — больше.

Оставалось немного потерпеть, чтобы наладить дела, минуя сморщеннолицых. Я велел укреплять стены, сгоняя весь город от мала до велика на стройку, если мы продержим тайну рудника ещё хотя бы год, гоблины нас уже не напугают. Наше золото превращалось в громадную серую стену с магическими артефактами, что по моему приказу закупались в Мадисе и встраивались прямо в стены города-крепости. За оградой мы продолжали расти: улицы, дома, торговые лавки, кузницы и аптеки, тайные подземные ходы, что начали копать тролли. Эльфийки и далее были обязаны рожать по многу детей, я щедро раздавал монеты каждой, что принесла нового гражданина, и никогда не отказывал в помощи и еде для юных жителей. Будущее было лишь в тех, кто сможет позабыть, на чьих костях вырос Теллирос, и подчиниться мне как когда-то сделали их родители.

Я сидел в тронном зале со списком смерти в руках и решал, кто должен сменить рудокопов, что работают уже сезон и теперь почти умирали от шахтовой болезни. Симптомы её были просты: сначала небольшие язвы, потом несчастный лысел, а нарывы становились всё больше, поражая тело даже изнутри, пока их носитель не умирал в страшной боли и муках, отплевывая кровь. Болезнь подхватывалась уже через месяц в шахте, я приказывал лекарям готовить пьянящие составы для рудокопов и раздавать ежедневно, так, невзирая на боль, эльфы могли ещё поработать два-три месяца. На смертном одре, когда копатель выходил из шахты, ему так же предлагали эликсиры,

лекари постоянно придумывали новый способ борьбы с болезнью, но большим спросом у бывших рудокопов всё равно пользовались яды.

— Светлый Король, вашей супруги нигде нет, — оторвал от размышлений Атрикарм, что вернулся с дочерью. — Я отправил за ней.

Маг был приставлен к моей дочери круглые сутки как охрана, он берёт её хрупкое здоровье и лишь благодаря ему Даландин родила и не умерла в то проклятое лето, когда в Ледяном море утонула наша последняя надежда. Но и это жена предпочитала не видеть, брезгливо отворачиваясь, увидев меня.

Маниэль она тоже не любила. Никогда ранее я не подумал бы, что моя Дали, моя хрупкая нежная лекарша, способна так ненавидеть. Атрикарм не раз говорил мне, как она плохо обращается с малышкой, как оставляет одну в слезах, не желая утешить, как нехотя она брала на руки её младенцем и только тогда, когда маг не выдерживал и делал замечание. Но кроме Дали и мага я больше никому не доверял ребёнка, город ополчился на меня и ненавидел.

Даландин вчера приходила ко мне, опять просила закрыть шахты, а сегодня вот куда-то пропала. Размолвка с ней ранила меня только в начале, было тяжело лишиться единственной поддержки, но с каждым днём я старался нуждаться в одобрениях меньше, размышляя, как выполнить Вечное обещание и приди к общему благу, а не вновь губить подданных напрасными попытками выжить.

Маниэль вновь тянула ко мне руки, что-то возмущенно бормотала под нос, не желая оставаться у Атрикарма.

— Присоединись к поискам, она пусть останется тут, — распорядился я, взяв дочь на руки.

Маг поспешил исполнить приказ, покинув тронный зал:

— Ничего, Маниэ, слушай отца и расти. В Светлом лесу растут два принца, лучший заберёт тебя и там тебя все полюбят. Светлый лес будет твоим, я тебе его подарю, — беседовал с дочерью, малышка внимательно слушала.

— Знаю папочка, я тебя всегда буду слушаться, — уверяла дочка, я улыбнулся, поглаживая мягкие волосы.

Вдруг дверь в тронный зал распахнулась, с грохотом ударившись в стену. К нам вломились трое с мечами, на улице раздавались крики и звон стали, Маниэ заплакала. Оттолкнув дочь за трон, я схватился за оружие, завязался бой. Трое эльфов были моими же воинами, которых я берег, не отправляя в шахты. Выпад и я ранил одного, но второй успел в ответ пронзить мое плечо, увернулся и ответил, но тут же подоспел третий, силы были не равны. Я вертелся и отпрыгивал, отбивал выпады и старался напасть сам, потеряв счёт попыткам, вступал в бой то с одним, то с другим.

— Брось оружие, Рудный король, иначе я убью её! — раздалось сзади, раненый солдат схватил мою дочь, приставив к её шее меч.

— Ты не посмеешь, — прошипел я, сверкая глазами.

— Ты же убил моего сына в шахте? Вот и я могу! — я бросил меч, со звоном сталь коснулась каменного пола, но солдата это не остановило, он занес оружие над головой Маниэ.

В то же мгновение боль пронзила грудь, воздух сжался, не в силах пройти в легкие, я глотнул его ртом, но ничего не вышло, он застрял. Схватившись за острие, что торчало прямо в моей груди, я приготовился умереть. Как вдруг ослепительная золотая вспышка ворвалась в зал, казалось, глаза вмиг ослепли, и лишь когда зрение вернулось, я понял, что это ворвались маги. Бунтари были пойманы, Маниэль надрывалась от плача на руках Антрикама, но осталась цела. Ко мне тут же прислали лекаря, пусть и нехотя, под надзором магов он обработал рану, меч прошел сквозь левое легкое, ещё немного и пострадало бы сердце. Живительный порошок оказался бесполезен: нападающие заранее готовили для меня смерть, пропитав клинок специальными составами. То, что я выжил, было чудом. Теперь, при дыхании я издавал свист, это было даже смешно, если бы не было так больно.

— Кто взбунтовался? — тихо спросил я, как только пьянящий эликсир, что давали рудокопам, подействовал.

Присутствующие как-то странно переглянулись, как бы решая, кому сообщать новость:

— Одиннадцать воинов и несколько женщин, а помогала во всем ваша жена, господин, — оповестил меня Антрикарм.

— Даландин? — во мне смешалось столько чувств, что я едва смог говорить.

— Да, — подтвердил маг.

— Всех в шахту, — распорядился я, закрывая глаза.

Намёк был понят и меня тут же оставили одного, в груди разверзлась пустота, размером с Дарон. Я не мог поверить, что моя жена сделал это. То, что мы не виделись с ней месяцами, и она ненавидела меня, я знал и мог понять. Ночами, иногда лежа без сна после похорон очередного рудокопа я понимал её и любил ещё сильнее за это противостояние, за эту борьбу за жизни умирающих без времени. Свою смерть я бы простил ей сразу же, но Маниэ... Горло сдавил ком, боль в груди теперь не от клинка сжимала сердце стальной хваткой. Я не проронил ни единой слезы, даже когда хоронил мать, но в ту ночь единственный раз в жизни я рыдал, как младенец.

На рассвете Антрикарм пришёл с дурными вестями: Дали покончила с собой. На глазах у всех, проклиная меня, распорола живот. Невзирая на боль такой силы, что казалось, будто меч до сих пор торчит в легком, я велел

магу поднять меня и надеть. Антрикарм пытался отговорить меня, но взглянув в мои глаза, умолк. Облачённый в корону и багровую мантию, я медленно пошел к дверям, каждый шаг отдавался болью, тело покрылось испариной, но я оттолкнул руку мага. Народ Теллироса был на грани, жители города окружили мой дом, не желая уходить, выкрикивали проклятия и требовали правосудия, их крики проходили даже через дубовые двери, наполняя тронный зал невыносимым гулом. Выпрямил спину и открыл дверь, гордо взглянув на орущую толпу.

На мгновение воцарилась звенящая тишина, а потом словно рой пчел врзался в воздух, эльфы с перекошенными от злости лицами, кричали словно безумцы, от расправы меня защищали лишь наёмники-магиконцы. Я подал знак магу и тот, раскинув руны, бросил заклятие тишины, тут же заставив всех заткнуться. Слова давались мне с трудом и болью, но я должен был это сказать, а дальше будь, что будет:

— Не знаю, ведёт ли кто-то среди вас подсчёт, но я веду. Осенью будет шестнадцать лет, как я и мои верные подданные сменили Светлый лес на Серый. Их была всего сотня, сотня взрослых и двадцать семь детей, — слова вылетали со свистом, было тяжело стоять, я оперся на меч, сильнее вдавив его в землю. — За первые три года умерло двадцать четыре взрослых и трое детей, дальше — больше. Сейчас из тех, кто шёл за мной через Бездонное болото, здесь только девятнадцать. Как только мы вступили в Чёрный лес, эта земля требовала крови. И мы поливали этот песок ею каждый год. Оглянитесь, — я указал рукой на улицы каменного Теллироса, — города во все века росли на чьей-то крови, мне жаль, что эти стены выросли на крови тех восьмидесяти, что были достойнее вас. Мне жаль, что моя жена не поделила участи народа, который так яро защищала, трусливо убив себя. Теперь вместо неё в шахту уйдет невинный. Он умрет, как пятьдесят эльфов до него, добыв руды всего на семь с половиной мечей. Но каждый раз, когда вы войдете в свой каменный дом и поднесёте ко рту кусок, помните: этот дом, этот хлеб выросли на крови рудокопа, и лишь благодаря ему вы и ваши дети переживёте зиму. Я помню все пятьдесят имен, надеюсь, каждый из вас — тоже.

Развернувшись, я покинул глазающую толпу, заклятие тишины было лишь кратковременным, но даже теперь никто не посмел меня перебить.

Семь лет спустя...

— Мой господин не любит вопросов, или ты не доволен золотом? — оттеснив любопытного орка подальше от меня, спросил Атрикарм.

— Говорят, у твоего хозяина водиться кое-что получше золотишка, — осклабился орк, — хорошее оружие в наших землях получше любой монеты будет, — прозрачно намекнул он.

Маг взглянул на меня вопросительно, скрывать более смысла не было, клыкастый понял, кто перед ним. Отбросив капюшон, я взглянул на него:

— Эльфийский меч — ценная награда, — согласился я, — не грех такую отдать за двадцать пленных.

— Услышат вас Боги, это же азагуры! Десять, никак не больше, — возмутился орк.

— Восемнадцать.

— Ну, может двенадцать еще так-сяк, — торговался амутгатец.

— Пятнадцать и ни одним меньше, — твердо заявил я.

— По рукам, — и орк протянул свою когтистую лапу.

— Вот ещё, — окликнул я собеседника, тот обернулся, уставившись черными глазами, — если ты действительно князь этих земель, уверен, ты сможешь найти драконье яйцо. Ведь когда-то именно орки выводили лучших ящеров.

Клыкастый сверкнул глазами, прикидывая, сколько же можно запросить за столь редкий товар.

— Если не поскупишься на задаток, найду, — просипел он, потирая руки.

— Хорошо, — улыбнулся я, и вытащив меч из ножен, отдал орку, — но, если не найдешь, я заберу задаток из твоего мертвого тела.

— Справедливо, — хмыкнул орк, жадно вцепившись в меч, лунная сталь отблескивала в его глазах, он смотрел на меч с таким благоговением, будто увидел чудо.

Хорошие воины всегда знали цену хорошему оружию, а уж орки едва вылуплялись, сразу хватались за мечи. Потому я знал заранее, что захотят клыкастые, прихватывая с собой пару-тройку клинков лунной стали. Толкнув медведя в толстые бока, направил животное обратно. Мы с Атрикамом направились к болотам, сделка состоялась хорошо, как и все предыдущие.

Уже давно Амутгат снабжал нас рабочей силой, стоило всего лишь пойти на маленькое преступление и дела в Теллиросе пошли в гору: теперь в шахтах, закрытых толстыми решетками, работали бессмертные азагуры. Правда, мороки с ними было много. Мало того, что приходилась после каждой смерти выгаскивать их из шахты и давать перерыв в пару дней, так ещё эти зловредные создания постоянно норовили сбежать. А уж каким словам они научили местную ребятню!

Но, несмотря на все неудобства, это было замечательной идеей. Однако вскоре должна быть готова новая пещера: в внутренней части будут содержаться рабы, отгороженные от поверхности тоннелем с горными троллями, так что выбраться из такой пещеры будет трудно — через голодного горного проскочить почти невозможно, а уж когда тоннеле их не один десяток, то и подавно. К тому же, новая пещера будет большая, вытаскивать на поверхность аспидов больше не придется, отлеживаться и перерождаться рабы будут там же.

Когда-то на эльфийку у наших стен напали трое змеиных, мои воины поймали насильников и отправили в шахты. И тогда я решил на это. Сначала пробовал покупать их время: в грязных трактирах мои люди завлекали азагуров на работу, но такие работники быстро понимали, что золото того не стоит и уходили. Тогда я и связался с орками. И хоть клыкастые были неприятнейшими бесчестными типами, за золото и мечи они справлялись со своей работой вполне сносно, понемногу пополняя армию рабов.

Мои планы двигались дальше, я хотел расширять Серый город. А на это нужны были деньги и азагуры. Для того, чтобы получить больше азагуров, нужно было просто взять их в Гурии. Однако, «просто» взять драконьих не выйдет, воинами они были прекрасными даже в том виде, до которого сейчас докатились. Потому было решено перед походом для начала найти дракона, ящеры росли быстро, всего три-четыре года и в моих руках будет такая сила, что Гурия будет содрогаться.

Всего было роздано двенадцать мечей, все, как один, орки просили задаток, и я раздавал его с легкостью. Кто-нибудь из этих болванов непременно отыщет яйцо или того, кто что-то слышал о яйце. К тому же, этот заказ приняли гоблины.

С Зарнатхом, правда, наши отношения разладились еще три года назад, когда я отправил партию мечей напрямик по морю до Асестима и продал за такие деньги, что раньше и не снились. Тогда король гоблинов разорвал все договоры со мной и запретил любые сделки с Серым Лесом. Но жизнь эльфа дольше гоблина. Старый король умирал, воля его, как и власть, ослабла. Уже как полгода сморщеннолицые тайком приползают в Теллирос и за эликсирами, и за шкурами и вообще за всем, что я согласен продать. Скоро власть в Зарнатхе сменится и новый договор не за горами.

Стены Теллироса были видны издали, спускаясь по холму, среди макушек елей, уже возвышались дозорные башни. Город вырос в исполина, жителей становилось больше с каждым месяцем. Дела в Светлом лесу, с их жалкой торговлей эликсирами, шли кое-как, и только пока я не закрыл их попытки торговать полностью. Когда Гурия падёт, и количество стали станет больше, я во всех контрактах пропишу в обязательном условии отказ от эликсиров из Светлого леса. Многие это понимали уже сейчас. К воротам Теллироса каждый день если выйти на рассвете, обязательно приходила телега с пожитками, а то и не одна.

Ко мне переехали все кузнецы, которые в Светлом лесу давно не имели доходной работы, перетянув семьи и всю родню. За ними потянулись маги и маги-эльфы, каждого я встречал с распостёртыми объятиями, выдавая дом и двадцать золотых, а главное, ничего не спрашивая об их прошлом. И земли Чернолесья стали давать урожай столь хороший, что Асестим послал к нам корабли в прошлом году за пшеницей.

Потеряв Даландин, я больше не женился и не хотел детей, одна дочь, что слушалась и подчинялась безропотно, меня вполне устраивала. К тому же у моего дорогого брата Визаальта, имелся замечательный пример. Этот идиот догадался зачать двух сыновей, теперь, они подрастают в беднеющем государстве, где не хватит места двоим. Я лишь ждал, когда братья сцепятся, как мы когда-то, а уж в том, что это случится, никто не сомневался. Младший сын Визаальта рос диким, словно тугун. Мои слухачи рассказывали, как будучи совсем малым, мальчишка чуть не заколол старшего из-за игрушки, имей такого сына я — я бы усмирил его и направил. Но у Визаальта не хватит на это духа, оставалось только дожидаться, когда битва за трон разыграется, и тогда я буду в первых рядах созерцать, как умирает Светлый город, жевать брогу, запивая лучшим тихарийским вином.

— Господин, послать весточку сморщенным? — спросил Атрикарм, вспоминая мое прошлое поручение.

Маг стал моим заместителем, и я ни разу не пожалел. Атрикарм исполнял все тихо и никогда, ни о чем не болтал даже со своими жёнами. Стоит сказать, я отрёкся от традиций Светлого леса о браке до смерти, в моем городе было разрешено и многоженство и многомужество — все были счастливы.

— Нет, подождем неделю, после следующей Луны, я уверен, будем уже разговаривать с новым королём, — Атрикарм согласно кивнул.

Король гоблинов был совсем плох, вчера я отправил к нему двоих опытных лекарей с лучшими эликсирами, проклятый старикан не желал мириться со смертью, щедро раздавая самоцветы и золото за каждый прожитый день, а я не видел ничего дурного в том, чтобы хорошенько подзаработать. Ведь когда-то и он неплохо имел с моих людей, которые умирали в шахтах из-за его угроз разстрелять по Дарону об эльфийской руде. И положила руку на сердце, его кончины я ждал с удовольствием.

Стража, увидев меня ещё издали, распахнула ворота. Похоже, пора было придумать лучшую маскировку для встреч на болотах, чем черная мантия с капюшоном. Медведь медленно и важно ступал тяжёлыми лапами по мостовой, ещё пару лет назад я думал закупить оленей или лошадей, но после того, как мой медведь разорвал

четверых орков, что решили забрать награду до выполнения работы, я стал уважать "транспорт" гоблинов. Атрикарм же ехал на рыси, животные гоблинов быстрее бегали, но я не любил избегать боя, предпочитая доводить его до конца.

К тому же, мои советники недавно придумали, как облегчить войну с Гурией, оставалось только немного подождать и подготовиться.

ГЛАВА 20. АРАКОС, МАДИС. ШКАТУЛКА

— Раздумья пошли тебе на пользу, — констатировал Его Высочество, довольно поглаживая сытое пузо.

— Размышления имеют свойство идти на пользу всем, свет Магикона, — парировал я, делая знак слугам.

Лакей тут же сменил тарелки второго блюда на десертные. Перед королем выставили сразу семь десертов, опасаясь не угадать с его сегодняшними пристрастиями. На днях он казнил садовника за остриженный не по его вкусу куст, придворные находились в трансе после моего трехдневного заключения в кабинете без пищи, а случившееся вчера и вовсе запугало их до безумия.

— Ты прав, Аракос, — причмокивая губами, измазанными в креме, согласился Его высочество, — думать полезно. Я вот тоже подумал и решил, что надо жениться.

Я не поверил своим ушам, но вспомнив, кто передо мной, тут же насторожился.

— На ком, Ваша светлость? — вкрадчиво поинтересовался я, подав королю ажурную салфетку.

— На девушке, что за глупый вопрос, Аракос! — негодовал Мазирис, небрежно швырнув ажурную салфетку на пол.

— Я думал, что выбор ваш уже сделан и хотел знать, кто счастливица, — пошел на попятную я, тоже прекрасно помня случай с кустом и садовником.

Злить после таких вспышек Его Высочество ещё неделю было делом крайне непредсказуемым и опасным.

— А-а, — протянул король, придвигая к себе следующую креманку[1], — нет, я не выбрал пока. Может Анжелиссия? — у меня от этого имени чуть не перекошило лицо.

Анжелиссия была одной из любовниц короля, безродная пошлая девка, совершенно не одаренная магией, грубая и бесполезная. От одного только представления ее на троне, мне стало плохо. Собравшись, я постарался высказаться мягко:

— Анжелиссия, безусловно, неплохая кандидатка, но извинит меня свет Магикона, для вас не лучшая, — высказался я, Мазирис уставился на меня вопросительно, нужно было срочно смягчить высказывание, — она ревнива. Помните, как она скандалила, когда узнала, что не единственная у вас?

— Точно, ты прав, — кивнул головой король, — тогда кого?

— Думаю, я мог бы созвать бал с наиболее подходящими претендентками, — намекнул я, пытаюсь взять инициативу в свои руки.

— Нетушки, — ответил король, отталкивая креманку столь грубо, что чашка перевернулась, расплескав по скатерти содержимое, — я помню, какого крокодила ты пытался мне подсунуть! Ту, дочку какого-то там графа, — припомнил он.

— Не какую-то там, Ваше Высочество, а дочку графа Амантрийского, того самого, кому принадлежит Свияр, — пояснил я, — вам же понравился этот город? Так вот он был бы ваш абсолютно, если бы вы смирились с внешностью его дочери.

— Нет, Аракос, прекрати! — щеки правителя порозовели, дурной знак. — Не надо мне уродин, фу! Собирай бал, но перед тем, как туда кого-то позвать, покажи мне портреты их дочек, — приказал король.

— Ваше Величество, но остальные ведь могут обидеться, если не получат приглашение, — намекнул я.

— А мне не обидно будет смотреть на страшилищ в бальных платьях? Обо мне ты подумал?! — взревел Мазирис.

— Как скажете, Свет Магикона, значит, сначала покажу девиц вам, — тут же отступил я, похоже, спорить сегодня было все равно что дразнить тугуна.

— Правильно, Аракос. А то опять велю тебя закрыть в кабинете! — пригрозил грубиян.

Идея была плохая: пригласить одни знатные имена, минуя другие. Такие вещи запоминались надолго и таились в семейных планах годами, пока не выходили на свет прекрасно подготовленной, охлажденной и вызревшей местию. Именно так погиб дед Мазириса, из-за давнего отказа в титуле для бастарда, соратник короля и влиятельный граф Южной башни отказался направить свои войска на помощь королю, когда на границы Магикона покушались азагуры. Тогда Мазирис Первый и был смертельно ранен, проиграв битву с Барлионом Железным, чуть позже пали Свияр и Мадис, а самое обидное, что из-за одной глупости недалевого правителя Магикон лишился всех драконов, на многие годы утратив былое величие.

Однако предков Мазириса Первого это ничему не научило и теперешний король, и его отец не особенно дорожили отношениями со своими подданными, взять к примеру хоть смотрины в северных землях, что провалились со скандалом два года назад. Я же, как канцлер сделал всё, что мог, видят боги, отговорить его высочество я пытался, но, похоже, обид подданных было не избежать. Теперь если всё покатиться к гхусейману, то пусть хотя бы не по моей вине.

Тем же вечером, похлопывая ляжки от нетерпения и беспрестанно ерзая на стуле, Мазирис отбирал девиц.

— Слишком жирная, — воскликнул король, я бросил следующую руну, — а эта лопаухая, и нос длинный, фу. О, а вот эта ничего, ну-ка, покажи ближе! — скомандовал остолоп, абсолютно не знакомый с работой смотрящей руны.

— Ваше Высочество, сие невозможно, — мягко осадил я, — девицы предупреждены о смотринах, они сами выбирают, что и как хотят показать.

— Ах, так! А вдруг она со второй стороны кривая, глянь, она только боком поворачивается! — кипятился Мазирис.

— Графиня Астрианская, ее матушка, весьма недурна собой даже сейчас, в её возрасте, не думаю, что её дочь кривая, — саркастично заметил я, Его Высочество напрочь не запоминал ни лица, ни титулы своих ближайших придворных.

— А вдруг у неё смех противный? — беспокоился король, — или она чавкает?

— Свет Магикона, это мы с вами узнаем на балу, для того и собираем благородных барышень, — терпеливо пояснял я.

— Ладно, оставляй эту, — сдался король и я вызвал следующую руну.

Только к полуночи кандидатки были отобраны и утверждены, бал был назначен на следующее воскресенье. Высочество завалил меня бестолковыми поручениями, а сколько всего ещё предстояло сделать важного!

Вздremнув всего два часа, я поторопился написать текст для приглачительных, после переделал пару раз. Наконец, убедившись в верном посыле, раскинул руны и начал отправку магических писем, каждый раз вынимая из сундука нужную вещь. Выудив со дна перстень с горным хрусталем, отложил его в сторону, написать северному князю после того, как Мазирис опозорил его дочь, я не рискнул.

На кухне кипела работа ещё со вчерашнего вечера: повара не ложились спать. Без конца нарезаая, шинкуя и фаршируя, обжаривая и выпекая, охлаждая и разогревая. Запахи десятков блюд для предстоящего торжества смешались тут в один, без конца мимо проносились повара и их помощники, каждый что-то доделывал, и по озабоченным лицам было видно, как они заняты.

Я отхлебнул горячий чай и обжог язык, оставив чашку с травяным настоем, поспешил проглотить тарталетку и встать из-за стола.

— Господин Канцлер, вы уже уходите? А как же омлет, вы ведь ничего не съели! — всплеснул руками главный королевский повар.

— Нет, Поль, сегодня я буду сыт по горло, — усмехнулся я.

— Как и все мы, — согласился он с улыбкой.

Покинув кухню, что напоминала растревоженный улей, отправился в бальный зал, чтобы распорядиться расстановкой цветов. Цветочник опаздывал, из-за чего пришлось провозиться дольше, чем я рассчитывал. Гирлянды с живыми розами — белыми и кремовыми, — взмыли под воздушными заклинаниями вверх, слуги приняли ленты, увязав цветы на балкончиках. Наконец, под потолок взмыло украшение из сотен белых лепестков и нежнейшей газовой ткани. На часах пробило половину шестого, распорядившись насчет натирания полов и расстановки хрустальных бокалов, отправился к себе. Всё-таки даже в таком бешеном ритме работы нельзя было забывать о себе: Великий Канцлер должен выглядеть безукоризненно.

Тёплая вода уже ждала меня в каменной ванной чаше. Раздевшись, опустил в воду и только теперь ощутил, как сильно устал за последнюю неделю. Мало того, что как обычно приходилось решать все вопросы с подготовкой самому и постоянно выслушивать Его Светлость, так ещё и частые доносы моих слухачей. Благодаря их бдительности позавчера удалось вовремя разогнать толпу, что собралась вокруг сборщика подати для Гурии. События Свяира постепенно перекидывались в столицу, помогала только наша бдительность. Жаль только, зачинщики разбежались, но я предпринял все меры, чтобы в следующий раз им не удалось скрыться, оставалось только немного подождать, а в том, что нападения повторятся, к сожалению, не приходилось сомневаться.

Струи воды взмыли вверх, опутав меня, словно змеи, ласкали и укрывали уставшее тело, подчиняясь каждому моему заклинанию. Здесь, в Мадисе, вдали от большой воды с моим даром приходилось нелегко, разве что удавалось провести время в ванной приятнее других, устроив себе массаж. Но там, где воды было достаточно, маги воды, такие как я, ценились на вес золота. Да, из меня мог бы получиться отличный водник, но судьба распорядилась иначе, наградив работой, которая не оставила времени ни на что более. Семьёй я обзавестись не сумел, да и что говорить, даже на мимолетные интрижки времени не хватало и женщины появлялись в моей жизни разве что пару раз за год, точнее, я предпочитал сам появляться в их жизнях и вовремя уходить. Струя воды превратилась в ладонь, нежно поглаживающую мою голову, я, наконец, расслабился и немного отдохнул. Умывшись, вышел из ванной. На кровати уже ожидала моя парадная черная мантия, шитая золотом и бархатом. Облачившись, надел золотой медальон с фамильным гербом Синерийских — ветвистым деревом, что сплеталось

корнями и ветвями в символ благоденствия и цельности. Как жаль, что столь прекрасный герб красуется лишь на моей груди и где-то в далеком старом замке на самой границе с тихарийскими полями, где жила моя мать.

Оглядев себя в зеркало, остался доволен: длинная борода, украшенная миниатюрным колокольчиком, темные волосы с благородной проседью, мантия, что скрывала мой слегка выпирающий живот, в целом силуэт выглядел массивным и внушительным.

В зал уже прибывали первые гости, я отправился всех встречать и приветствовать, без конца пожимая руки и улыбаясь. Отцы и матушки сопровождали молоденьких и не очень дочерей. Родители предпочитали держать их под руку, не отпуская слишком далеко, похоже, бал в северном королевстве был всем хорошо известен. Когда гости прибыли практически полностью, я велел притушить свет — Его Величество любил появляться эффектно.

Едва в зале воцарился полумрак, вверх взмыли голубые мотыльки, сотканые из магического сияния, гости ахнули, под восторженные возгласы, перешёптывания и вздохи к нам спускался Мазирис Третий, облаченный в мантию небесного цвета. Мотыльки закружились вокруг короля, и понемногу исчезли, увязая в волнах голубого бархата. Придворные маги воздуха постарались на славу.

Оркестр заиграл вальс, нежная мелодия лилась, заполняя пространство шорохом бальных юбок и тихим топотом десятков пар ног, что закружились в танце. Его Величество пригласил сначала одну даму, затем в танце сменил партнершу несколько раз. По восторженным вздохам присутствующих здесь девиц я понял, что король им по нраву и облегченно вздохнул, уже представляя себе пышную свадьбу с кем-то вроде дочери графа Амантрийского.

После танцев повара пригласили гостей к столам, началась праздничная трапеза. Я контролировал Его Высочество, отставляя подальше вино, но всё же меня отвлекли на кухню на полчаса, а когда я вернулся, понял, что опоздал. Король уже успел опустошить графин тихарийского и пододвинул к себе второй, сально осматривая декольте близко сидящих девиц. Отчетливо припоминая, что следует за подобными взглядами, оттеснил девицу и уселся между королем и пленившей его грудью. Мазирис хлебал вино почти не останавливаясь. Я подал знак, и слуги притушили свет ещё больше, в надежде, что никто особенно не заметит состояние короля, к сожалению, мягкий свет лишь раззадорил распутника. Стукнув кубком по столу, Мазирис собрался сказать тост, я вовремя успел усадить его на место.

— Ваша Милость, все уже немного пьяны для тостов, давайте не будем утруждаться и просто повеселимся, — пытался отодвинуть катастрофу я.

Мазирис уставился на меня ословелым взглядом, что-то соображая в тугой от такого количества вина, голове. Наклонившись ко мне, он пробормотал заплетающимся языком:

— Ну и бал, просто праздник уродцев, Аракос! Как ты мог меня обмануть! — воскликнул он чересчур громко, я опасно осмотрелся по сторонам.

— Прошу вас, тише, Ваша Светлость, гости могут нас услышать, — предупредил я.

— Ты что, меня не понял? — пробормотал король, — так я сейчас накажу тебя. Эй! — он вскинул руку вверх, все взгляды переместились на него, — ярче свет, что за подземелье! Ты, — в разгорающемся свете король ткнул пальцем в грудь слуги, разносившего напитки.

Бедняга замер на месте, так и не опустив полный кубок на стол.

— Раздевайся! — приказал Мазирис, несчастный огляделся по сторонам, помощи ждать было неоткуда.

Сбросив штаны и фрак с рубашкой, мужчина стоял, устремив взгляд в пол, и боялся пошевелиться. Примерно в таком же состоянии были и гости, музыка смолкла, все наблюдали за безумцем в голубой мантии.

— Подойди! — скомандовал он, — ближе, ещё! — слуга приблизился к королю на расстояние вытянутой руки, — Аракос, встань!

Я удивленно взглянул на короля, не веря своим ушам, до такого раньше выходки никогда не доходили.

— Я сказал тебе встать! — рявкнул король, багровея.

Едва нашел в себе силы, чтобы подняться, сердце бешено ухало в груди, ноги подо мной подрагивали.

— Раздевайся! — приказал самодур, я уставился на короля, все гости, казалось, даже перестали дышать. — Я приказал раздеться, давай шевелись, толстый мешок, не то прикажу сделать тебя полегче и отрублю голову!

Я несмело потянулся к мантии. Мазирис схватил за полу, рванув на себя, я остался перед сотней глаз в одной нижней рубашке.

— На! — Мазирис швырнул мою мантию слуге, подошел ближе, вонючее дыхание пахнуло мне в лицо.

Сорвав с моей шеи медальон с отличием канцлера, король повесил его на шею лакея.

— Назначаю тебя моим канцлером сегодня, а ты, Аракос, бегом на кухню за вином для гостей!

Такого унижения я не испытывал более никогда в жизни. Ватными ногами я и сам не помню, как, добрался до своих покоев. Меня трясло от злости, словно тело охватил жар. Я метался взад и вперед, разбрасывая вещи, мебель, одежду. Карниз рухнул на пол, сорвав тяжелые шторы, вышвырнул их в окно. Такое унижение! Руки не прекращали бешеную тряску. Вскочив на ноги, я помчался напрямиком в царские покои, даже не отдавая себе отчета.

Схватив стул, бросил с треском в стену, атласная ткань, ее покрывавшая, лопнула, обнажив неприглядный камень. Я смахнул разом все склянки с комода, со звоном баночки разлетелись по полу, и тут под руку попала шкатулка. Схватив ларец, я замахнулся, разбил его об пол, из нутра шкатулки пыльным веером посыпались письма. Я огляделся вокруг, что я наделал? Дыхание только едва стало ровнее, боги, если меня застанут тут, Мазирис казнит меня!

Подобрав баночки с пола, принялся спешно их расставлять, стул к счастью, не разбился, а дыру в обоях можно будет как-то оправдать. Подхватив разбитый ларец вместе с письмами, поспешил к себе, в надежде, что пропажу не заметят, а завтра я всё заменю.

Лишь очутившись в своих покоях, я унял сумасшедшее трясущееся сердце, глубоко дыша, окончательно успокоился. На кровати лежал разбитый ларец, из-под него торчали скомканные бумаги. Я протянул руку и, взяв верхнее, прочитал, кому адресовались письма: Мазирис Первый под секретной сургучной печатью адресовал их своей жене. Плюхнувшись на кровать, я вскрыл все одно за другим.

Прошлый король передавал своей супруге указания, пока сам отсутствовал в походах или учениях. В той или иной степени щекотливые, такие, которые было опасно доверять сторонним лицам, но ничего крупного и шокирующего среди них не было: мелкие и крупные взятки, не совсем честные назначения на пост, словом, ничего такого, что бы ни делал любой другой правитель средней паршивости. И вдруг в глаза бросилась дата — сражение с Барионом Железным при Мадисе. Я выловил письмо из общей стопки, с любопытством вскрыв, быстро пробегаю глазами:

"... силы наши не равны, вчера я видал войско Гурии в облете на грифоне. Если мы выстоим, сие будет чудо и подвиг великий, достойный баллад. Если же нет, супруга, прошу тебя сделать всё, что я велю. Рана на моей ноге от ядовитой стрелы, что появилась от вчерашней битвы, не затянулась, вряд ли я полезен и быстр буду в завтрашнем бою. К полю нашему всю ночь прибывали азагуры, битва будет страшнее вчерашней. Коли случится моя смерть, дорогая жена, прошу тебя хоронить меня с почестями, а на следующем рассвете вернуться к гробу моему и опорожнить. Тело мое закопай под нашим деревом, а гробницу заложь яйцами Сивсуили Зубатого и Гилиды Черной. Надвигается буря с севера, Гурия будет бить наших змеев, это я чую точно. Спаси для потомков, что сможешь, такова моя последняя воля.

Обнимаю тебя ветвями нашего китариса и надеюсь вернуться."

Я ещё раз перечитал эти строки, не веря глазам своим и счастью. Я корячился в этом проклятом дворце почти тридцать лет, а успех был на расстоянии вытянутой руки! Я был уверен, что Мазирис Золотой и не додумался открыть ларец с письмами, что наверняка хранила для него бабка и мать. Вместо того, чтобы спрятать ценность, он поставил её в углу и никогда не открывал. Голова кружилась от перспектив, яйца любимых драконов короля таились в темницах под замком, власть, что только лишь надо разбудить и немного подрастить. Всего три-четыре года и...

У меня захватило дух. Оставалось только продумать план, а дальше лишь дело времени, времени, которое вознесёт меня на трон Магикона на могучих кожистых крыльях.

[1] **Креманка** — посуда на ножке для десертов, вмещает одну порцию.

ГЛАВА 21. ВАГАРДА, МАГИКОН. ДРУГ

— Мы не пойдём в Мадис, — отрезала я.

— Нет, как раз-таки пойдём. Это в Штостоль не стоило заходить! — огрызнулся старик.

— А как же все эти: нас заметят, схватят? — передразнивала Сабата я, — к тому же, это лишних два дня в вашей компании.

— А что не так с нашей компанией? В прежние времена азагуров нанимали при дворе в прислугу и место своё они знали, — как бы невзначай припомнил старик.

— В действительно прошлые времена, такие как ты, сидели в руинах, и пикнуть боялись про Гурию, — не отступала я.

— Кто тут кого нанял, забыла? — злился старик, указывая на лапти, что я так старательно плела. — К тому же, у нас кончилась еда, и я больше не могу ходить в этом уродстве!

— Так иди босиком и привыкай, наконец, жрать лягушек, если не берёшь с собой в походы деньги! — не выдержала я, старик сверкал глазами, словно болотница во тьме.

Неизвестно, чем бы закончилась перепалка, если бы не влез Нарон, специально ускорив шаг так, чтобы между мной и зловредным стариканом шла лошадь. Здоровенные тюки с обозом заслоняли мага, и я успокоилась.

— Виги, в Мадисе нам могут помочь, у Сабата там друг ещё с Академии, — мягко пояснил парень, — возможно, даже идти до Серого города не придётся.

— Звучит неплохо, — буркнула я, Нарон на мгновение взглянул на меня, но промолчал, — соглашусь, если сейчас пообещаете мне добыть новый меч в Мадисе, а то этим орочьим только векш пугать.

— Ишь, какая наглая! — отозвался Сабат из-за лошади.

— Старик, умолкни! — рявкнула я. — Если бы ты в самом начале рассказал, что у вас ни сарта, что в походе я истрачу все свои деньги на вас, и показал свой отвратный характер, в жизни бы не пошла! Да если бы не ты и ты, — ткнула пальцем в Нарона и куда-то за круп лошади, — я бы уже сидела в кабаке с парой золотых в кармане за бошку какой-нибудь твари и потягивала вино! А уж меч бы притом был у меня отменный, а не это... — я сплюнула, чтобы не выругаться покрепче.

— Сабат, она ведь потеряла меч в этом походе, да и жалование на нас и правда истратила до сартина, — Нарониэль вечно выступал нашим миротворцем.

— Я бы и лягушек поела, и в лесу бы поспала, это из-за некоторых пришлось снимать комнаты и покупать провизию, — поддакивала я, с той стороны лошади слышалось недовольное сопение.

— Ладно, какой-нибудь купим. — Согласился старик, и я довольная собой, повернула ишака левее, направив в столицу.

В Мадис мы прибыли на закате следующего дня, я остановила своих спутников в лесу, выжидая лучшего момента: обычно к вечеру издевательские шуточки для простолюдинов у стражи заканчивались, а если сильно повезёт — гвардеец к тому моменту мог ещё и напиться. Деньги у нас закончились абсолютно ещё на прошлом посту, остались только сапоги, но вряд ли такое было в ходу у столичной стражи.

— Чего мы ждем? Вон же ворота, пошли! — командовал Сабат.

— Ну, иди, — предложила я, — а мы подождем, пока свечерееет, как следует.

— И что изменится? — недоумевал старик.

— Сговорчивость стражников, — ответила я, начищая рукавом до блеска бутылку, что часом ранее нашла у дороги.

— Зачем тебе этот мусор? — никак не отставал от меня маг.

— Увидишь, — улыбнулась я, переливая воду из фляжки в бутылку.

Сорвав пучок травы, надавила, растерла меж ладоней, смочила водой и отправила зеленоватый сок в бутылку, через пару минут в руках у меня была плотно закупоренная жидкость приятного изумрудного цвета, почти как знаменитая аландисская настойка, а в презентабельно начищенной бутылке и вовсе вода выглядела солидно. С таким снаряжением мы и направились к воротам.

— Они же разозлятся, — заметил Нарониэль, пока мы стояли в очереди к воротам.

— Конечно, разозлятся, — усмехнулась я, — но после того, как мы пройдем.

Всунув бутылку охраннику, мы быстрым шагом направились в ближайший переулок, едва свернув за угол, хорошенько пробежались, и только оказавшись далеко от наверняка озверевшего стражника, сбавили ход.

— Виги, ну ты и молодец, — смеясь, похвалил Нарон, — я уж было начал переживать за сапоги.

— Кстати о сапогах, — напомнил о себе Сабат, сидящий на ишаке. — Сворачивайте направо, и дальше пока не уткнётесь в перекрёсток, там, за зданием лекарни и живет Изивиль. Мы, конечно, без приглашения, но я уверен, он будет рад.

— Хорошо, — сказал Нарон, лучезарно улыбаясь.

У меня, почему-то, такой радости не возникало, если учесть каков был Сабат, вряд ли друг будет приятнее. Но вариантов было немного. Мы добрались до лекарни, за внушительным трехэтажным зданием под бело-золотыми флагами, прижавшись одной стороной к массивному соседу, теснился небольшой домик из белого камня. Спешившись, Сабат оставил нас за фигурной оградой и подошел к двери, хозяин обители был столь же стар, сколько и Сабат: старик-магиконец, едва ли не вдвое сложенный горбом, пригласил нас войти, приветливо улыбаясь.

Извивиль открыл двери и раскинул какие-то золотые руны, на столе тут же появились кушанья, я давно так вкусно не ела, ладно, я вообще никогда так вкусно не ела. Подготовка с помощью магии делом была неповторимым, ведь даже самые ловкие руки не смогут так тонко нарезать мясо и так аккуратно сложить нежнейшее тесто в пирог. Извивиль был весел, расспрашивал нас о дороге, вспоминал с Сабатом ученические годы и всячески старался угодить.

Хозяин пообещал добыть для остроухих завтра вещь из замка Теллироса, ведь только имея что-нибудь из дома-адресата, в него можно было отправить магическое письмо. Похоже, наше путешествие подходило к концу.

— Завтра утром приедут мои знакомые, они привезут вещь из Теллироса. Я заплачу за тебя, Сабат, пусть азагурша уходит, — великодушно предложил Извивиль.

— Хорошая идея, деньги я верну тебе, как только нас заберут в Теллирос, день-два и все оплачу, — согласился Сабат, я тоже не возражала.

— На рассвете я принесу деньги, — оповестил хозяин дома, я прекрасно поняла намек.

Поужинав, я покинула остроухих. В маленьком доме не хватало места и слишком сильно пахло, я вызвалась спать в сарае, чтобы не выслушивать нытье старика о больной спине или не дайте боги, проклятья за предложение Его Высочеству спать на соломе. Извивиль радушно выдал мне простынь и теплое одеяло, определённо, он был приятнее Сабата.

За домом располагался навес для лошадей с кормом и бочкой воды. Умывшись, улеглась на сено, лошади фыркали, переминаясь с ноги на ногу, хрустели травой, от этих звуков было спокойно и уютно, я быстро уснула. Вдруг чья-то рука легла на плечо, сквозь сон это было так жутко, схватив меч, тут же вскочила, ошарашено озираясь по сторонам:

— Это я, — рядом стоял Нарониэль.

— А если бы я сначала мечом помахала, а потом всматривалась? — разозлилась я.

Небо было ещё темным, до рассвета было далеко. Я плюхнулась обратно на своё ложе:

— Завтра ведь мы расстанемся, — напомнил принц.

— Да, — согласилась я, — навсегда, если хочешь добавить трагедии.

— Куда ты отправишься? — поинтересовался Нарон, и без всякого приглашения лег рядом.

— Не знаю, — ответила я, уставившись в звёздное небо, сон, как назло, абсолютно пропал.

— В Гурию? — спросил эльф.

— Да ни за что, — ответила я.

— Там вспоминается детство? — уточнил он, я промолчала, не желая продолжать тему, от которой потом плохо спалось.

Заметив это, Нарон повернулся на бок и взглянул на меня, его рука осторожно коснулась моих волос, разбросанных на простыне:

— Ты очень сильная, думаю, именно из-за своего детства.

— Только не надо меня утешать, было и прошло, — огрызнулась я, неприятные воспоминания уже поспешили всплыть.

Эльф гладил мои волосы, не спуская с меня блестящих глаз:

— Ты не такая жёсткая, какой хочешь казаться. Я вижу тебя, — тихо добавил Нарониэль, его ладони мягко коснулись моего лица.

Прикосновения эльфов были необычными, казалось, от рук их исходит покой, прямо там, где они касались, становилось тепло, а по телу разливалась сонная нега. Серые глаза, белоснежная кожа, светлые волосы эльфа всё это в лунном свете, казалось, серебряным, словно изваяние, что украшали улицы Мадиса. Тряхнула головой, избавляясь от чар остроухого и поспешила отвести взгляд, пока не натворила глупостей. Нарон приблизился ко мне и припал к губам, от этого поцелуя вдруг захватило дыхание, он обнял меня, нежно прижимая к себе:

— Хватит! — воскликнула я, вырвавшись из объятий, села, обхватив руками колени.

— Почему? — спросил эльф, словно хитрая кошка все приближаясь к глупой добыче. — Почему хватит? Зачем ты сопротивляешься тому, что тоже чувствуешь?

— Потому что это глупость! — злилась я.

Его руки опять коснулись меня, притягивая к себе.

— Нет, — серые глаза были так решительны.

— Уходи прочь, глупый мальчишка!

Нарон схватил меня за плечи и, притянув к себе, поцеловал. Я пыталась оттолкнуть его, но с каждой секундой это выходило всё хуже, его близость обезоруживала, словно пьянящее зелье, растекаясь по телу. Я и сама не заметила, как его руки забрались под мою одежду, причиняя удовольствие, опутывая сознание сладким туманом и не оставляя шансов на отказ.

— Ты прекрасна, — прошептал он в мои приоткрытые губы, и тут же закрыл их поцелуем.

Одежда упала на землю, эльф прижал меня к себе, осыпая такими поцелуями, от которых по спине бежала дрожь. Моя обнаженная грудь коснулась его торса, тела слились в едином порыве, я тихо стонала, прикусив до боли губу. С каждым новым движением растворяясь в происходящем всё больше, я ласкала его тело, прижималась к нему и таяла. Нарон сжимал мои бедра, направляя к себе, он чувствовал меня так ясно, словно мы были вместе целую вечность.

— Это была ошибка, — вздохнула я, поторапливаясь вернуть свою одежду на место, — ты забыл, кто ты и кто я.

— Нет, — ответил Нарон, нежно целуя мои обнаженные плечи и мешая одеваться. — Я прекрасно помню, кто я, я — принц. И скоро стану королем, а королям никто не указывает.

— Ты сильно ошибаешься, — хмыкнула я, вспоминая слова Сабата, о которых пока ничего не знал принц, — тебе пора, иди в дом.

— Мы же ещё увидимся? — с надеждой спросил Нарон.

— Нет. Я уйду на рассвете, — ответила я.

— Тогда подожди, — сказал эльф и, взяв меч, отрезал мой локон.

— Зачем это тебе? — не поняла я.

— Буду писать тебе, — улыбнулся принц.

— Не стоит, — хмыкнула я.

— Не говори так, ты же будешь рада, — противился Нарон, потянувшись к своей одежде.

— Никто из нас не будет рад, нам надо просто попрощаться, — ответила я, застегивая кожаные поножи[1], но эльф вложил в мою ладонь свой белокурый локон.

Рассвет приближался, небо на востоке уже начало светлеть. Нарониэль поцеловал меня на прощанье, и отправился прочь. Надо было подготовить лошадь и собрать вещи. Сегодня Изивиль принесёт вещь из Теллироса и в Серый город отправится письмо, а значит очень скоро за остроухими выйдет помощь, принца защитят. От силы завтра к вечеру за ними придут. А мне надо было готовиться к обратному пути.

Скрипнула дверь, на пороге возникли Сабат и Изивиль. Хозяин дома вынес ларец с золотыми сартами, отсчитав ровно сто — именно столько стоил эльфийский меч без драгоценной ручки, что был у Нарона и обещался мне в вознаграждение.

— Добавь ей семь золотых на гвардейский меч, — попросил Сабат и Изивиль отсчитал еще.

Сабат протянул руку, из-под перевернутой ладони его вырвалась три зеленые руны:

— Я освобождаю азагура Вагарду Вэркус от контракта, — произнес старик и тут же магический ошейник, что душил меня годами, спал.

Я потеряла шею, что вдруг стала такой легкой, сгребла деньги в мешочек и, вскочив в седло, направила лошадь к воротам. На крыльце стоял Нарониэль, провожая меня взглядом, я не решилась подойти к нему при Сабате и просто кивнула. Яркое солнце первыми лучами прорезало серое небо, сегодня будет погожий день, Изивиль поспешил открыть ворота.

— Прощай, Сабат, и ты, Нарон, — попыталась улыбнуться я, но вряд ли вышло весело, на душе скребли кошки.

Принц стоял в полутьме дома и больше не смотрел на меня, Сабат кивнул, поторопившись закрыть за мной ворота. Лошадь неторопливо цокала копытами, направляясь по мостовой к рыночной площади, я хотела поскорее купить меч и теплую одежду, да и еда не помешала бы.

По пустым улочкам бегали только коты и пара псов, в столь ранний час люди ещё спали. Эхом разносился стук копыт по мостовой, я неспеша двигалась вперёд, рассматривая город. Едва успела отдалиться от дома у аптекарни, как заприметила трех гвардейцев, мнующихся в переулке. Самое странное, что они тоже заметили меня, пристально оглядев, но ничего не сказав, пропустили дальше. Через пару шагов в подворотне мне ещё раз попались служивые, это было не к добру, и опыт в гвардии Асестима говорил — тут готовится облава. Всего насчитала семерых, один точно маг, два наемника-орка и люди.

Резко развернув лошадь, пришпорила бока, понеслась обратно, стражники рванулись за мной, первая стрела отскочила, удачно попав в тыльник[2]. Секунда и мне наперерез выскочили дежурившие в переулке, от страха лошадь встала на дыбы, я ударила того, что был ближе, в ответ клыкастый ткнул коня мечом. Едва успела спрыгнуть, как обезумевшее животное понеслось по улице с диким ржанием, орк бросился на меня, тут же получив

прокол в живот. К нему уже спешила подмога, до дома Изивилия осталось совсем немного, я побежала вперёд.

Резкая боль пронзила ягодицу, в мягкое место воткнулась стрела, вскрикнув, рванула древко, к счастью, гладкий наконечник вышел быстро, я побежала дальше, сильно прихрамывая. За мной уже неслись стражники, отрезая путь к воротам Изивилия, выскочили ещё двое на лошадях, я перемахнула через ограду лекарни и бросилась к дому по двору больницы. Минута — и передо мной была вторая ограда, вцепившись в забор, подтянулась и прыгнула во двор мага.

В ворота уже заскочили гвардейцы, но я опередила их и, выбив окно, влетела в дом. Три пары глаз уставились на меня, они как ни в чём ни бывало, сидели за столом. Не тратя времени, врезала ногой в грудь Изивилия, старикан отлетел к противоположной стене, уцепившись за скатерть, блюда взмыли вверх, осыпая всех едой:

— Уходим! — только и успела крикнуть я, как дверь с треском грохнулась с петель, в комнату ворвались стражники.

Нарониэльдобежал до меча, Сабат ещё не успел выйти из ступора, в маленькой комнате становилось тесно из-за наплывающих гвардейцев. Увернувшись от пролетающего меча, воткнула острие в грудь орка, которого отвлек Нарон, главное первыми перебить сморщенных, люди были ерундой. На меня двинулось сразу двое, оттеснив от принца, сталь звякнула, отбивая выпад противника, как вдруг мой клинок треснул, оставшись куском в руках. Схватив стул, разбила им голову нападавшего и, выхватив его оружие, бросилась к Нарону. Неожиданно комнатку залило золотом, мгновение — и всё в доме лишилось веса, взмыв в воздух, это подключился боевой маг. Сабат тут же раскинул зеленые руны, но все мы уже стремились к земле, со всего маха рухнув на пол. Вскочила на ноги, приняла бой от двоих гвардейцев, едва успевая уворачиваться от выпадов, заклинание мага туманило сознание, я казалась охмелевшей, вялой. Нарон пробился ко мне, и тут зеленая вспышка осветила дом, секунду не происходило ничего, и вдруг пол под ногами затрясся, ломая доски на части в воздух взмыли громадные лианы, прибывая стражников к доскам могучими стеблями:

— Бежим! — крикнула я, схватив Нарона за руку, потянула к окну.

Сабат твердил заклинания, глаза старика позеленели, сверкая, словно изумрудный огонь, лианы росли, утолщались, заполняя собой весь дом, крики и треск смешались в одно, выскочив в окно, наткнулась на клыкастых, что бежали к дому. Завязался бой, Нарон и я отбивались от сморщенных, когда громадная лиана за миг выскочив из земли пронзила одного из них насквозь, второй тут же бросился бежать, оставив боевой пыл. За нами вылез Сабат, мы бросились к конюшне, только две лошади и ишак! Вскочив в седло к ослу, пришпорила беднягу, бросившись к воротам. Слово фейерверк с оглушительным треском за спиной лопнул дом, разорванный лианами. Испуганная лошадь гвардейцев пыталась оторвать привязь от забора, я спрыгнула с осла, схватила гнедую под уздцы, Сабат и принц уже неслись к воротам на лошадях, как вдруг волна воздуха опрокинула меня на землю:

— Стоять! — нечеловеческим голосом закричал Изивиль, взмыв в воздух, маг сиял голубым.

Нас тут же окружила воздушная стена, закручиваясь вихрем вокруг, ветер не пускал вперёд, едва позволяя стоять на ногах, он продолжал разгоняться и усиливаться. Сабат спрыгнул с лошади, вскинув зеленые руны:

— Изивиль! Ты же был моим другом! — закричал старик, пытаясь воззвать к совести врага.

— За вас пять тысяч, — захохотал Изивиль и Сабат вдруг взмыл вверх тормашками, зацепившись о невидимую воздушную руку.

Из земли вырвалась лиана, вернув старика на ноги, земля дрожала и пенилась мелкими земляными комьями, словно море, готовясь к бою. Воздушная ограда начала сжиматься, в небо рванулось сразу десяток лиан, Изивиль тут же выставил щит, отражая гибкие стебли снизу, я выхватила нож из сапога и метнула в спину отвлекшегося мага, выгнувшись, Изивиль закричал, лианы в мгновение ока впечатали его тело в зеленую стену.

— Бежим! — крикнула я, метнувшись к лошадям.

— Нет, медальон! — завопил старик, бросившись обратно.

— Ты сдурел, стрик?! — вопила я, пытаясь схватить его, но Сабат вырвался, подобрав с земли свой уродливый кусок металла и потратив на поиски бесценные минуты.

Наконец, мы побежали к лошадям, вскочив в седла, поскакали по улице, прохожие с криками разбежались прочь, не разбирая дороги, пришпоренные лошади мчались диким аллюром. Сабат вызвал лианы, не позволив страже опустить ворота до конца, стальные зубья увязли в растениях, мы проскочили в них в последний миг, магические артефакты разрушили лианы, и с лязгом за спиной грохнули ворота.

Свернув с жёлтой брусчатки, что вела в город, мы поскакали по полю, вскоре очутившись в лесу. Лошади хрипели, закусывая уздцы, пришлось сбавить ход:

— Бежим в Амутгат! — скомандовала я, поворачивая лошадь.

— Но мы же хотели идти через гоблинов! — напомнил Нарониэль.

— Хотели, но спасибо друзьям Сабата, передумали, — бросила на ходу я, — если не станем останавливаться, ночью покинем Магикон, живее!

Старик был настолько подавлен, что даже не стал огрызаться и послушно направил лошадь за мной.

Путь через орочы угодя нельзя было назвать хорошим планом, особенно учитывая как рьяно сморщенные хотели заполучить мою тушку в Гурии и как собирали азагуров в телеге для мрак знает, каких нужд. Вспомнив сочетание «азагур» и «орки» передёрнула плечами: история не помнила хороших примеров, для чего могли понадобиться азагуры клыкастым, пару столетий назад сморщенные обожали изводить пленных до смерти, а в случае с такими, как я — снова и снова.

К темноте мы достигнем Амуггата, а там, ещё день-два и Чернолесье. Хорошо было так думать, вот только не верилось, что всё пройдет просто. Поднялся сильный ветер, похолодало. Меня направление, ветер задувал под одежду, к счастью, при такой погоде к нам не подобраться незамеченными, пять тысяч за остроухих — сумма немалая, желающие точно найдутся. Я напряжённо вслушивалась в лес и вдыхала воздух глубже, ожидая гостей. Поёжилась, было жутко холодно без плаща, что остался во дворе Изивилия, эльфы тоже ехали налегке, без обоза и тёплой одежды.

"Теперь старику придётся отведать жаб, — подумала я с улыбкой, уже представляя, как тот будет морщиться".

Мы скакали без остановки несколько миль, пока животные окончательно не выбились из сил. Пришлось спешиться и перейти на медленный шаг, моя ягодица ощутимо болела и кровила, похоже, рана была хуже, чем мне показалось.

— У тебя кровь на ноге, — заметил Нарониэль.

— На заднице, принц, кровь у меня прямо на заднице, — уточнила я.

— Она не останавливается, — не унимался ушастый.

— Я знаю, нет времени на нюни, мы должны идти, — ответила я.

— Сабат, остановись! — окликнул старика Нарон, — Виги ранена.

— Да всё нормально! — попыталась отмахнуться я, но меня никто не слушал.

Удивительно, но старик без возражений согласился помочь. Привязав лошадей под раскидистой елью, мы сделали привал. Маг что-то сказал Нарону, через пару минут тот возвратился с какими-то стеблями, мрак подери, всё-таки неплохо было бы их запомнить.

Сабат уложил сухие стебли на землю, руны полились прямо из его ладоней и вдруг сухие палки налились зелеными почками, что становились всё больше, пока не лопнули зелеными листочками. Собрав листья, старик приложил их к ране, продолжая бормотать заклинания, кровь сразу перестала идти, боль в ноге поутихла. Нарониэль всё топтался рядом, нервно расспрашивая старика, как идут дела, было очень смешно и если бы не моя столь неловкая поза, я непременно бы позлословила.

Подлатав меня, вновь двинулись в путь, но не успели проделать и мили, как ветер донес до меня слабый запах, — орки. То ли клыкастые шастастали по землям Магикона, то ли шли за нами из Мадиса, в гвардии жёлтой столицы орков привечали.

— Рядом орки, — оповестила спутников я. — Миля, не больше. Меняется ветер, направление не могу понять, но, кажется, сзади.

— Пришпорим лошадей, — сказал Сабат и все мы последовали совету.

Однако животные были вымотаны, к тому же, мы давно не поили их, быстрого хода не получалось. Я втягивала воздух, это не случайность, за нами шли целенаправленно, запах орков не слабел. Приказала остроухим остановиться, сбежать мы не могли, но могли подготовиться.

Сабат отправился за нужными ему семенами в лес, вместе с Нароном принялись наспех рубить ветви, вкапывая заостренными концами вверх. Мы пересекли овраг недавно, подходящее место для волчьей ямы. Укрыв колья тонкими ветками, забросали ловушку сухими листьями. Несколько заостренных палок разложили по поляне, на случай конфуза с оружием. Маг снабдил лианами, удалось припрятать пару подъёмных петель, ветер нёс крепкую вонь клыкастых, времени не оставалось.

Укрывшись за оврагом, мы принялись ждать. Лес трещал, надвигалась большая группа.

— Не отбегай далеко, — сказала я Нарону, сжимавшему рукоять до белых костяшек.

— У нас преимущество, мы готовы, — подбодрил Сабат.

Минута и кусты с треском упали на землю, из леса скакали всадники, тут же первый из них рухнул в яму, приземлившись на штыки. Остальные бросились в стороны, угодив в петлю, двое наездников лишились лошадей, испуганные животные оглашали поле диким ржанием, не в силах освободиться из ловушек.

Пешие орки бросились вперёд, за нами отправили целый отряд из двадцати гвардейцев. Орки перемахнули через ров и бросились в атаку первыми, Сабат вскинул руны, мощные стебли взмыли в небо, проткнув насквозь четверых. Лианы вновь показали из-под земли и сразу загорелись — два огневика набросились на старика, я едва успела увернуться от горящего шара, что врезался в зелёный щит. Меня теснили к краю клыкастые, Нарон старался не отставать, отбивая выпады людей, вдруг увидела гвардейца с широченными плечами, он был аммунирован лучше всех — вот кто командир! Отпрыгнув, рубанула по сухожилиям клыкастого, руку не защищали латы, меч тут же выпал, мгновение и я снесла уродливую бошку. Нарон покончил с двумя людьми, увернувшись, проткнула

одного, огненный шар врезался в мою ногу, я взвыла, схватившись за ожог, тут же получив удар в грудь, упала. Эльф подоспел на помощь, меч орка не проколол доспех, я вскочила на ноги, поспешив прикрыть спину принцу.

Гвардеец в шлеме спешил, неторопливо направляясь к нам, взмахнул мечом, словно разминаясь для турнира. Развернувшись, прикончила в спину клыкастого, что отвлёкся на принца. Нарона зажали, отрезав от меня, старик дрался с огненными, вверх взмывали стебли и шипы. Сабат убил одного мага и теперь на помощь к оставшемуся хлынули люди. Гвардеец в шлеме направился на меня, поравнявшись, сбросил шлем — это был Маран.

Так вот что за секретная служба, что позволяла шяться по лесам и возглавлять гвардию, Маран был черноруким[3] самого короля.

— Что, цыпленок, торопишься в Теллирос? — Маран растянул губы в жуткой улыбке, я сделала шаг назад, приготовившись к бою. — Сдавайся сейчас и я тебя не трону, мне нужен только принц.

— Пошел к мраку, чернорукий, — прошипела я, тут же отразив резкий выпад.

— Как знаешь, — оскалился соперник, делая медленный круг.

Бросок, ещё один, он прощупывал почву, делая мелкие выпады, прекрасный меч сверкал в его руках, оставалось молиться, чтобы мой клинок выдержал удары. Противник улыбался, буравя меня глазами, мои атаки забавляли его, я тоже искала его слабые точки, но азагур было хорошо закрыт, всё тело покрывали латы.

Выпад и мой меч отскочил от боковой защиты, едва успела прыгнуть в сторону, клинок со свистом рассёк воздух. Маран нацелился в живот, мой меч едва отразил атаку. Соперник открыл брешь: тонкая полоса между кирасой и гульфиком[4] что открывалась лишь в движении. Направив клинок, бросилась вперёд, азагур резко повернул вправо, схватив за волосы, швырнул меня с такой силой, что я чуть не лишилась головы, мое оружие отлетело в сторону. Не давая подняться, он ударил в живот, ещё и ещё, пока изо рта не потекла кровь. У меня хватило сил лишь встать на карачки, внутренности были размазаны, кровь хлюпала комьями из носа и рта, воздух едва проходил в легкие. Сабат не сдавался, в небо взлетали лианы, но тут же загорались под ударами огненного мага, атаковавшего старика. Нарониэля почти схватили, взяв в кольцо. Всё-таки я здорово его подучила, он дрался славно. Маран медленно шёл рядом, наслаждаясь видами, жадно ловил каждый всхлип, я поползла по-собачьи к оружию, потянулась к мечу в последней попытке.

— Извиняй, цыпленок, — азагур взмахнул мечом, открыв на секунду прорезь в броне.

Рывок и мое острие вошло точно в цель, как и острие Марана, что пронзило легкое, так и не дотянувшись до сердца. Азагур закричал, отшатнувшись от меня, рана в живот очень болезненна, я это знала, алая кровь быстрой дорожкой потекла по доспехам, азагур пытался стащить латы, чтобы зажать рану.

Я села на колени, кровь стекала по острию, пачкая рукоять серебристого меча, что застрял в моих ребрах, не оставалось сил, чтобы достать лезвие, в глазах темнело. Неподалеку упал Маран, мерзавец быстро истёк кровью. Я попала в аорту, годы в гвардии не прошли даром. Качнувшись, упала на спину. Проклятый инстинкт не позволил упасть вперёд, вогнав острие поглубже, чтобы закончить начатое. Я хрипела, хватаясь за воздух ртом. Вдруг чья-то ладонь легла на мой лоб, Нарониэль склонился надо мной, растерянно пытаясь зажать мою рану:

— Виги... — его руки тряслись, он приподнял меня, прижав к себе, гладил волосы и осыпал лицо поцелуями.

Еще никогда мне не было так приятно умирать.

Очнулась я, лежа на лошади, Нарон вёл её под уздцы, старик дремал в седле второй кобылы. Грудь ещё болела, похоже, рана пока заживала, состояние было паршивым. Вдруг вспомнила про сотню золотых монет в мешочке, что дал мне Изивиль, и сразу ощутила, как болеть стало значительно меньше.

— Эй, — окликнула я, эльф остановился, улыбнувшись мне.

— Как ты? — спросил он, закатное солнце отбросило на его кожу мягкую бронзу, волосы трепал лёгкий ветер, я словила себя на мысли, что, кажется, пускаю слюни, разглядывая юношу.

— Лучше, — улыбнулась я, — а знаешь, что меня греет?

— И что же? — спросил эльф, я уселась на лошади поудобнее, — сто золотых в моём кошельке.

— Да ладно, — усмехнулся принц, — ты ведь всё равно вернулась за нами.

— Хочу их увидеть, срочно, — сделав вид, что не расслышала, сказала я.

Обыскав мешок, что был завязан на седле, запустила руку, порывшись, достала толстый мешочек. Раскрыв веревки, обнажила содержимое:

— Твою же мать! — завопила я так громко, что в небо взмыли испуганные птицы.

— Что такое? — растеряно спросил Нарониэль.

Я высыпала на руку глиняные блины, наполненные мой кошелек.

— Какого мрака?! — ругалась я, вытряхивая весь мешочек, — где, гхусейман подери, мое золото?!

— Изивиль обманул тебя? — хохотал старик, наблюдая за мной, — ты не додумалась проверить золото! А всего то надо было разрезать одну монету!

— Что?! — воскликнула я, не веря своим глазам, но на моей ладони были только глиняные кругляши, — да я

бы вернулась и порубала старикана на ремешки размером с червяка!

— К тому моменту он бы уже получил за нас настоящее золото и расплатился бы с тобой сполна, — заметил Сабат, я швырнула бесполезную глину в чашу.

— Получишь золото в Теллиросе, ничего, — пытался утешить меня Нарониэль, я отмахнулась, не желая разговаривать, — зато у тебя новый меч!

От обиды хотелось завывать, я спрыгнула, быстро зашагала вперед, но успокаиваться не получалось. Противный Сабат тихо посмеивался за моей спиной, все-таки с его друзьями я не прогадала, Изивиль оказался тем еще гадом.

[1] Поножи — амуниция, закрывающая ногу от колена до ступни.

[2] Тыльник — часть доспехов, укрывавшая спину. Противоположная называлась нагрудник, вместе две половины (а иногда только передняя) составляли нательную броню — кирасу.

[3] Чернорукие — наемники в Дароне, с которыми заключался особый вид незаконных, "черных" контрактов.

[4] Гульфик — часть доспехов, закрывающая пах.

ГЛАВА 22. АРАКОС, МАДИС. ЧТО ЗНАЕТ ОСТРОУХИЙ

Мазирис слёг. Ещё вчера великовозрастный детина носился без обуви, а сегодня, едва получив небольшой жар, тут же послал за мной. После того злополучного бала прошло всего три дня, и Его Высочество напрочь забыл об оскорблении, нанесённом мне, впрочем, скорее всего он лишь делал вид, не считая нужным извиняться перед такой мелочью, как я.

Нехотя, я отвлёкся от счетов, отправившись за слугой. Совершенно не хотелось даже видеть негодяя, но знак канцлера был возвращен и долг обязывал. В полумраке опущенных штор, в окружении пары десятков лекарей и сотни подушек лежал Его Величество.

— Поднимите меня, — слабым голосом протянул король, и слуги тут же напихали под его спину больше подушек, я едва справился с желанием закатить глаза. — Аракос, ты тут? — спросил Мазирис, прекрасно видя меня перед собой.

— Да, Свет Магикона, я тут, — отставив сарказм, ответил я.

— Ты готов составить моё завещание? — слабым голосом спросил «умирающий».

— Готов, Ваше Высочество, — покорно согласился я, доставая магическое перо.

— По воле моей, пока рассудок не затуманила хворь окончательно... — драматично раскинув руки, вещал король, — ты пишешь? — я согласно кивнул, — назначаю я главным в царстве моем осиротившем, шута Хвинки, — мальчишки-пажи тихо захихикали, — а советником его, наидостойнейшую из всех, а посему самую жирную, свинью в моем царском хлеву, — придворные давились со смеху. — А теперь оставь меня, Аракос, и дай спокойно умереть.

— Вы же просили принести государственно важные бумаги, — напомнил я, указывая на стопку тщательно отобранных и действительно важных документов.

— Всё к Хвинки, дай мне спокойно отойти к богам! — приподнявшись, Его Величество рухнул на подушки с громким стоном, — и возвестите скорее в должности свинью.

Развернувшись на каблуках, покинул спальню больного, такие спектакли уже устраивались по поводу хвори, и только я наивно тащил на них документы, в надежде привлечь внимание государя хотя бы на минутку. Вот это действительно было смешно.

А что было не смешно, так это потасовка на Рыночной площади: как и вещал мой слухач, события Свяира переместились в столицу. Вчера был забит до смерти ещё один сборщик подати, что собирал дань для Гурии. Слухи назойливыми мухами летали по городу, передаваясь из уст в уста, теперь и без помощников я мог догадаться, о чём шепчется народ. Налоги и так высоки, хватит терпеть нахлебников, два процента — это не мало, это ведь наши деньги, а королю плевать, что мы обнищали и скатились... Эти голоса так и стояли у меня в ушах, не давая нормально спать. Простой люд рассуждал сотню раз здраво, но в силу ограниченности — лишь с одной стороны. Если Гурия не получит подать, она начнет голодать, точнее, не начнет, а засунет руку в пустой карман, протрезвеет и взяв мечи, отправится на Юг. И что мы ей предложим? Разжиревших до размеров хавроний стражников? Уменьшившийся вдвое за последнее столетия боевой магический клан? Или пустую казну, в которой не хватит денег на наёмников? А этот пустоголовый болван только и способен на дурачество!

Горестно размышлял я о судьбе Магикона под нашествием северного соседа, вдруг дверь в мой кабинет отворилась, громко стукнув золоченой ручкой о стену. На носилках, оббитых бархатом, в мой кабинет слуги тащили жирную свинью, укутанную в мантию короля, впереди шествие возглавлял Мазирис, постоянно останавливая процессию и разговаривая со свиньей:

— Что вы сказали, господин канцлер? Ах, ну конечно, — хлопнул в ладоши Его Высочество и обратился к слугам, — поставьте канцлера на ноги, он может идти сам и даже хочет побегать!

Приказ тут же исполнили, хавронья хрюкнула, не желая покидать теплую подстилку, Мазирис размахнулся, и звонко шлепнув по ляжкам, отправил животное носиться по кабинету с визгом. Свинья, убегая от короля врезалась в стол, бумаги о податях взмыли вверх. Его Высочество скакал, хватая документы, словно дети снег, комкал и швырял в пажей. Сжав кулаки, я выскочил прочь, не в силах смотреть, как уничтожают мой недельный труд.

Не разбирая дороги, быстро шагал туда, куда несли ноги, неожиданно что-то укололо руку, передо мной упало магическое письмо, коснувшись меня острым краем. Наклонился, чтобы поднять конверт, аккуратным подчерком гоблина было выведено мое имя, сломав сургуч, вскрыл письмо. Сморщеннолицый просил встречи, да не где-нибудь, а прямо в подвале королевской тюрьмы, что ж, после выходов Его Величества и свиньи в канцлерском кабинете, сегодня я уже ничему не удивлялся.

Развернувшись, поторопился на место встречи, даже компания гоблина сегодня была приятнее короля. Под восточным крылом дворца, в самом его основании находилось несколько темниц, всего на пару мест. Это крыло было самым древним и не предполагало больших территорий под содержание заключенных. Не то чтобы прежде

люди были праведнее: воров, убийц, прочего отребья всегда хватало. Просто раньше надо было кормить драконов. Теперь же под новую городскую тюрьму было отведено полтора акра земли, а уж какие туда уходили налоги! И ради кого? Ради содержания отребья.

За статуей Аламирила Алого имелся рычаг, замаскированный под царский жезл, статуя, не спуская с меня пустых глазниц отъехала в сторону, открылся тайный проход в темницы. Внешний же вход туда располагался почти за миллю от замка, этим местом почти не пользовались, предпочитая новое здание. Пронырливый гоблин же прознал про него почти сразу, как нанялся и использовал как наше тайное место, за это я его и ценил.

Узкий коридор петлял, приходилось сверяться с отметками на стенах, что когда-то оставила стража, старые ходы были глубоки, ветвисты и до конца не пройдены даже мной. Они то расширялись до невероятных размеров, то троились, двоились и расплзались в стороны, это, кстати, и было ещё одной причиной отказа от использования этого подземелья, в прошлом тут то и дело терялись даже охранники.

Последний коридор и я вышел к готической арке, прорубленной в стене, за высокой дубовой дверью открывались темницы. Гоблин вздрогнул, едва я вошел:

— Господин, вы, как всегда, непредсказуемы и легки словно тенистый[1], — улыбаясь, заискивал сморщеннолицый.

С ним в компании имелись трое: орк, здоровенный небритый бугай людского племени и неизвестный, что был привязан к стулу и закрыт мешком на голове.

— Я привёл своих помощников, проверенные. Этот, — ткнул гоблин в детину, — глух и нем от рождения. А этому язык отрезали ещё в детстве, так что не болтают лишнего, — хохотнул сморщенный.

— Зачем ты позвал меня сюда? — поторопил гоблина я, желая перейти к сути.

— У меня для вас такой замечательный подарок, мой золотой господин, — расплылся в широкой улыбке гоблин и я лишний раз убедился в том, до чего же они уродливы.

Сморщенный откинул с лица пленника мешок, на меня уставился изрядно избитый остроухий с кляпом во рту. Бледнокожий, с белыми волосами до плеч и тонкими чертами лица — словом, ничем не примечательный эльф.

— И с какой это поры остроухие считаются замечательным подарком? — саркастично поинтересовался я.

— Этот ушастый орал вчера на площади, а мы его, гада, изловили, — тыча пальцем в грудь пленника возвестил меня гоблин.

— Эльф зачинщик?! — вот это точно было удивительно, ну и денёк выдался.

В Мадисе остроухих почти не проживало, все что были в основном заезжие или студенты, и те, и другие права голоса никогда в Магиконе не имели и политики не касались. Какого же тогда мрака этот лез в дела столицы?

— Ну-ка, кляп уберите, — скомандовал я, клыкастый тут же исполнил приказ, — ты учишься в Академии? Или живёшь тут? Где твой дом? — остроухий демонстративно отвернулся, не проронив ни слова.

Гоблин сделал знак орку, тот хорошенько врезал в челюсть строптивцу, я опять склонился над ним:

— Я спросил тебя, где ты живёшь, и лучше отвечай, — но эльф молчал.

Гоблин оттеснил меня в сторону, приблизив лицо к лицу эльфа так близко, что казалось, сейчас цапнет его за нос:

— Когда мой господин спрашивает, надо отвечать, — прошипел он и, схватив палец пленника, в одно мгновение с отвратительным хрустом сломал. Парень кричал, лицо его покрылось испариной.

— Я не местный! — выкрикнул он.

— Хорошо, откуда ты и кто тебя сюда прислал? — спросил я, отвернувшись полубоком, смотреть на уродливый вывернутый палец было неприятно.

Но в ответ опять последовала тишина. Гоблин вновь приблизился к пленнику:

— Тебя когда-нибудь бил глухой? — спросил он с улыбочкой от которой даже у меня пробежали мурашки. — Нет? Сейчас попробуешь, они никогда не останавливаются, потому что не слышат ни крика, ни хруста костей, — слухач подал знак детине и тут мне пришла пора отвернуться.

Нет, я не слыл неженкой. Да и за тридцать лет при дворе повидал немало мерзости, но остроухий орал так, что у меня сводило желудок:

— Я всё скажу! Всё! — кричал он сквозь треск сломанных костей.

Заметив, что я не могу повернуться — вид крови, да ещё в таком количестве был омерзителен, а уж от переломанных костей мне точно станет дурно. Гоблин снял с себя плащ и укрыл тело пленника, скрыв от моих глаз уродства. Парень обмяк, горделивого взгляда более не наблюдалось, из носа, сдвинутого на бок, текла кровь.

— Повторю вопрос, откуда ты и кто тебя прислал, — спросил я, не желая приближаться к пленному более чем на два шага.

— Я из Теллироса, по заданию короля, — прошептал остроухий, — меня убьют в Сером городе за этот разговор.

— Не переживай, — осклабился гоблин, — тебя убьют раньше, — он выхватил из пол одежды кинжал, но я

перехватил его руку в воздухе.

— Зачем тебя послали? Ответь, и я сохраню тебе жизнь, — пообещал я, эльф поднял на меня голубые глаза, всматриваясь, вру я или нет.

Но в моих глазах не было ни единой эмоции, от такого меня давно отучила жизнь при дворце. Остроухий отвернулся, подбирая слова и очевидно, взвешивая «за» и «против».

— Мой король хочет уничтожить Гурию, — прошептал он.

— Как кстати! — всплеснул руками я, такого поворота и желать не приходилось, — перевязать его и кормить, тебе лично поручаю, чтоб он не протянул ноги, — приказал я удивленному гоблину, — сам не шастай по городу, пусть сходят твои остолопы за лекарствами.

Развернувшись, поспешил покинуть подземелья, чтобы как следует всё обдумать, в этом мрачном месте сосредоточить светлый ум не представлялось возможным. И лишь ворвавшись в кабинет вспомнил, что светлого места в этом замке более для меня нет. Бумаги валялись повсюду истоптанными, порванными, независимо от степени своей важности, мебель перевернута, а мое любимое кресло и вовсе разбито, прямо в середине кабинета, навалив вонючую кучу, лежала жирная свинья. Столь же мерзкая тварь лежала сейчас и в ближайших спальнях, хохоча и бранясь на весь коридор.

Подобрав с пола более-менее приличного вида бумагу, быстро набросал письмо. Порвал, набросал ещё одно. Лишь с четвертого раза убедившись, что написано хорошо отыскал в развороченном секретере неприметный коричневый конверт и, запечатав письмо рунами, поспешил вернуться в темницу. Теперь всё стало на место, как стекляшки в калейдоскопе: таинственный господин, что разыскивал яйцо дракона, кто-то, кто похищал азагуров и платил оркам ничем иным, как эльфийскими мечами. И как это я раньше не догадался! Не сходилось пока лишь одно: зачем Серому королю змеиные? Но это было не столь важно и могло подождать часа для своей разгадки, главное, это то, что теперь у меня появился отличный способ снизить налоги в Магиконе, избавившись от дани, к тому же всё пройдет с меньшими потерями при помощи остроухих из Чернолесья.

Приказав гонца мигом подлечить и накормить, отдал юнцу письмо вместе с контрактным ошейником на случай, если ушастый надумает сглупить.

— Слушай и запоминай, — напутствовал я эльфу, — передавай письмо господину лично в руки, никому, ни одному советнику или какой-нибудь девке короля, только ему. Иначе магический обод сожмется на твоей шее, и поверь, одного раза хватит, — остроухий растерянно кивал. — Этот перстень, — я снял с пальца фамильное кольцо с деревом, — так же для твоего короля, чтобы он мог со мной связаться. Ты все понял? — гонец согласно кивал, всё еще с опаской поглядывая в сторону немого.

Повернувшись к гоблину, я выдал сморщеннолицему щедрую горсть монет:

— Купи ему хорошего коня, чтобы в Сером лесу парнишка был за пять дней максимум, — распорядился я, — а вот это, — монеты звякнули в протянутой руке гоблина, — за хорошую службу.

— Благодарю, господин, вы святы! — склонился в полупоклоне слухач, — всё исполню прямо сегодня!

— И убедись, что всё прошло тихо, — распорядился я, развернувшись к двери.

Остальную неделю я провел как на иголках, ожидая тайной встречи. Беспорядки в городах утихли, без подстрекательства народ Магикона пока не настолько осмелел, чтобы противиться сбору дани, но сомнений не было — всё это лишь вопрос времени. Особенно теперь, когда долги казны из-за неумности Мазириса придется закрывать повышением цен и налогами.

Когда ночью шестого дня что-то стукнуло в окно, я мгновенно поторопился распахнуть его настежь, вместе с холодным ветром в спальню влетело письмо. И хоть стрелка часов переползла давно за двенадцать ночи, сон сняло как рукой. Устроившись у изголовья, зажгёт сияние и принялся торопливо вскрывать конверт. Теллиарон Серый король лично ответил на моё письмо, начертав собственной рукой ответ, он просил встречи, выбрав для этого Чернолесье — уж там точно никто не увидит нас.

На следующий же день под глупым предлогом, который вполне сошёл для скудного ума Его Величества за правду, я вывел из королевской конюшни грифона и отправился в путь. Через три дня меня встретили черные макушки деревьев, что простирались густой стеной сразу за Бездонными болотами везде, где хватало взгляда. Меня уже ждали, ещё издали я заметил серый шатер прямо посреди леса. Приблизившись, разглядел Десяток остроухих на зверье, кого тут только не было: рыси, медведи, олени, лошади. Похоже, в Сером лесу, в отличии от Белого, не особенно переживали насчёт выбора транспорта, что соответствовал бы статусу эльфов. Едва мой грифон приземлился, из толпы отделился широкоплечий черноволосый мужчина со смугловатой кожей, он был облачен столь скромно и обычно, что я сильно удивился, распознав по острым ушам и терновой короне, что мужчина поторопился нацепить прямо при мне, короля, да и вообще — эльфа.

— Приветствую вас, Аракос Синерийский, наместник и правая рука Мазириса Золотого Третьего, — процитировал строки из приветствия с моего письма эльф, как мне показалось, с легкой насмешкой или быть может и вовсе такой заносчивый тон был для него нормальным, Мазирис ведь обращался ко мне и похуже.

— Приветствую, Серый король, вы не представились как-либо официально, потому я позволил назвать вас так, как кличут вас в Магиконе, — не растерялся я, эльф улыбнулся, хитро поблескивая карими глазами.

— Что же привело вас в наши земли? — перешёл к делу король, указывая мне путь к шатру.

— Меня? — разыграл возмущение и удивление одновременно я, — это ведь ваши люди разгуливают по моей столице и баламутят народ, — король хохотнул, ничуть не пытаясь оправдаться.

— Как правая рука государя вы должны понимать, что иногда приходится идти на самые разные меры в противостоянии с миром, — парировал Теллиарон, — присаживайтесь, мои подданные принесли для вас тихарийское вино, вы ведь в Мадисе вряд ли привыкли к другому? — поинтересовался король, взяв с обычного деревянного подноса кубок.

Кубок, правда, был изящным и серебряным.

— Мне пятьдесят, за эти годы я перепробовал не только разные методы, но и разные вина, — ответил я, рассматривая собеседника.

Прямой нос, тонкие губы, блестящие карие глаза, что смотрели на собеседника прямо и дерзко, в каждом его движении чувствовалась сила и напор. Да, такой король порадовал меня бы больше размазни Мазириса, что даже осанку не мог удержать ровно больше пяти минут.

— Выпейте со мной, я устал с дороги к тому же, разговор имеет свойство идти проще под кубок, — пошутил король и я повиновался, подняв с подноса второй сосуд.

Эльф сделал знак придворному, и я заметил, как на руке его блеснул мой перстень с фамильным деревом. Значит, он столь дорожил им, что надел, чтобы не выпускать из виду, я улыбнулся. Слуга налил золотой напиток, фруктово-медовый аромат заполнил пространство, лакей поспешил удалиться, оставив нас одних.

— Итак, перейдем к делу поближе, — остроухий сразу сменил тон с шутливого на серьёзный, — вы что-то упомянули о совместных интересах в Гурии.

— Да, упоминал. Мне и моему народу надоели подати аспидов, два процента — это не малые деньги, особенно если считать в год, — начал издалека я, — к тому же, совместными усилиями поставить Гурию на место будет проще, — я перешел плавно в нападение. — Кстати, вы так и не написали, зачем же, собственно, вам понадобились азагуры, вы ведь не платите им дань, да и находятся они достаточно далеко, чтобы не причинять особых неудобств.

— Не юлите, Великий Канцлер, — улыбнулся король, однако во взгляде его не было ни капли веселости, — мои мотивы останутся при мне, это важное условие. Но объединить силы я по-прежнему вам предлагаю искренне.

— Что ж, пусть так и останется, — мне хватало ума и такта отступить вовремя, именно по этой причине я до сих пор носил голову на своих плечах даже при дворе сумасброда.

— Вы писали, что сможете помочь с драконами. У вас есть яйцо? — спросил Серый король.

— Пока нет, — улыбнулся я, теперь собеседник был в моей власти, нервно постукивал пальцами по кубку и несколько раз сменил позу, яйцо он желал неистово. — Но это лишь вопрос нашего с вами доверия и времени, — закончил я, довольствуясь результатом своих слов.

— Доверия? — удивился Теллиарон, — и чем же мне подкрепить свои слова? Вы ведь понимаете, что идти в Гурию без драконов довольно глупое занятие!

— Понимаю, конечно! — всплеснул руками я, — руна Вечного обещания, насколько я помню из Академии, на эльфийских факультетах тоже преподавалась. Думаю, дай мы такой обет друг другу...

— Дадим, — тут же согласился король Серого леса, — вот только сдаётся мне, и сами вы тушуетесь, недоговариваете. Чего-то хотите ещё к нашему соглашению? — сразу перешёл в нападение остроухий, под его взглядом становилось не по себе.

— Да, я рад, что вы настолько проницательны, — нащёлся я, но мой голос всё равно выдавал волнение, — вы сделаете всё, чтобы мой король не вернулся со славной битвы в Гурии.

Теллиарон молча, пожирал меня глазами, прикрыв ладонью рот, задумчиво смотрел на меня, я же старался оставаться под этим взглядом уверенным и твердым. Молчание затягивалось, я уже начинал нервничать по-настоящему.

— Вы предадите своего господина? — уточнил эльф, — он назначил вас Великим Канцлером, своей правой рукой, он вам доверяет, и вы клялись служить ему вечно, — очевидно, он пытался вызвать меня на откровение.

Выдержав взгляд собеседника спокойно, я сделал небольшой глоток вина и улыбнулся:

— Во дворце я уже тридцать лет, этого достаточно долго чтобы понять, что я не служу Мазирису Третьему или пятому, или шестому. Я служу Магикону, и лишь его благополучие должно заботить канцлера. К тому же, вы плохо знаете нашего короля.

— Что ж, за драконье яйцо не грех заплатить дорого, — согласился Теллиарон, — если оно окажется у меня, я дам Вечное обещание. К тому же, чего только не бывает на поле боя.

— Справедливо, — согласился я, — и очень умно.

— За Гурию, — провозгласил Серый король.

— За перемены, — поддержал я.

[1]**Тенистый** — одарённые маги из прошлого Дарона, использовавшие запрещенные заклинания и артефакты, по легендам обладали способностями изменять естественные земные законы, такие, к примеру, как отбрасывание тени или полная потеря веса без утраты остальных функций тела.

ГЛАВА 23. ВАГАРДА, АМУГАТ. ГРАНИЦЫ И ПРЕГРАДЫ

Амутгат был мрачноватым местом, как по мне, даже Гурия была краше. На бесконечных равнинах почти ничего не произрастало, трава попадалась редкими клочками, словно волосы на троллей башке. Серая, неплодородная земля пылила под ногами, клыкастые вместо того чтобы корчевать пни после вырубки просто сжигали делянки, оттого их земля и пришла в негодное состояние, даже у нас в Гурии, вблизи самых ледяных Земель почва была черней и краше. Впрочем, оркам плодородие и ни к чему, единственное что они знали про поля так это то, что их можно жечь.

Ни единой более-менее приличной дороги, ни жилищ, ни полей, в лесах повсюду следы нещадной вырубки. Проживали клыкастые обычно в горах, а там где их не было, просто капали землянки, кочуя от леса к лесу, когда вырубка заканчивалась, они поджигали пни и перемещались на новое место. Таких заброшенных жилищ попадалась масса, в них мы и ночевали.

Орки не заботились об уюте своих землянок, красоте родных мест или хотя бы об их сохранности. Леса вырубались под корень и продавались по всему Дарону, на выжженных делянках больше ничего не росло, думать наперед эти идиоты не умели и лишь радовались, что благодаря выручке на их города было тяжело напасть: такие голые пустыни просматривались на много миль вперед.

Тонкая тропинка — иначе назвать эту «дорогу» не получалось, — вела от самого Магикона сквозь весь Амутгат. Часто на пути попадался валежник, приходилось обходить упавшие деревья стороной, возле некоторых из них, лежащих особо долго, даже протоптали тропинки, видимо, убирать препятствия с пути никто не собирался. Кое-где леса попадались густые, могучие деревья, до которых пока не добрался орочий топор, выпускали на тропу толстые корни, мешая идти. Именно поэтому местные жители передвигались не на тонконогих лошадях, а на рысях, что умели ходить по любому бездорожью. Скакать по такой дороге было нельзя, лошадям приходилось идти медленно, выбирая куда ступить чтобы не сломать ноги. Я рассчитывала на какие-нибудь два-три дня пути, но по такой дороге, мы шли уже четыре дня и только сегодня обогнули Гхвортус, а от него еще хорошие два дня до Бездонных болот. Хорошо, что по этому пути почти никто не ездил, мы только два раза встречали караваны лесорубов, вовремя успевая спрятаться за деревьями.

Я шла, размышляя, как поступать с орками, что могли нам встретиться неожиданно: сразу рубить или ждать, пока они захотят мою «тушку» запахать в телегу? Сегодня ночью, даже когда вахту нёс Сабат, спать я не могла. Проклятое воображение все подкидывало варианты для чего азагуры могли понадобится клыкастым. Старому земляному магу тоже не нравилось происходящее здесь, он все бормотал про какую-то ауру и ругал клыкастых. Единственным, кому всё нипочем, был Нарониэль. Беззаботный юноша рассматривал окрестности, задавал глупые вопросы. Хотя, такое любопытство можно было списать на наличие тёплого плаща на плечах, как самого ценного члена группы, принца мы одели, у нас со стариком такой роскоши не было, и мы изрядно мёрзли. Остроухие не додумались снять одежду с тех гвардейцев, что напали на нас во главе с Мараном. Маг сначала вращал бедолаг в землю, наглухо закрыв толстенными стеблями, а только потом вспомнил, что у нас нет даже одежды. Хорошо ещё, что Нарониэль додумался не выбросить меч Марана, что торчал в моей груди и сохранил его для меня. Жаль только, мечами не согреться.

Наконец, лес стал пореже, деревья отступили от дороги, забрав свои змеиные корни, мы смогли залезть в седло. Лес закончился, тропа повела нас по равнине, пыльной и пустой, только изредка покрытой небольшими холмами. Ехали молча, даже ругаться с Сабатом желания не появлялось, я только думала, как бы поскорее получить награду и съесть огромную тарелку хоть бы какой похлебки. На живность орочки леса тоже были скудны, для нас за эти дни и лягушка, и змея стали роскошью. Хорошо ещё, что маг знал растения, то и дело подбирал какой-нибудь корешок с совсем неожиданным вкусом, но, по крайней мере, так мы могли ещё переставлять ноги.

— Недоброе место, — решил завязать разговор старик.

— Орки жрут даже своих соплеменников, а врагов и подавно, — припомнила я, Нарониэль поморщился, — говорят, что так силу себе забирают.

— Дело не только в диких нравах, — возразил маг, — даже возле Гхвортуса мне было тяжело, аура у места испорчена. А они дальше рубят лес, который мог бы её очистить.

— Так может им и надо такая аура, чтобы уродливее вылуплялись, — предположила я, Сабат смерил меня пренебрежительным взглядом, но ничего не сказал.

Сзади раздался скрип несмазанных колес, кто-то нагонял нас из лесу. На лошадях в Амутгате мы уже выглядели странно, накидывать на голову капюшон было бесполезно — ростом и обхватом плеч все были меньше орков, к тому же капюшоны у нас с Сабатом отсутствовали, как и плащи. Старик насторожился, прятаться в голом поле было негде. Принца мы закрыли своими спинами, первой шла я, последним маг.

Из-под пригорка за нас нагоняли двое всадников и крытая телега. Не сбавляя шаг и не оборачиваясь лишний

раз, мы шли вперёд, в надежде, что на нас не обратят внимания и проедут мимо:

— Почтенные пилигримы! — окликнули нас, я сразу расслабилась, орки бы нас так точно не назвали, — желаете ли вы что-то присмотреть в моей лавке на колесах? Товару много, всё дешево! — зазывал нас гоблин.

Получить хоть самую вшивую накидку было бы неплохо, я взглянула на Сабата, старик тоже так думал, осматривая себя и похуже, прикидывая, на что бы можно было поменяться.

Мы сбавили ход, вскоре нас нагнали двое орков-охранников и гоблин, сморщенный как заправский фокусник распахнул полог, укрывавший телегу. Перед нами очутились сундуки, тюки, стопки, кульки, ящики и всё, во что только можно было уложить вещи.

— Нам нужны плащи, — сразу перешла к делу я, гоблин окинул нас взглядом, тут же решив, что за эту вещицу мы точно заплатим.

— Три сарта, — выдал наглец.

— Они золотые что ли? — возмутилась я.

— В конце осени, да в чистом поле... Да, плащ для путешественника — золотая вещь, — заявил сморщенный.

— Нет у нас таких денег, давай меняться, — ответила я, прекрасно понимая, что мы во власти бессовестного торгаша.

— Меч свой покаж, — попросил гоблин, я вынула гвардейский меч, клинок Марана я менять не собиралась, — ну нет, барахло, на плащ не хватит. Одно одеяло дам за него, — ответил гоблин.

— Ну, ты обнаглел, сморщенный! — разозлилась я и на меня тут же двинулись его охранники. — Ты на каком рынке видал, чтобы гвардейский меч стоил дешевле тряпки?

— Это вы обнаглели, аспиды! — выкрикнул из-за спин охраны торгаш, — шастаете тут по чужим землям, да ещё и угрожаете!

— А вот как достану сейчас этот клинок за три сарта, да покажу, как он охрану твою разделает! — злилась я, двое орков схватились за мечи.

— Постой! — остановил меня Сабат, оттеснив в сторону, старик подошел к гоблину вплотную, — о каких таких остальных азагурах в Амутгате ты сейчас сказал?

— Обычных, — отмахнулся торговец, — вчера встречали по дороге одного, в Гхвортус шёл, говорит, за целым отрядом наёмников, а у самого ни сарта! — жаловался гоблин, — тоже мне угрожал, оборванец!

— Мужчина? — уточнил Сабат, — здоровый, плечи широкие.

— Ну да, шире медведя моего, — ответил продавец, и мы со стариком переглянулись. — И тоже орал, мол, расправиться со мной, как наймет клыкастых в городе. Тоже мне, герой! — возмущался гоблин.

— Бери мраково одеяло и поехали! — вдруг раскомандовался Сабат, гоблин буквально вырвал из моих сжатых рук гвардейский клинок, сунув взамен одеяло.

— Виг, не трать время! — поторопил меня Нарон, сплюнув, вскочила в седло:

— Бесплатный тебе совет, сморщенный, тот аспид не шутил, — бросила на прощанье я.

Пришпорив лошадей, мы помчались по дороге. Азагуром определенно был Маран, королевский чернорукий. Гад выбрался из лиан Сабата и теперь полз по нашему следу, ещё раз встречаться с ним я не хотела. Если вчера на подходе в Амутгат торгаш с ним встречался, значит, сегодня Маран точно будет в городе, набрать наёмников среди орков дело часа, за нами вскоре должны тронуться, или уже тронулись. Дорога шла ровная, всё никак не желая уйти в лес, мы были как на ладони и просматривались на протяжении пары миль. Пришлось без конца подгонять лошадей.

Сбавить шаг мы смогли только к вечеру, когда хорошенько стемнело, и на горизонте показался лес. Животные выбились из сил, пришлось спешиться и идти как можно быстрее, останавливаться было нельзя, только так у нас могло остаться преимущество.

— Давайте немного отдохнем, — окликнул нас старик, что плелся позади.

— Сабат, от отряда орков я вас не спасу, я и сама себя от них не спасу, — ответила я, — двигай ногами, живее!

— Не могу, — ответил старик, усаживаясь прямо на дороге.

— Ладно, — сдалась я, — дойдем до леса, присядем. Скоро будут Бездонные болота, должно быть этот лес ведёт к ним.

Упрямый старик наконец-то встал, мы отправившись дальше. Ещё на подходе к лесу нас встретил туман, казалось, особенно холодный и сырой. Разрезав напополам драгоценную покупку, поделила одеяло надвое, бросив кусок магу, но даже так не становилось теплее. Болота были уже совсем близко, миль, может быть две. Должно быть, именно из-за них тут так густо лежало белое покрывало, стоило сделать пятнадцать шагов и отойти в сторону, как мои спутники исчезали из виду. Звуки разносились в тумане приглушенно, однако не стоило сильно надеяться, что мы в полной безопасности в лесу, что соседствовал с Чернолесьем. Про это местечко травились самые жуткие байки, даже баллады и те были страшными.

Спешившись, мы уселись под деревья, что устремили вверх голые ветви, и остановились на привал. Холодные

капли то и дело срывались с мокрых ветвей, падая самым неудачным образом то на лицо, то и вовсе за шиворот. Я поёжилась, стараясь укутаться целиком в скромный кусок одеяла. Лошади жадно хватали редкую траву, ноги гудели, но расслабляться было рано. Мы должны двигаться вперёд, к рассвету достигнув болот, а там всего день и нас встретит Серый лес. Живот урчал, желудок от голода подводило до боли, но разве можно было найти живность ночью в тумане? Старик зажгёт магическое сияние, круглый зеленый шарик ничуть не согревал, слабые лучи жадно проглатывало белое облако тумана. Однако Сабат умудрился отыскать какие-то корешки в земле, обмыв водой из фляжки, отдал принцу. Нарон тут же потянул их ко рту, но глянув на нас, остановился и разделил горстку горьковатых корней на всех. Наш поход точно изменил его в лучшую сторону.

Одна из лошадей тянулась за кустом, вожжи трещали, но животное не унималось, голод вёл его вперёд, Сабат встал, спустив привязь. Кобыла довольно похрустывая, отделилась в туман, мы слышали её шаги. Справа раздался шорох, едва уловимый, словно шелест. И вдруг тишину прорезало оглушительное ржание, кобыла кричала почти по-человечески, остальные лошади рвались с места, вскочив на дыбы. И только теперь я ощутила болотную вонь, хитрая тварь подкралась к нам с подветренной стороны:

— Болотница! — закричала я.

Сабат вскинул руны, десятком магических световых шаров разрезал мглу, обнажив меч, я ринулась вперед в надежде отбить животное. Над брыкающейся кобылой кружили сразу четыре болотные ведьмы, в густом черном облаке их тела казались невесомыми, я ударила одну, тварь отпрянула, бросив разорванный бок лошади. И тут из темноты сверкнули ещё глаза, затем ещё и ещё, таких стай я никогда не видела!

Развернувшись, я бросилась к магу. Твари погнались за мной, Сабат швырнул магическое сияние, лианы взмыли вверх, разрывая землю, болотницы бросились врассыпную, оставив меня. Лошадь хрипела, всё еще пытаюсь встать, мы жались спинами друг к другу, опасаясь шелохнуться. Вокруг несчастного животного сверкали зеленоватые глаза. Как только последний магические шар погас над кобылой, твари вновь бросились, жадно чавкая кусками ещё живой добычи.

— Никогда не видела таких больших стай, — прошептала я, — максимум три штуки.

— Ты их ловила? — испуганно спросил Нарон, я кивнула.

— Надо идти дальше, — скомандовал маг, — пока они не закончили с кобылой и не вспомнили про нас.

— Согласна, — подтвердила я.

Здесь, лишённые излюбленной пищи — детей, — болотные твари сбивались в громадные стаи и пожирали всё, что только могли поймать. Низшие особенно проворны в темноте, потому надо бежать от них подальше и молиться, чтобы твари на сегодня довольствовались только лошадьё, а к рассвету сила их ослабнет, у нас появится возможность оторваться.

Забрав лошадей, мы отошли подальше и только потом оседлали животных, что раздували ноздри, втягивая запах крови и до сих пор бесновались. Пришпорив лошадей, поскакали прочь, маг освещал дорогу сиянием, постоянно подпитывая сферу, липкое чувство страха не покидало меня. Болотницы не ушли, я это ощущала кожей. Некоторые оторвались от стаи и следовали за нами по кустам, едва лишь задевая быстрыми ногами землю, взрослые особи могли быть очень быстрыми, а гонимые голодом и вовсе опережали рысака.

— Они рядом, — предупредила я спутников, что скакали за мной на одной лошади.

Оглядела свою кобылу, она прижимала уши, боязливо поглядывая вправо, и всё прибавляла бег. Вдруг на дорогу выскочила болотница, лошадь встала на дыбы, ударив копытами тварь, но к ней уже спешила помощь. Мой меч отсек две головы, ко мне спешили еще три твари, Сабат отвлёк их зеленой вспышкой, мы прорвались, но совсем ненадолго. Вонь болотной тины била внос, твари сжимали кольцо.

— Сабат, остановись! — скомандовала я, спешившись.

Старки посмотрел на меня недоуменно, лошадь моя вырывалась, желая бежать.

— Оставим её здесь! — ярко-зеленые руны скользнули из пальцев старика, на мгновение раскинувшись широким кругом и тут же устремились в испуганное животное.

Лошадь застыла, словно камень, только ворочала вытаращенными испуганными глазами, взмахнув клинком, я перерезала ей горло и побежала за эльфами. Возня за спиной, твари наплывали из лесу, словно волна, окутывая добычу черной тучей.

Я бежала несколько миль, ноги гудели, в боку неистово кололо, словно туда воткнули шило, шорохи в лесу не утихали, ветерок то и дело доносил запах тины. К рассвету мы оставили болотницам третью лошадь.

Измученные, мы плелись по дороге навстречу солнцу, прекрасно зная, что твари не оставили нас и как только на лес опустится вечер и силы их вернуться, они нападут снова. Вот только на этот раз лошадей мы не предложим.

Я опасалась попасть в лапы болотным сразу, как узнала о них в гвардии зачистки. Нет, не потому что боялась быть съеденной заживо, хотя и это тоже. Дело в том, что эти низшие имели мерзкую привычку — прятать тушу, периодически возвращаясь, чтобы подкрепиться, а в случае с азагуром это будет бесконечное удовольствие... Вот от этой мысли было жутко.

Ночные погони заставили позабыть о тех, кто следовал за нами из Гхвортуса. Мы ничего не могли предложить отряду орков при встрече, но всё продолжали шагать по дороге, в слепой надежде на лучшее. Сделав лишь одну остановку, мы шли, даже на разговоры сил не осталось. Вечерело. Лес поредел, просматриваясь на добрые пятьсот шагов, Бездонные болота были совсем близко, соваться туда ночью было безумием, потому решили сделать привал у самой кромки. Еще пара десятков шагов и воды топей заблестели меж сосен. Сделали остановку, я рухнула на землю. Только отлежавшись немного, я смогла встать и собрать веток для огня. С его помощью мы, конечно, могли привлечь орков, но только пламя станет нашим оружием против болотниц, что наверняка уже ползут по нашему следу. К тому же, если выбирать между двумя напастями: орки были приятнее.

— Жаль, Сабат, что ты не огневик, — заметила я, подкидывая в костер.

— У азагуров вообще не бывает магии, никакой, — язвительно напомнил старик, растирая ноги.

— Это и к лучшему, — ответила я, — ты только предста... — вдруг вдалеке метнулся силуэт, быстро, тут же скрывшись за деревом.

— Что представь? — переспросил Нарон, я шикнула, напряжено всматриваясь в сторону движения. — Опять эти твари? — прошептал принц испуганно.

— Сейчас узнаем, — ответила одними губами я, как вдруг тень опять отделилась от дерева, перескочив за другое, поближе.

Больше движений не было, странно. Обнажив меч, сделала знак спутникам и направилась к силуэту с другой стороны. Он опять мелькнул и скрылся. В три прыжка подскочила к дереву, взмахнув мечом:

— Не убивай, госпожа! — взвизгнул гоблин и упал на колени. — Возьмите меня с собой, прошу, умоляю! Не оставляйте меня одного!.. — приглядевшись, узнала того самого торговца, что, попася нам на подходе к лесу. — Мы пошли за вами, после тех ваших слов, а тут... Ночью... Не оставляйте меня, умоляю, богами, всем на свете!

— Знаешь путь по болотам? — спросила я, отстранившись от торговца, пока тот, чего доброго, не стал целовать мои ноги.

— Знаю госпожа, конечно, знаю! — лепетал сморщенный, подползая ко мне поближе, — я же гоблин, я вожу товары оттуда каждый сезон!

— Хорошо, пойдешь с нами, — согласилась я, — и встань, наконец!

— Конечно! Спасибо, спасибо! — гоблин вскочил на ноги, — темнеет, госпожа, надо больше дров для костра.

— Надо, — согласилась я.

— Это была самая страшная ночь в моей жизни, — признался гоблин, торопливо подбирая сучья.

— Погоди, сморщеннолицый, мы ещё не пережили эту, — предупредила я, он испуганно посмотрел на меня, а потом вновь затараторил.

— Это всё орки, идиоты, подожгли летом лес, — от волнения гоблин становился просто фонтаном пустой болтовни, — потеснили ведьм из восточных лесов, вот они и сбились в стаю. А как быстро они жрут! — сокрушался сморщенный.

— Уж в этом и мы убедились, — поддакнул Сабат, недовольно осматривая нового спутника. — Бросил свою охрану и убежал, пока их ели? — уточнил маг, вздернув бровь.

Гоблин на секунду посмотрел на старика внимательно, и принялся разговаривать на другую тему похоже, решив игнорировать такие утверждения:

— А товару у меня было сколько! Считаю, на две сотни сартов, всё пропало... — Сабат вопросительно посмотрел на меня.

— Он знает безопасную дорогу через топи, — ответила я на немой вопрос.

Темнело. На лес медленно опускался холодный туман, проползая с болот, огибал деревья и белым облаком закрывал всё вокруг. Этот туман был ещё гуще и плотнее вчерашнего. Мы не давали огню погаснуть, придерживая наготове длинные палки, горящие с одного конца. Мрачная туча надвинулась сверху, закрыв Луну, ночь выдалась тёмной, теперь смолк даже болтливый гоблин. Каждый шорох заставлял сжимать рукоять, ветра почти не было, я приняховалась к редким дуновениям, напряженно вглядываясь в туман. Запах тины, сначала едва заметный, а после всё крепче и отчетливей тянулся сзади. Первая болотница проскочила меж деревьев пару минут спустя. Голодная, дикая, она ожидала стаю, чтобы присоединится и напасть, вонь ведьмы была в нос остро:

— Они пришли? Да? Пришли?.. — бормотал гоблин, прижимаясь ко мне поближе, и будь его воля, вовсе бы забрался ко мне на руки.

— Пришли, — отвечаю я, Сабат раскидывает руны.

Первые три бросились стремглав, будто подстегиваемые сородичами, ринулись напролом, тут же угодив под магические шары. Ведьмы затихли, кружась неподалеку, шурша лапами, делали выводы о смерти первых, принимали решение, сопели и капали слюной на землю, вонь была невообразимая. Как вдруг сразу семеро низших выскочило из тумана, направляясь прямо на нас, но тут же бросились врассыпную, увернувшись от заклинания мага, проскочили прямо к костру. Нарон ткнул ближайшую мечом, тварь отскочила, злобно рыча, гоблин прыгнул

за мою спину, вцепившись в меня. Оттолкнула болотницу ногой, низшая стала на четыре лапы, оголив клыки, бросилась на меня. Зеленая вспышка отбросила ведьму на землю, я стряхнула гоблина, взмахнув, отрубила голову болотной твари тут же отразив боковую атаку её сестры. На помощь подоспел принц, ловко проткнув черный туман, за которым ведьма прятала тело. Гоблин заорал, вовремя пригнувшись — болотница пролетела в дюйме от его головы, тут же напорвшись на горящую палку, шерсть её вспыхнула, с визгом низшая ускакала в туман. Неожиданно твари развернулись и как по команде бросились в лес, отступив прочь. Мы ошарашенно озирались, ожидая новой атаки, болотницы не ушли, запах я чуяла, но подходить не решались и вдруг раздался топот, мгновение и сквозь чащу к нам побежали орки.

— Да твою ж мать! — только и успела вымолвить я, как увернулась от выпада первого клинка.

Завязалась битва, Маран возглавлял около пятнадцати клыкастых, лианы взмыли вверх, прикончив двоих, азагур двинулся на Сабата, решив сначала убить мага. Я отбивалась от орков, стараясь не подпускать их к принцу, но силы были не равны. И вдруг меня осенило — костер. Проткнув одного клыкастого, швырнула тушу в огонь, пламя дрогнуло, увернувшись, отбежала в сторону от нападавшего и, сорвав свой плащ, бросила в огонь, костер погас и в тот же миг за деревом сверкнули зелёные глаза, костер больше не пугал тварей.

Ударив орка в грудь, оттеснила его к краю, за мной увязалось ещё двое, я намеренно заходила всё дальше в лес, отбиваясь от выпадов сразу с трёх сторон, вертелась как юла, лишь слегка задевая нападавших. Кровь капала на землю, врываясь в воздух, дурманила голодных наблюдательниц. Как вдруг, разрезая туман, выскочила первая болотница, секунда и орка утащили в лес. Развернувшись, я бросилась бежать, медлительным оркам пришлось хуже, теперь твари почуяли их кровь.

Принц сражался в окружении, отбиваясь сразу от четверых, остальных пока завлѣк маг. Зелѣный шар пролетел в сторону, чуть не разорвав мне брюхо, увернувшись, ударила ближайшего орка со спины:

— В топь! — закричала я, гоблин вскочил из-под куста и тут же побежал к воде.

Задев ещё одного нападавшего, схватила Нарона за руку и стремглав бросилась к болотам. Сабат преградил путь оркам зелёной стеной, что выросла за мгновение, пользуясь секундой, старик побежал за нами. Туман закрыл всё вокруг, мы неслись вперѣд по кочкам, отдаляясь от берега, короткие вскрики и звон стали раздавались позади, пару секунд и тишину разрезали лишь наши шаги — болотницы славно поужинают.

Как ни странно, но твари хоть и назывались болотными, воду не любили. Они не пойдут за нами по воде, а только по кочкам. А так как больше одной ноги травяной комок не выдержит, стая будет бессильна. Оставалось только надеяться, что в чёрной воде не живѣт кто-то похуже вонючих ведьм. В тумане едва можно было углядеть следующую кочку, гоблин ловко скакал впереди, как вдруг за секунду ушѣл под воду.

Я подбежала к сморщенному, схватив за протянутую руку:

— Гхусейман тебя дери! Ты что, дороги не знаешь? — ругалась я, втаскивая гоблина на кочку.

— Знаю, — бурчал горе-проводжатый, — только она южнее!

— Что происходит? — спросил Сабат, поравнявшись с нами и удивленно осматривая мокрого гоблина.

— Мы не на той дороге, — вздохнула я, — мы вообще не на дороге.

— В каком смысле? Он же говорил, что знает путь через топи! — возмутился маг.

— Он просто спасал свою шкуру, — отмахнулась я, встав на ноги.

Берег скрылся, оставаясь далеко позади, да и возвращаться туда не стоило. Впереди, сколько хватало глазу, был одинаковый пейзаж — пятна черной воды и травяные шарики. Какая из них уведет под воду, оставалось загадкой.

— Госпожа, я знаю дорогу, она на юге, а компаса у нас нет, — возразил сморщеннолицый, выкручивая свой плащ.

— Сабат, ты ведь можешь определить стороны света? — старик кивнул и я повернулась к гоблину, — так вот, милейший, если ты соврал и не знаешь путь по болоту, и мы пойдем на юг зря, я тебя утоплю.

Глазки сморщенного торопливо забегали, но он не отступал:

— Знаю и не вру! — лепетал перепуганный проводник.

— Вот и хорошо, пойдешь первым, — сверкнула глазами я, и гоблин побоялся перечить.

Кочки под ногами колыхались, некоторые утопали так сильно, что намокали сапоги. Гоблин прыгал первым, разведывая место моим клинком, проваливаясь и чертыхаясь, второй ступала на бугорок я, часто приходилось искать новое место — сморщенный был ниже и легче нас.

Светало. Над черной водой заблестели первые лучи солнца, я сидела на кочке, отжимая набрякшие после купания в болоте, волосы.

— Вы ведь до Теллироса идете? — поинтересовался гоблин, и, не дожидаясь ответа, продолжил, — славный город, почти Асестим. Чисто, богато живут, вот тебе и серолесье.

— А что знаешь про их короля? — вдруг спросил Сабат.

— Разное говорят. — Ответил сморщенный, — хорошие истории, но и жути про него хватает, но город ведь

стоит? Значит, король нормальный.

— И то верно, — согласился старик, задумчиво глядя вдаль.

— До южной косы совсем мало осталось, почти дошли, — уверил сморщенный и мы продолжили путь.

Среди черной воды вдали виднелось что-то жёлтое, лишь час спустя мы поняли, что это была песчаная насыпь. Петля и закручиваясь, шла вперёд торговая дорога, заботливо с краев присыпанная песком, чтобы не размокала и не растекалась в дождь.

— Расширяли эту тропу все вместе, Зарнатх, Амутгат и Серый лес, — словно заправский балагур вещал гoblin, карабкаясь по обрыву на дорогу, — для торговли с Телироссом, они тогда два года нам бесплатные эликсиры варили, — вспомнил он, — золотое было времечко! Придётся раз в месяц к остроухим, наберёшь хоть повозку, а взамен-то всего на день-два тролля купить да песок потаскать. Раньше здесь такой красоты не было, шла только тропка узкая, по такой с телегой не проедешь, — гoblin протянул мне руку, помогая забраться по отвесной насыпи вверх. — А теперь глянь, как сухо, просторно идти!

Южная коса представляла собой путь на полторы телеги в ширину, и метра в два в высоту от воды, то и дело в основание были предусмотрительно вкопаны глиняные трубы, чтобы болото не слишком теснило насыпь, особенно весной. Кое-где дорога обсыпалась, обвалившись в подступающую воду, но все-таки идти по такому пути было хорошо. Сморщенный без конца травил байки, рассказывая о всякой ерунде и, если бы не промокшая насквозь одежда и пустой живот, путешествие и вовсе было бы приятной прогулкой.

В Сером лесу мы оказались ночью. Болотная дорога окончилась, дальше пошли по обычной лесной тропе. И хоть брусчатки как в Мадисе или Асестиме тут не было, путь был утоптан, ямы засыпаны, а валежник срезан и убран. Смело можно было сказать, что за этой дорогой ухаживали.

Свернув от пути немного, мы устроились на ночлег, едва успели разжечь костер, как на путях появились двое. Всадники свернули с дороги, сразу отправившись к нам. Я встала, взявшись за меч на всякий случай, к нашему огню направились остроухие на рысях. На них были одинаковые одежды: кожаные латы, наподобие моих, и одинаковые серые плащи со значками. Выйдя на свет, служивые заговорили:

— Приветствуем гостей Серого леса, — обратился почему-то к Сабату патрульный, — мы не советуем путникам жечь костры, потушите огонь.

— Это почему же? — удивилась я, гасить костер, у которого я только-только начала обсыхать совсем не хотелось.

Эльф удивленно посмотрел на меня, словно только что заметил:

— Вы начнете жарить на нём еду и привлечете тварей, — пояснял остроухий довольно язвительным тоном.

— Нечего у нас жарить, еды нет, — развела руками я, патрульный внимательнее присмотрелся к нам.

— Зачем идёте в Теллирос? — спросил он, — раз нет даже еды, точно не торговать тащитесь.

— А твое ли это дело, зачем мы идем? — огрызнулась я, буравя эльфа глазами.

— Моё, как раз таки, — вперил в меня недружелюбный взгляд второй гость.

— Я служила в гвардии и знаю, что ваше дело, а что нет, — уперлась я.

— В Теллиросе другие правила, — начал злиться ушастый.

— Господа, уважаемые, — встрял гoblin, учтиво кланяясь, — мы идём к моему брату, на нас по пути напали разбойники, но мой дорогой кузен нам помо...

— Ты только что сказал, что идешь к брату, — вскинул бровь служивый, — или уже к кузену? — гoblin растерялся, бегая глазами.

— Уверяю вас, мы не ищем дурных дел в Теллиросе! — вступился старик, — мы в гости и на нас, правда, напали.

— Дурных дел не ищите? — переспросил гвардеец, — мы вроде и не спрашивали про дурные дела, вы сами предлагаете. Давайте собирайтесь, проводим вас в городскую тюрьму, а там уж и разберёмся.

Я потянулась к клинку, но рука старика легла на мою, не давая обнажить острие.

— Как скажете, господа, — мягко согласился старик, — у вас ведь в Теллиросе, насколько помню, тоже есть право написать письмо из тюрьмы?

— Есть, — согласился эльф, — я же и говорю, что разберёмся.

Остроухие повели нас к своему лагерю, оказалось, неподалеку стояло несколько дозорных вышек и барак. Нас накормили, пусть и овощной похлебкой, а после отправили спать в камеру со свежей соломой. И я поняла, что план старика был не так уж и плох.

ГЛАВА 24. ТЕЛЛИАРОН. СОКРОВИЩА В СКОРЛУПЕ

Союзник из Мадиса доставит их сегодня, на привычном месте среди леса мои люди поставили шатер, я прибыл ещё на рассвете, не в силах усидеть в стенах замка, ожидание изводило меня. Начинаясь рассвет, солнце только начало дневной круг, лишь слегка позолотив макушки леса. Небо над головой на миг закрыла тень, верхом на грифоне к нам спешил гость из жёлтого города. Я отметил, что он был один, а раз такую ценность не стал охранять, значит, помощников у него нет. Значит, давать вечное обещание не рискованно — маловероятно, что советник в одиночку отправит своего короля в Гурию. Идеальная сделка, со столь драгоценной наградой и отсутствием платы.

Грифон сделал круг над поляной, выбрав место, примяв воздушными потоками своих мощных крыльев траву, сел. Несмотря на довольно тучную комплекцию, канцлер ловко спрыгнул со спины грифа, ненадолго замешкавшись у птицы. Я не торопился на встречу, чтобы лишний раз не показать, как я ждал этого момента и не набить цену товару в глазах продавца — уж этому гоблины научили меня прекрасно. Ветер развевал длинную черную мантию мага, никогда не понимал эту склонность одарённых рядиться в платья.

Стоит сказать, что и сам Аракос впечатление производил странное: невысокий, располневший, с маленькими круглыми глазами, таким же круглым лицом, украшенным длиной тонкой бородкой, что так не вязалась с лысеющей головой, да ещё и эта мантия. Канцлер, взяв две сумки, семенил торопливыми шажками по полю. Поравнявшись с нами, советник протянул руку и сжал мою ладонь двумя своими в знак почтения, — воспитан и вышколен он был прекрасно.

— Приветствую вас, Серый король, надеюсь, земли ваши и вы здравствуют и процветают.

— Как и ваши земли, канцлер, — поприветствовал я.

— У нас сегодня мало времени, вы ведь помните, что обещали мне? — полюбопытствовал маг.

Глаза его бегали, видимо, привычка осматривать собеседника постоянно улавливая его настрой, привилась во дворце тирана. Теперь-то я собрал информацию, ближе познакомившись с историей Аракоса Синерийского и его племянника-короля Мазириса.

— Конечно, — согласился я, — разве можно было забыть про обещание, за которое платят жизнью.

Мы вошли в шатер, укрывшись от любопытных глаз, слуги налили вина и подготовили кушанья, я знаком пригласил гостя к столу, но тот отказался:

— Ближе к делу, король, — ответил он и полез в сумку.

Аракос Синерийский достал два драконьих яйца.

Они оказались тяжелее, чем могло показаться с виду. Скорлупа на ощупь была холодной, твердой, словно камень. Но как они были прекрасны! Если луч света не касался их, оставались лишь серо-зелеными невнятными шариками, но как только свет ложился на скорлупу, она переливалась, словно радуга. Мелкие чешуйки, укрывавшие драгоценное содержимое, искрились от малейшей капли света, особенно чудесно переливаясь от всполохов пламени. Заметив, как я ощупываю их, маг улыбнулся:

— Я прочел летописи, яйца дракониха держит в углях неделю до самого вылупления, до того, греет три месяца под животом или шеей, самыми горячими частями своего тела, — пояснял канцлер, — точно не ясно, какая температура под брюхом дракона, — хохотнул толстяк, колокольчик на его странной длинной бороде звякнул. — Но я покопался глубже, нашел воспоминания Сивуариала, также известного как Опаленный принц. Он утверждал, что пузо драконихи похоже на раскаленный термофор[1].

— Вижу, вы хорошо подготовились к визиту, — сказал я, — заботливо переставив яйца на заранее заготовленные подушки, — может, вина?

— Нет, вина не надо. Ко всякому делу нужен разумный подход, а тем более, к такому важному, — ответил маг, потянувшись ко второй сумке, и в руке его оказался клинок.

Я обнажил предплечья и протянул Аракосу, пришло время произнести клятву. Остриё ловко вырезало руны, кровь стекала на землю, тут же впитываясь без остатка, вместе с моими словами призывала саму жизнь в свидетели к этому обещанию. Теперь на моих предплечьях красовались две Вечные руны, хорошо лишь то, что, исполнив одно обещание, я почти исполнял второе. Или же я умру, так и не сделав Теллирос лучшим город в Дароне.

Распрощавшись с одарённым, направились в обратный путь. Вернулись в город мы только вечером. Нарсеца, одна из моих любовниц, ждала в зале, увидев меня, эльфийка поднялась на ноги, тронувшись ко мне.

— Не сегодня, — отмахнулся я, проследовав мимо, женщина недовольно нахмурилась.

Похоже, было пора расставаться, пока она не надумала лишнего и не стала наседать на меня, жениться я не собирался в принципе ни на ком. Слуги во главе с Атрикармом несли за мной ящики с бесценным содержимым, отправив всех прочь, закрылся в тронном зале, открыв ларцы. Отливая всеми цветами, яйца пленили мой взгляд,

сложно сказать, сколько времени я провел над ними, неожиданно сзади раздалися шаги:

— Папа? — окликнула меня Маниэль, — что ты принёс?

— Иди сюда и посмотри, — подозвал дочь я, — я принес будущее.

Дочка осторожно коснулась скорлупы:

— Но как мы справимся с ними и прокормим? — спросила она.

— Их прокормит Чернолесье, — улыбнулся я, осторожно поглаживая подарок судьбы.

Я едва смог расстаться со своими драгоценностями, оставив их в кузнице надежного слуги. Семеро лучших подданных и двое магов были приставлены к яйцам. Они будут поддерживать жар три месяца, и охранять молодых драконов ценой своей жизни, Атрикарм скрепил их клятвы рунами. В ту ночь, лежа без сна я вдруг вспомнил строки из Хроник Дарона, как раз те, что с детства пленили мое воображение:

".. Под сенью Древа и с перстом Дракона,

В багровом зареве небесном

Грядет наш истинный король"

Сказанья Оракула, — великого провидца древности, — обещали пришествие единого правителя, что объединит весь Дарон под своими началом, и я всегда думал, что этого короля родят эльфийские земли. Ведь гербом эльфов всегда были деревья, а теперь, моим перстам станут подвластны Драконы...

Нарсеза разминала мои плечи, как бы невзначай задевая меня сосками, что туго обтягивала легкая ткань.

— Ты так напряжен, — шептала она, мягкие волосы упали на мои плечи, — тебя некому беречь.

— Уж не себя ли ты предлагаешь? — хохотнул я.

— А почему бы и нет? — удивилась она, — со мной ты не будешь знать хлопот, только ласку. Перечить я не буду, — склонившись ниже, она вдохнула в мои губы, — никогда, — красноречиво намекая, эльфийка обнажила большие груди.

— Я подумаю, — улыбнулся я.

— Думай, свет мой, думай, — мягкие губы скользнули от шеи на грудь, медленно опускаясь ниже.

Ее руки ловко справились со шнуровкой, избавив меня от штанов. Она нежно коснулась того, что они прятали, приоткрыв пухлые губки, принялась за дело, вырывая из меня стоны. Напряжение возрастало, Нарсеза все ускоряла темп, пока не добилась своего.

— Вам понравилось, Ваше Высочество, — не останавливая шаловливые ручки, спросила она, — что прикажете делать дальше? — прошептала она, обхватив моими руками свои груди.

Вдруг в дверь покоев постучали. Такое случалось нечасто, обычно Атрикарм сам справлялся с делами, пока я отдыхал.

— Господин, простите, но тут гости уже пришли, — окликнул меня маг, — один из них очень важен, — намекнул он.

— Иду, — ответил я.

Эльфийка надулась, недовольная таким финалом. Я быстро надел штаны и поспешил в тронный зал, едва вспомнив про корону. Атрикарм протянул мне терновый венец перед самым входом в парадный зал.

— Что настолько не могло ждать? — недовольно спросил я.

— Помните, я говорил про странное письмо из тюрьмы? Я позвал их, — предупредил маг, открывая дубовые двери, — утверждают, что привели принца Светлого леса, — я уставился на своего помощника. — Да, ваша светлость, кажется это Нарониэль.

Распахнув двери, вошёл в тронный зал, шаги разносило эхо в два голоса. В последнее время я и сам не узнавал это место, таким огромным оно стало, а уж потолки и вовсе ушли вверх на невообразимую высоту, венчаясь причудливыми арками. Сев на трон, подал знак придворным, в дальнем конце тронной поторопили визитеров, позволив подойти ближе.

Ко мне шли трое. Первой, загораживая собой остальных, шла азагурша. Высокая, крепкая, она сжимала клинок в жилистой руке и уверенно шагала вперёд так, будто сама была тут хозяйкой. Черные волосы, отброшенные за плечи, открывали уродливый шрам, что пересек лицо крест-накрест ото лба до скул, красота явно её не заботила. Гвардейская кожаная амуниция говорила о боевом прошлом, женщина определенно была воином.

За ней шли эльфы: совсем молодой, белокурый и белокожий, с тонкими чертами лица. Я и без всяких рун узнал в нем его отца — Визаальта. Это определено был его старший сын, что бежал из Светлого города пару месяцев назад. Когда я перевел взгляд на третьего визитера, тут же почувствовал злость — это был мой старый нянька, Сабат. Тот самый маг, из-за которого я не успел когда-то прикончить бесполезного братца, я сжал зубы,

сдерживая недовольство, старику было запрещено здесь находиться, и всё-таки он явился. Старик и мальчишка глубоко поклонились, змеиная же лишь слегка кивнула, пренебрегая всякими правилами приличия.

— Приветствую вас, Теллиарон Серый король, — отозвался мальчишка, склонив голову в поклоне.

— Приветствую, — коротко отозвался я, Атрикарм склонился надо мной, шепотом предложив на всякий случай открыть руны, я отказался. — Что привело вас в Теллирос?

— Я Нароньэль из Светлого леса, ваш племянник. Как вы знаете, мой брат убил Визаальта Мирного, вашего брата и моего отца. Сейчас мой младший брат незаконно захватил белый трон. — Несмело лепетал принц, явно волнуясь.

Азагурша буравила меня желтыми глазами, от её взгляда становилось неуютно, мне никогда не нравились глаза аспидов. Принц замолчал, подбирая слова. Сабат, взглянув на воспитанника, не выдержал.

— Ваше Высочество, вы ведь помните меня? Я растил вас с колыбели, — дребезжал старик, я хмыкнул, предпочитая дать гостю выговориться, а уж потом отправить к палачу. — Я растил обоих сыновей Визаальта, как и вас. И могу сказать точно, что младший отрок Визаальта на троне — это страшно. Для всех, и для Серого города в том числе. Нароньэль же напротив, видят боги, станет хорошим правителем и мужем для вашей прекрасной дочери, — прозрачно намекнул старик.

При последних его словах Нароньэль удивленно посмотрел на няньку, хлопая голубыми глазами, похоже, о женитьбе его никто не предупреждал.

— Такие предложения не делают с наскока, — заметил я, выдержав паузу, заставил поволноваться всю троицу, — но мысль хорошая. Однако пусть моя дочь сама решает, кто из принцев достоин её руки, — я подал знак магу, тот быстро отправился за Маниэ. — А пока могу предложить вам остаться в моём доме.

— Вы несказанно добры, король, как я и думал, — ответил Сабат, низко кланяясь.

В зал вошла Маниэль — распущенные черные волосы, синее платье, что делало глаза еще ярче, моя дочь выросла красавицей. И хоть она старалась не поднимать взгляд, я заметил, что она все-таки посмотрела на принца, и улыбнулся про себя.

— Атрикарм, сопроводи мою дочь и принца Нароньэля по замку, покажи ему виды города, — распорядился я.

Принц взглянул на азагуршу так, словно боялся расстаться, она лишь кивнула на прощанье, сразу отвернувшись ко мне.

«Только бы он не оказался трусливой собачонкой, как его папаша, — подумал я, провожая их взглядом».

Как только дверь за дочерью закрылась, я сменил тон:

— Сабат, если ты думаешь, что я что-то забыл, то ты ошибаешься, — бросил я, буравя взглядом старика. — И не строй из себя святость, если принц не понравится Маниэль, я его как собаку вышвырну.

— Да, король Теллиарон, вы вправе это сделать, — согласился старик, твердо выдерживая мой взгляд, — но про его брата я тоже не шутил. К тому же, Нароньэль мягок, а я уж поверьте, как никто знаю, что на самом деле хочет Серый король, — наши глаза схлестнулись в молчаливом поединке.

Мерзкий старик пытался мной манипулировать, то, что я хотел Светлый лес до сих пор он каким-то образом узнал, а может он просто блефовал? Подумав так, я тут же расслабился.

— Ваша спутница останется здесь? — перевел разговор я в другое русло, чтобы не показать, как слова няньки меня задели.

— Нет, — ответил старик, — ей обещали отплатить за нас золотом или эльфийским мечом.

— Наёмница? — спросил я, обратившись к желтоглазой.

— Допустим, — не слишком-то вежливо отозвалась она.

— Отплачу, если мне понадобится ваш принц, так что жди, допустим наемница, — улыбаясь, ответил я.

Женщина вперила в меня не самый добрый взгляд, ну и гордычка. Хотя, такое поведение можно было вполне списать на неграмотность и отсутствие воспитания, в Гурии это была не редкость.

Мои слуги проводили визитеров в северное крыло замка, выделив покои каждому и получив от меня строгий приказ — докладывать о каждом вдохе принца и Сабата.

Я желал Светлый лес. Отчаянно и жадно, даже когда Теллирос вырос в большой город, я не смог оставить эту мечту. Мне снилось, время от времени, что я еду на золотом олене по Светлому лесу, утопая в солнечном свете, и после этого я просыпался утром с улыбкой. Да и заполучить оба государства, теперь было легче легкого! Нас разделял только Зарнатх и клочок Амутгата, объединив усилия и деньги обоих земель, мы запросто потесним гоблинов и орков, освободив себе небольшой путь по суше. К тому же, если Нароньэль действительно окажется мягким, я без труда буду владеть обоими государствами. От перспектив кружилась голова: плодородные тихарийские поля, выход в богатое Царское море...

Оставалось лишь дать время моим слушачам узнать, каков этот принц и подойдет ли он на роль ставленника. Маниэ же сделает всё, что я скажу и сейчас, и оказавшись на белом троне.

Я подумал о старом няньке, возможно, стоит и его принять поближе, чтобы иметь ещё одного человека в

Светлом лесу. Подумав так, я сменил гнев на милость и велел послать за Сабатом, решив самостоятельно показать ему Теллирос.

Маг, казалось, ничуть не изменился. Он был ровно таким же седым и старым, что и во времена моего детства. Оседлав медведя, я направил животное по городу, рядом со мной ехал Сабат.

— Спасибо, что пригласили меня прогуляться по Теллиросу, я столько слышал о вашем городе, — благодарил старик, рассматривая всё вокруг.

— Это наша первая аптека, совсем маленькая и убогая, но раньше мы только и выживали, благодаря её работе, — пояснял я, указывая на одноэтажное здание, — а там, где шпиды, стоит новая. Там ежедневно трудятся три сотни горожан, — не без гордости, сказал я и Сабат смотрел на меня восхищенно, словно ребенок.

Мы шли дальше, я рассказывал почти про каждое строение, что попадалось на пути, сам удивляясь, как хорошо знаю город. Даже обычные дома я помнил, когда были построены. Те, что из серого грубого камня — через пару лет после рождения Теллироса, те девять добротных домов, что кучно стоят рядом, от первой сделки с гоблинами, а те, что получше и стоят по плану застройки, ровно и аккуратно, уже были за счёт мечей.

Сабат расхваливал меня не хуже льстивых девок, что пытались разделить моё ложе, я лишь улыбался про себя, выслушивая оды и размышляя, когда начать разговор со стариком насчёт принца.

Вечером, слухачи донесли о Нароне немного, но все услышанное радовало: тихий, застенчивый и почти не разговаривает. С радостными мечтами я уснул, проснувшись на рассвете от лязга оружие. Мои окна выходили в сад, звуки доносились именно оттуда. Выглянув в окно, разглядел азагуршу, желтоглазая тренировала принца, я наблюдал за ними с любопытством, ничто не могло сказать о мужчине так полно, как умение обращаться с мечом. Принц был ловок, увертлив, он отлично уворачивался от выпадов наёмницы, но вот в атаку шёл слабо, предпочитая лишь держать оборону. В этом он был похож на отца, Визаальта народ называл Мирным, для меня же подобные прозвища говорили лишь о мягкотелости и слабой воле.

— Принц, вы что, боитесь напасть на неё как следует? — громко прокомментировал я их бой. — Или не умеете?

Дерущиеся остановились, уставившись на меня, юноша соображал, чтобы ответить, он нервничал, мои слова его задели. Азагурша нашлась сразу же:

— Так сами попробуйте, или меч потеряли? — они с принцем позволили себе легкий смешок — до чего же наглая девка.

— Если хотите провалиться пару дней перерождаясь, дело ваше, — парировал я, — сейчас спущусь.

И хоть спозаранку братья за оружие не очень-то хотелось, нахалку надо было поставить на место, да и Нарониэлю будет полезно увидеть, с кем он имеет дело. Быстро набросив одежду, взял меч, что покоился на постаменте в спальне так давно, что уже покрылся пылью. Я быстро спустился в сад. Желтоглазая осклабилась в предвкушении развлечения, обнажила меч и сделала круг, не спуская с меня глаз.

— Король не надел латы, — насмешливо бросила она.

Я улыбнулся, такое глупое бесстрашие не могло не смешить. Сделав выпад, она легко увернулась от ответного, вновь направив клинок на меня. Солнце играло на стали клинка так же ярко, как в безумных желтых глазах. Змея смеялась, делая легкие выпады, словно играла со мной.

— Высочество что-то там говорил о нападении как следует? — задевала меня азагурша, — забыли, как это делается? — я пустил остриё вперёд и как только змеиная отклонилась вправо, резко сменил направление, сбив нахалку подножкой.

Тут же вскочив на ноги, противница бросилась на меня, ударив по мечу, отбила мою руку в сторону и ударила ногой в грудь, я закашлялся, едва успев отбить боковую атаку. А девка была неплоха! Мы сцепились в бою, более яростном, чем я ожидал, мечи звенели, ударяя друг друга, ни один из нас не уступал другому:

— Папа! — вдруг раздался голос Маниэ, она выскочила в сад, испуганная звоном, я отвлекся всего на миг, как тут же оказался на земле.

Надо мной стояла азагурша, черные волосы растрепал ветер, грудь её учащенно вздымалась, лишь секундой позже я заметил клинок, что охлаждал мою шею:

— Бить в спину не честно, — заметил я, глядя в жёлтые глаза.

— Мои противники не слышали о чести и жрали проигравших, — улыбнулась она.

— Папа, что здесь происходит? — Маниэль протянула мне руку и принялась заботливо отряхивать одежду.

— Мы просто тренировались, — ответил я, и дочь покачала головой. — Пойдемте лучше завтракать, я очень голоден, — предложил я, и строгий взгляд дочери смягчился.

Мы повернули в сторону дворца, я позволил Маниэ и принцу отдалиться, драконья осталась стоять на месте, очевидно решив, что приглашение её не касается.

— Не голодны? — поинтересовался я, глядя, как она очищает клинок кусочком кожи, похоже, гвардейская выправка вьелась в её натуру.

— Ваше Величество...

— Теллиарон, — поправил я.

— Теллиарон, — задумчиво произнесла она, будто пробуя моё имя на вкус, — вот это вот всё, — женщина обвела рукой вокруг, — я здесь не к месту, — ответила она, опять вернувшись к своему занятию, сосредоточенно начищая сталь.

Я взглянул на неё: грубая броня исцарапанная и подпорченная в сватках, криво остриженные волосы, скорее всего наспех обрезаны мечом, руки, что ловко управлялись с клинком и теперь не находили покоя, в сотый раз шлифуя одно и то же место. А вокруг прекрасный осенний сад с мелкой плиткой на земле, цветами, фонтаном, птицами и ажурными скамейками. Неожиданно я ощутил себя на её месте:

— Сегодня выдам Сабату деньги, пусть расплатится с вами, — сказал я, азагурша вскинула на меня внимательный взгляд.

В утреннем солнце глаза и чешуйчатый узор на её лице казались золотыми, совсем как драконьи яйца, что грелись в моей кузнице у огня. Черные волосы и кожа, чуть тронутая бронзой, женщина была красива, я с удивлением это отметил, никогда прежде не глядя на драконьих девок с этой мыслью. Она тоже смотрела на меня, пожалуй, чересчур долго:

— Спасибо, — ответила она, поспешив отвернуться.

Выдав награду Сабату, отправился к себе.

В ту ночь в объятиях Нарсезы я вдруг вспомнил азагуршу.

[1]Термофор — грелка, в древности исполнялась в виде металлического сосуда с двумя раскрывающимися частями, в полость которых укладывали угли.

ГЛАВА 25. ВАГАРДА, ТЕЛЛИРОС. НА ПРОЩАНИЕ

В Теллирос нас отправили следующим утром, да ещё и на повозке, я, блаженно растянувшись на лавке, хвалила Сабата за смекалку. Сразу по прибытию в Серый город нам выдали пергамент и перо, долго не думая, маг написал письмо прямо королю. Пронырливый гоблин же написал какой-то родне и уже через час смылся, мы же просидели до вечера.

Удивленный стражник звякнул ключами и отворил дверь камеры. К нам вошел гвардеец в серебряных начищенных латах и белом плаще, этакие щёголи точно не ходили по тюрмам каждый день.

— Его высочество согласен уделить вам пару минут, — оповестил красавчик, указывая нам на выход.

Долго уговаривать не пришлось, и мы поторопились прочь.

Теллирос имел широкие улицы, мощенные серым камнем, добротные дома тут были считай у каждого, каменные двух и трехэтажные, повсюду ютились лавчонки с товарами, на улице пахло свежими булками. Оглядывала прохожих с интересом, большинство — остроухие, скромно одетые, но далеко не в лохмотьях. Были здесь и гоблины, что продавали барахло прямо со своих тележек, кое-где встретились пару орков и людей, попадались тут и дети-полукровки всех мастей. Единственно, азагуров здесь не было ни одного, по пути к серому замку мы так и не встретили желтоглазых, кажется, нашего брата тут не жаловали.

Стражник в белом плаще восседал на лошади и вел нас под гору, за нами шли ещё двое охранников. Город уходил вверх постепенно, в самом его основании возвышались горы, непрерывной цепью мелькая за крышами. Замок, к которому мы шли, был удивительным. Высоченные тонкие шпили протыкали небо, украшая фасад, дальше, за башнями замок уходил в саму гору, чьи-то умелые руки вырубili дворец прямо в скале, заботливо украсили арками, изразцами и ажурными окнами. В заходящем солнце дворец и вовсе выглядел внушительно.

Глазая по сторонам, мы прошли сначала сквозь ворота, после через добрый десяток дверей и наконец, остановились в тронной зале. Серебряный трон с острыми, взлетающими вверх, краями пустовал. Нас оставили почти у самого порога, не позволяя подойти ближе, гвардеец о чем-то переговаривался с высоким рыжеволосым магом, что караулил у трона неизвестно кого, маг кивнул и вышел. За тронном имелась дубовая дверь с изразцами, вскоре за ней послышались шаги, створки распахнулись и к нам вышел сам король. Он сделал знак охране, нам разрешили подойти ближе, в зале были столь высокие потолки, что годились для а капельного[1] пения на день Солнцестояния, шаги эхом стучали по полу, я чувствовала себя неловко. Расправив плечи, отбросила робость и зашагала увереннее, так, как учили в гвардии. На троне, облаченный в черные одежды, и украшенный терновой короной из серебра, восседал смуглокожий остроухий с чёрными, смоляными волосами. Я никогда раньше таких смуглых остроухих не видела, странно было, что это вообще эльф.

Он был не молод, цепкие карие глаза следили за нами от самого входа, пробегая то по мне, то по старику. Но внимательнее всего король смотрел на Нарона. В десятке-другом шагов от трона, нам приказали остановиться, остроухие сразу принялись низко кланяться, я же не желала склонять свою спину, лишь слегка кивнув.

Маг ткнул принца локтем, Нарониэль торопливо заговорил, он сильно нервничал, от чего речь стала торопливой и сбивчивой. С едва скрываемой насмешкой и каким-то странным ликованием на него смотрел король, в глазах его плясами лукавые огни, он выслушивал принца, едва ли не растягиваясь в улыбке. Кажется, король и вовсе не особенно вслушивался в слова Нарона. Видя, что высокомерный хозяин дворца молчит, старик взял слово, вдруг сообщив, что был нянькой и этому королю.

«Так вот почему Сабат так интересовался у гоблина про Теллиарона Серого, — подумала я».

И тут старик упомянул о дочери серого короля, Нарон побледнел, глаза его растерянно посмотрели на меня: бессовестный старик так и не удосужился предупредить принца об условиях помощи от Теллироса. Я кивнула в ответ, мол, всё хорошо, принц, так и надо и поспешила отвернуться от голубых глаз, что не желали меня покидать. Король подозвал своего мага и вскоре тот привёл в тронный зал принцессу: юная, тонкая, синеглазая и белокожая, девушка была очень красива. Я уставилась на свои ботинки, не в силах видеть эту смазливую принцессу, что так и пялилась на Нарона, вскоре молодых эльфов увели, вопреки крику разума, мне было крайне неприятно смотреть на них, идущих так близко друг к другу.

Как только дверь за принцем и принцессой захлопнулась, Теллиарон Серый резко сменил тон, показав свою истинную личину:

— Сабат, если ты думаешь, что я что-то забыл, то ты ошибаешься, — резко отозвался король, карие глаза пилили дыру в собеседнике. — И не строй из себя святость, если принц не понравится Маниэль, я его как собаку вышвырну.

От этих слов разозлилась и я. Старик тоже был зол, желваки сжались под морщинистой кожей, но ответил он спокойно:

— Да, король Теллиарон, вы вправе это сделать. Но про его брата я тоже не шутил. К тому же, Нарон мягок, а

я уж поверьте, как никто знаю, что на самом деле хочет Серый король, — не знаю, уж про что они говорили, но Серый король взбесился, злобно глядя на мага.

Но тут же о чем-то подумав, он напустил на себя весёлый вид:

— Ваша спутница останется здесь? — вдруг спросил он, обратившись ко мне.

— Нет, — ответил Сабат, — ей обещали отплатить за нас золотом или эльфийским мечом.

— Наёмница? — насмешливо спросил король.

— Допустим, — сквозь зубы ответила я, этот вальяжный тон всё меньше мне нравился.

— Отплатчу, если мне понадобится ваш принц, так что жди, допустим наёмница, — улыбнулся наглый тип.

Я со злостью посмотрела на короля, ну и сволочь! Я тащила сюда его зятя два месяца по всему Дарону! Но мой взгляд встретила лишь мерзкая улыбочка на довольной роже, он прекрасно знал, что мы примем любые его условия. Нам было великодушно позволено остаться до тех пор, пока смазливая принцесса не решит судьбу Нарониэля и вообще всех нас. А пока каждому выделили комнату, на здоровенной кровати с пышными подушками и рядом бархатных штор меня ожидало платье, поморщившись, сбросила тряпку на кресло, не хватало мне ещё носить вещи остроухих, лишь бы не оскорблять глаза короля и его придворных. За ширмой ждала служанка, наполняя горячую ванну. В принципе, тут можно было и погостить.

Отмывшись как на первую присягу, я все-таки переделалась в чистое платье и доверила служанке отстирать мою форму. Бархатная тряпка облегла талию, а разрез едва прикрывал груди, я сразу вспомнила дом Гризо и с недовольством отвернулась от зеркала.

За окном совсем стемнело, служанка принесла мне ужин и выстиранную форму. Гулять по замку нам никто не позволял, было разрешено пользоваться только садом, а ночью туда идти не хотелось. Отправив девушку, я уже собралась спать, как в дверь постучали. На пороге стоял Нарониэль, оглядевшись по сторонам, впустила принца:

— Тебе не стоит ко мне бегать, — сказала я, — за тобой должны следить, ты пока ещё не понравился новой родне.

— Никакая они мне не родня! — воскликнул Нарониэль, — и кто вообще сказал, что я хочу жениться? Да еще и на этой пустоголовой неженке?

— Ох, принц, — вздохнула я, плюхнувшись на атласную кушетку, — тебя никто не спросит, разве ты не понимаешь?

Наши глаза встретились, Нарон был растерян и подавлен.

— Ты очень красивая в этом платье, — вдруг сказал он, и я улыбнулась, из его уст это звучало так мило, — и вообще ты красивая, всегда.

— Спасибо, — ответила я, — может и принцессе стоит оставить пару шрамов? — мы коротко рассмеялись.

Принц подошел ближе и сел рядом, его ладонь накрыла мою, сердце застучало быстрее, он придвинулся ещё ближе, так, что тепло его тела стало ощутимым. Я смотрела в серые глаза, ощущая, что утопаю. Нарониэль поддался вперед для поцелуя, обжигающая волна всколыхнула тело, замерев трепетом в груди:

— Нет, хватит, — прошептала я, отстранившись, — уходи!

— Но ты же сама этого не хочешь! — противился эльф, пытаясь вновь коснуться меня.

— Да какая разница, чего я хочу? — воскликнула я, оттолкнув его руки.

— Виги, — прошептал он, глядя в мои глаза, — давай сбежим вместе, сегодня же.

Я закусила губу и отвернулась, от этих слов хотелось выть.

— Нарон, ты будущий король, — подбирая слова, ответила из-за спины, лишь бы не смотреть в эти глаза снова. — Всё, что было между нами — мелочь, всё пройдет, поверь, я знаю, как лечит время. И дай принцессе шанс, она твоя пара.

— Не говори так! — выкрикнул Нарон, — или ты сама не хочешь этого? Посмотри мне в глаза и скажи! — он схватил меня за плечи и заставил взглянуть на него.

— Я не хочу, принц, — еле выжала я.

Эльф растерянно смотрел на меня, стараясь найти другой ответ, а после разжал руки и отправился прочь. Когда дверь захлопнулась, тихо добавила:

— Я не хочу, принц, не хочу портить тебе жизнь.

Не находила себе покоя всю ночь. Мягкое ложе душило периной, жаркое одеяло давило грудь, я ворочалась, вставала и вновь ложилась. Но сон так и не пришел, с первыми лучами солнца я надела привычную амуницию и поспешила в сад, чтобы размяться. Неистово хотелось бежать отсюда, прямо сейчас перемахнуть через каменный забор и лететь без оглядки подальше, но я не могла позволить себе потерять деньги за работу. Собрав ветки, расставила, воткнув в землю и вооружившись клинком начала бой, и хоть такая тренировка была сотню раз

беспользой в реальном бою, получилось отвлечься.

— Потренируешь меня? — Нарониэль подкрался из-за спины так тихо, что я вздрогнула.

— Бери меч, — всё же тренировка с ним была веселее рубки палок.

Мы скрестили мечи, принц радовался, как дитя, моему вниманию. Не спуская с меня глаз, улыбался и пропускал выпады, он до сих пор не отказался от дурной идеи, что предложил вчера.

Вдруг откуда-то сверху раздался голос:

— Принц, вы что, боитесь напасть на неё как следует? Или не умеете? — на балконе стоял Серый король.

Нарон открыл было рот, надеюсь, желая использовать одно из моих словечек, но промолчал и осекся. Я улыбнулась, проткнуть или хотя бы поцарапать этого нахала было бы приятно:

— Так сами попробуйте, или меч потеряли? — спросила я, Нарон хмыкнул, мы тихо засмеялись.

Король поменялся в лице, к таким ответам Высочество точно не привык:

— Если хотите провалиться пару дней перерождаясь, дело ваше, — крикнул он, — сейчас спущусь.

Через минуту остроухий выскочил в сад, по взъерошенным волосам было заметно, что в спешке он даже не стал тщательно причесываться и зализывать волосы, как обычно носили ушастые. Я посмеивалась, глядя на этого зазнайку, ох как должно быть его задела мои слова. Выставив клинок, сделала мягкий круг по саду, присматриваясь к сопернику:

— Король не надел латы, — съехидничала я, ушастый улыбнулся, приняв вызов.

Сделала выпад, эльф быстро отбил его, на этот раз я напала быстрее.

— Высочество что-то там говорил о нападении как следует? — язвила я, — забыли, как это делается?

Эльф купился, бросившись в атаку, я увернулась, как он вдруг резко сменил ход и ударил ногой мне под колено, сбив с ног. Вскочив на ноги, я разозлилась и бросилась на короля, слабый блокирующий приём и я ударила его ногой прямо в грудь, противник закашлялся, а я тут же бросилась в атаку.

Гад рубил мечом по острию, игнорируя мои попытки отбить атаки плоскостью и сохранить свой гвардейский меч, королю, с клинком эльфийской стали бояться было нечего, острия он не жалел. Приходилось отскакивать и беречь меч, теперь и король разозлился, поединок грозил скоро перейти из тренировочного в настоящий.

— Папа! — вдруг раздался голос, принцесса бежала к отцу через весь сад.

Эльф отвлёкся, тут же получив подножку, рухнул на землю, я с улыбкой осмотрела заносчивого противника, шея которого теперь была во власти моего клинка:

— Бить в спину не честно, — заметил он с легкой улыбочкой.

— Мои противники не слышали о чести и жрали проигравших, — парировала я.

— Папа, что здесь происходит? — принцесса возмущенно осмотрела меня и поспешила поднять отца.

— Мы просто тренировались, — оправдывался король, до чего же ушастые были неженками. — Пойдемте лучше завтракать, я очень голоден, — предложил король разволновавшейся дочурке.

Они отправились во дворец, король предусмотрительно отстал от дочери и Нарона, давая им быть вместе подольше, и исподтишка за ними наблюдая. Этот брак он желал, а значит, скоро мне заплатят. Выудив из кармашка кусок замши, принялась натирать клинок, лезвию здорово досталось от битвы «острие в острие» с эльфийским клинком.

— Не голодны? — вдруг окликнул меня Серый король.

Не хватало мне ещё смотреть за царским столом, как смазливая принцесса пялится на Нарониэля:

— Ваше Величество, — начала я, думая, как бы сказать помягче.

— Теллиарон, — поправил он.

— Теллиарон, — ответила я, немного задумавшись, — вот это вот всё, — обвела рукой сад, — я здесь не к месту.

Король посмотрел на меня, впервые за нашу встречу в его глазах не было насмешки, он наблюдал, как я шлифую клинок, поднимал взгляд выше, на обнаженные предплечья, на мои доспехи, лицо. Неожиданно он сказал:

— Сегодня выдам Сабату деньги, пусть расплатится с вами, — я посмотрела на него удивленно, с чего вдруг такое сочувствие?

Карие глаза были глубокими и твердо-спокойными, передо мной был сильный воин, пусть и тщеславный. Он тоже смотрел на меня, взгляд то и дело опускался на мои губы, молчание затянулось:

— Спасибо, — поблагодарила я и поспешила отвернуться.

Молча, король развернулся и пошел в сторону замка. Не верилось, что мое путешествие подошло к концу.

Я решила ничего не говорить Нарониэлю, мы должны были расстаться просто, пусть лучше так. Я обязана была быть жёстче, ещё тогда, когда со мной говорил Сабат, но не смогла. Так хотя бы сейчас нужно поступить правильно и оставить юношу в покое, теперь его ждала жизнь, для которой он родился. Со мной же его не ждало ничего. Собрав вещи в небольшой узел, я была готова.

Коротко постукавшись, за мной пришёл Сабат:

— Я провожу тебя из города, — предупредил он.

— Спасибо, — поблагодарила я, забирая скромные пожитки.

Крытая бричка ожидала нас прямо у дворца, усевшись, поехали молча. Я смотрела в окно и старалась не думать лишнего.

— Ты попрощалась с Нарониэлем? — спросил старик.

— Нет, — ответила я.

— Вот и хорошо, — согласился старик, и немного помолчав, добавил, — вот только что вы делали в твоей комнате вчера вечером?

Я развернулась, чтобы взглянуть в белесые глаза, как вдруг боль пронзила грудь:

— Я тебя предупреждал держаться подальше, — сверкнул глазами Сабат, я удивленно взглянула вниз, в груди по рукоять торчал кинжал. — И будет тебе отплачено золотом или эльфийским клинком. Мой кинжал как раз эльфийский, — процитировал он и рванул острие из груди.

Бричка остановилась, я рухнула на пол, хватая воздух ртом, пыталась вдохнуть, кровь хлестала, заливая доспехи, текла ручьем на пол. Дверь отворилась, стражники вытащили меня, швырнув на землю.

Последнее, что я запомнила, была толстая решётка, лязгнувшая за спиной.

[1] **Пение а капелла, а капельное пение** — пение, без сопровождения каких-либо музыкальных инструментов, как правило, хоровое.

Три года спустя.

Четверо. Их было четверо. Сначала крошечные, меньше кошки, слабые, медленные, с хрупкими косточками. Они ворочали желтыми глазами, постоянно мёрзли, приходилось без конца поддерживать костер, таскать тайком под мантией в подземелья дрова и не спать ночами, чтобы они не замёрзли. Чуть позже догадался принести им собаку, они грелись возле неё, а через неделю сожрали. И тогда под полами мантии я стал носить в подземелье мясо.

Когда аппетит их стал неуёмнее, они чуть было не съели меня, хитро заранее отрезав путь в обоих тоннелях, тогда я решил сказать Мазирису. Его Высочество пришёл в дикий восторг, змеенышей перенесли прямо во дворец и кормили круглыми сутками, они ели и росли, росли и ели. Ломали стены, жгли мебель, кусали придворных. Малыши жили в покоях, пока не доросли до размеров лошади и все-таки съели пажа и двух стражников. Тогда драконов закрыли там, где содержались ещё их предки — подземелья Мадиса снова стали опасны.

Теперь я не боялся, что о нашей тайне узнают соседи, драконы вымахали за шесть месяцев сначала до грифона, а ещё через два года были крупнее пяти грифов, взятых вместе. А уж какими твари были смышленными! То и дело в подземельях пропадали кормильцы или стражники: змеи обманывали, притворялись больными и ранеными, караулили у стен и потолков, а потом в одно мгновение разрывали глупца на кусочки, жадно пожирая. Иногда драконы от скуки дрались друг с другом, потому пришлось разделить тоннели, чтобы сохранить их в целости до самого взросления. Вскоре заходить в эти пещеры стало слишком опасно, тварей теперь кормили из-за стальных решеток. Змеи одичали и перестали выходить на свет, лишь по луже крови на полу от предыдущей кормежки можно было понять, что тоннель не пустует.

Мы выпускали их лишь однажды, когда помогали Серому королю разобраться с войском остроухих, до чего же это было прекрасное зрелище! Драконы, пусть и незрелые, уже тогда показали себя. А теперь, по прошествии еще года, змеи были полностью готовы.

Два коротких стука, затем один долгий, вновь два коротких, дверь открылась, стражник осмотрел процессию, пропуская внутрь. Мы с королем и свитой пришли на кормление, сегодня драконов ожидает пир и испытание.

В летописях упоминалось о взрослении змеев, у всяких оно происходило по-разному и в разное время, но как только змей переходил в зрелую пору шкуру его не мог пробить ни один клинок, а зубы разрывали дюймовый кусок стали, только тогда дракону даровали имя и ошейник воли. Прошло три года с чудной ночи, когда чешуйчатая скорлупа треснула в свете пламени, теперь пришла пора назвать существ, что принесут Магикону славу.

— Всё готово? — спросил Мазирис, вздрагивая от возбуждения.

Глаза короля блеснули, он находился в нетерпении. Стражник кивнул, указывая рукой в правый коридор.

За решеткой темницы тряслись от страха четверо приговоренных, оруженосцы торопливо застегивали последние части тяжелой амуниции, вылитой специально для сегодняшнего дня.

— Вам выпала великая честь, — оповестил заключенных я, они уставились на меня из-под тяжелых забрал, словно запуганные зверьки. — Впервые за сотни лет вы узрите живого змея, — я подал знак оруженосцам, в руках первого заключенного оказался клинок лучшей эльфийской стали. — Вам уготована великая честь, помните это пред лицом смерти.

Слуги быстро покинули камеру заключенного, за его спиной неспешно поползла вверх решетка, открывая второй выход из камеры. Заключенный медленно направился в коридор, громко стуча стальными сапогами. Эхо подхватывало звон, приумножало и разбрасывало по пещере, взывая к её хозяину. Мы поспешили перейти в другой зал: потолки его были так высоки, что терялись в темноте, туда и брёл осужденный. В зал кормления вели три входа, в черном чреве тоннелей было мертвенно тихо. Я тысячу раз был далек от военного дела, но даже так я чувствовал, как дракон смотрит на нас, спрятавшись в ночи. Маг воздуха держал наготове ошейник воли, который необходимо было сегодня надеть на змея. Заключенный вышел в центр, развернувшись спиной к нам, все замерли в ожидании, но дракон не спешил показываться.

— Постучи! — потребовал Его Высочество, но заключенный стоял в оцепенении.

Король выхватил меч стражника и ударил по решеткам, звон разнёсся по тоннелям, тень мелькнула так быстро, что я едва успел уловить это движение и вдруг прямо с потолка перед нами спрыгнул дракон. Серая шкура сверкала в слабом свете, змей медленно обошел по кругу необычную добычу, что стояла, жалко протянув меч. Хвост, увенчанный шипами, медленно тянулся по полу, не смотря на громадные размеры, дракон был бесшумный, словно кошка. Неожиданно Его Величество ударил по решетке мечом, дракон резко метнулся к нам, ударив

мордой о решетку с такой силой, что с креплений в стене посыпались камни. Воспользовавшись секундой, маг воздуха, тут же перенёс ошейник за решетку, сталь лязгнула, закрывшись на толстой шее. Змей взмахнул крыльями, в инстинктивной попытке взлететь, но ударив крыльями о стены пещеры сложил их и тут же прыгнул на потолок, скрывшись из виду:

— Куда она ушла? — злился король, едва не топая ногами.

— Ваше Высочество, он, — терпеливо поправил я, — перед нами самец, как вы могли заметить по нависшим надбровным дугам и окрасу холодного тона.

Мазирис удивленно посмотрел на меня так, будто вчера я не распинался перед ним два часа, поясняя, как определить пол змея.

— Да неважно! — отмахнулся Его Величество, — куда он делся? Я его ещё толком не рассмотрел!

— Свет Магикона, змеи непослушны до тех пор, пока маг не возьмётся за их волю с помощью ошейника, — мягко напомнил я.

— Так ошейник же зацепили! Давай тварь сюда, я ещё не насмотрелся на него! — требовал Мазирис, багровея от злости.

И вдруг дракон рухнул вниз, обрушившись прямо на бронированную добычу, хруст и переломанное пополам тело ударило в решётку, кровь брызнула на нас, залив лица и руки. Вторая половина заключенного исчезла навсегда где-то в черном тоннеле, куда умчался змей.

— Назовем его Кровавым Серебром! — орал Мазирис, дрожа от возбуждения, лицо его было целиком измазано кровью, глаза горели безумием. — Он ведь серо серебряный, и мрак подери, Аракос, сколько крови!

В таком состоянии спорить с королем было опасней некуда, я, кривя душой, все же записал в указ: «Кровавое Серебро, самец, около двадцати ярдов длинны».

Вторым был Ночной Крик двадцать три ярда в длину с шипастой мордой, темно-серой шкурой и глазами в цвет горной воды, он предпочёл пожирать жертву кусками, пока та истошно вопила и лишалась кусков тела по частям. Третьим нас встретил двадцати четырех ярдовый змей редчайшего синего окраса, разорвав жертву за первое мгновение, едва лишь приговоренный успел сделать шаг в большой зал, дракон таскал тело на потолок, сбрасывая вниз и вновь подбирал. Я едва отговорил Его Высочество от прозвища Синий Шут, заменив на более благородное Сапфировый Насмешник.

От вида четвертого дракона мое сердце ухало в груди, как молот. Змей не меньше тридцати ярдов за мгновение раскрошил стальную обертку добычи, мелкие кусочки амуниции, разлетались как ореховые скорлупки, слотнув мясо в один присест он едва не сжёг наблюдателей, и, если бы не мой водяной щит, и сила мага ветра, от нас бы остались только пеньки. Мы стояли у раскаленно-алой решетки и провожали взглядом отдаляющуюся тварь, что едва влазила в тоннель, от вида такой мощи голова шла кругом у всех созерцателей:

— Черный Ужас, Черный Ужас, Черный Ужас, — шептал, все повторяя Его Величество и на этот раз я был с ним согласен.

Вечером, сидя над летописями с кружечкой ароматного травяного чая я вписывал новые драконьи имена на пожелтевшие страницы фолианта, золотой магический узор растекался по каждой странице, оставляя под именами место для великих дел, которые скоро совершат эти змеи.

Следующей бумагой на сегодня было письмо в Теллирос.

Спустя еще полгода.

Мазирис ёрзал по трону задом, словно школяр, не способный дожидаться окончания урока. Дородный, румяный начальник стражи вещал о вчерашних событиях Мадиса, опасаясь смотреть королю в глаза:

— Ваше Высочество, вчера мы разогнали толпу, двое моих людей забиты до смерти, потом эти ублю... Граждане, — густо покраснев, поправился толстяк, — стали крушить лавки. Разбита и разграблена мясная, тканная, две эликсирные лавки, погром на Торговой улице быстро перешёл на Зелёную и Нагорную...

— Так казнить их всех к Мраку! — взревел, топая ногой Мазирис, — Аракос, приказываю всех бунтовщиков скормить Черному Ужасу, у него самый хороший аппетит!

Похоже, Его Светлость не совсем понимал масштабы проблемы, так ловко организованной остроухими подстрекателями. Начальник городской стражи пугливо поглядывал на меня, в надежде, что я донесу информацию лучше.

— Свет Магикона, вы правы, конечно же, метод хороший и крайне эффективный, — начал издали я, — вот только так мы и вовсе потеряем граждан, а значит, лишимся налогов и золота в казне, — последние слова привлекли внимания короля, он на минуту даже перестал скакать на сиденье.

— В каком смысле? — переспросил король, тщетно напрягая извилины и важно наморщивая лоб.

— Мы схватили полторы сотни мятежников, — не поднимая взгляда от ботинок, рапортовал служивый.

— Ваша Светлость, недовольных слишком много. Они скоро взбунтуются, — тихо добавил я, дополнив красноречивый рассказ начальника столичной стражи.

— И чем они так недовольны? — воскликнул Его Высочество, вскочив от нетерпения на ноги.

Похоже, начало доклада он тоже не слушал.

— Все началось, когда сборщик подати приехал за деньгами для Гурии, — мягко напомнил я, начальник стражи кивал лысой головой как игрушечный болванчик.

— И что мне делать? — взревел Мазирис, но в его глазах читался отнюдь не гнев.

Он визжал, как собачонка, загнанная в угол здоровенными псами, грозности в голосе не было, только паника. Вдоволь насладившись этой реакцией, я улыбнулся:

— Ваша Светлость, у вас есть четыре дракона, — напомнил я.

— И что? Что с ними делать? — никак не додумывался идиот в короне.

— Выпустить на Гурию вместе со своим войском, — предложил я, — помните, азагурской данью недовольны многие. Светлый лес с королем Нарониэлем пойдет с вами и призовет в помощь своего тестя. Серый лес тоже вступится за вас, они нам должны, помните? Вы только представьте, какая славная будет битва! — расписывал как можно красочней я, — три непобедимые армии, четыре прекрасных дракона с вашей стороны и двое с эльфийской, и вы во главе шествия в роскошной мантии.

— Ты что, хочешь отправить меня на войну?! — побагровел Его Высочество, ко всем своим недостатком он был ещё и трусом.

Больше я не решался давить на него, начальник стражи исподтишка поглядывал то на меня, то на короля. Я сделал ему знак удалиться, откланявшись, служивый ушёл.

Мазирис поднялся на ноги и выскочил прочь из тронной словно стрела, но я знал, что мои слова достигли цели. В двенадцать часов пополудни Его Высочество отказался от трапезы и вызвал меня, прогнав прочь всех придворных до одного.

— Аракос, у меня нет подходящей воинственной мантии, — серьёзно заявил король. — Для неё ведь нужен хороший алый!

Я улыбнулся, едва заставив губы не растянуться слишком уж широко:

— Не переживайте, Ваше Высочество, я постараюсь чтобы вам сшили алую мантию, — успокоил Мазириса я, — самую алую.

Больше книг на сайте - Knigoed.net